На правахъ литографированнаго курса лекцій.

А. М. Селищевъ.

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ СРАВНИТЕЛЬНУЮ ГРАММАТИКУ СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Выпускъ 1.

КАЗАНЬ.
ЛИТО-ТИПОГРАФІЯ И. Н. ХАРИТОНОВА.
1914.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1111
52

Очеркъ „Введенія въ сравнительную грамматику славянскихъ языковъ“ предназначается въ качествѣ пособія по пропедевтическому курсу славянскаго языкознанія, читаемому авторомъ на Казанскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ слушательницамъ младшихъ семестровъ (I—IV). Этотъ курсъ является вводнымъ въ изученіе отдѣльныхъ славянскихъ языковъ (южныхъ и западныхъ), исторія и діалектологія которыхъ излагается слушательницамъ старшихъ семестровъ (V—VIII).—1-й выпускъ заключаетъ въ себѣ характеристику отдѣльныхъ славянскихъ языковыхъ группъ и звукового состава языка праславянскаго и замѣчанія объ отношеніи его къ литовской (балтійской) языковой семьѣ. Во 2-мъ выпускѣ будетъ сдѣланъ краткій сравнительный очеркъ отраженій главныхъ праславянскихъ звуковыхъ явленій въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ.

А. Селищевъ.

Казань.
6 мая 1914 г.

Предметомъ научнаго языкознанія является человѣческій языкъ въ его исторіи. Языкъ каждаго народа, каждой общественной группы, каждаго индивидуума не остается въ теченіе времени неизмѣненнымъ; онъ подвергается постояннымъ, хотя и постепеннымъ видоизмѣненіямъ; каждый языкъ въ извѣстный періодъ своего существованія представляетъ собою результатъ тѣхъ измѣненій, которыя были пережиты имъ въ предшествующій періодъ Это постоянное видоизмѣненіе языка заключается въ томъ, что онъ переживаетъ постепенныя измѣненія и въ области звуковъ, и въ формахъ словъ и предложеній, и въ реальныхъ и формальныхъ значеніяхъ; онъ утрачиваетъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ и пріобрѣтаетъ новые, неизвѣстные ему раньше. Напр., въ настоящее время въ русскомъ языкѣ мы слышимъ *зуп*(*б*), *гус'* (*гусь*), между тѣмъ въ раннюю эпоху жизни русскаго языка вм. *у* въ этихъ словахъ звучалъ носовой гласный ǫ (ѫ), затѣмъ *ц* (носовое *у*), т. е. гласные *о—и,* произносившіеся при опущенной небной занавѣскѣ, открывающей входъ въ носовую полость. При открытомъ входѣ въ полость носа произносился и гласный *е* (ę), звучавшій нѣкогда въ такихъ словахъ, какъ *мясо*, *жатва*, *свят*(*ъ*), *пят'*(*пядь*), *пят'*(*пять*) и др. Носовые гласные были извѣстны русскому языку *до* X вѣка. Тогда же и нѣсколько позднѣе, приблизительно до половины XII в., въ концѣ словъ *зуп*(*б*), *свят*, *пят'* (*пять*), *пят'* (*пядь*) и т. п. слышался еще очень краткій гласный, короче обыкновеннаго краткаго гласнаго, редуцированный гласный *ъ* (*зубъ*), или *ь* (*пядь, пять*); передъ *ъ* въ словѣ *зубъ* было не *п*, а *б*; въ словѣ *пят'* (пишется *пядь*) передъ *ь* не *т'*, а *д'*, т. е. звонкіе согласные, сохранявшіеся нѣкоторое время и по утратѣ *ъ* (*ь*), сохраненные нѣкоторыми говорами, преимущественно малорусскими, и до настоящаго времени. Такимъ образомъ, въ одну изъ эпохъ русскимъ языкомъ была пережита утрата носового произношенія нѣкоторыхъ гласныхъ и замѣна прежнихъ носовыхъ гласныхъ

неносовыми, чистыми (ǫ→*ц*→u, ę→ę^{a}→ ą→'a), т. е. произошло измѣненіе въ условіяхъ образованія этихъ звуковъ, въ другую эпоху русскимъ языкомъ были утрачены редуцированные гласные *ъ*, *ь*, они или совсѣмъ исчезли изъ произношенія (напр., въ концѣ слова) или замѣнились гласными полнаго образованія: *о* (вм. *ъ*), *е* (вм. *ь*)· *сънъ*→*сон*,→*дьнь*→*ден* Въ дальнѣйшую эпоху звонкіе согласные въ концѣ словъ утрачивали свою звонкость и становились глухими, т. е. при ихъ произношеніи голосовыя связки не были въ напряженномъ положеніи и при прохожденіи воздуха въ полость рта онѣ не приходили въ дрожаніе· *зубъ*→*зуб*→*зуп*. Но это измѣненіе конечныхъ звонкихъ согласныхъ было пережито *не всѣми* русскими говорами· малорусскіе говоры и нѣкоторые великорусскіе и до сихъ поръ знаютъ въ концѣ слова *д*, *б*, *ж* и др звонкіе согласные

Далѣе, въ жизни русскаго языка была такая эпоха, когда *е* и *ь* сильное, не подлежавшее выпаденію, находясь передъ твердыми слогами, испытывали измѣненіе по направленію къ гласному *о*; въ результатѣ этого измѣненія въ эпоху болѣе позднюю развился гласный *о* (одна изъ стадій этого процесса гласный о,—лабіализованное *е*) *вёсны* (*в'осны*), *с'остры*, *дён*(*д'он*), *л'он* и т. п. Но мы слышимъ *купец*, *конец* и др. съ гласными *е*, а не *'о* (е). Но въ данныхъ случаяхъ надо имѣть въ виду слѣдующее: *когда е* и *ь* сильное измѣнялись по направленію къ *о* въ положеніяхъ передъ твердыми слогами, *въ то время ц* было согласнымъ *мягкимъ* и передъ нимъ, естественно, не было указаннаго измѣненія *е* и *ь* (сильнаго). Отвердѣніе *ц*—явленіе позднѣйшее, не охватившее всѣхъ русскихъ говоровъ; *ц* остается и до настоящаго времени мягкимъ согласнымъ въ сѣверно-великорусскихъ и малорусскихъ говорахъ. И вообще, изученіе физіологической стороны звуковъ языка оказываетъ существенную помощь при объясненіи явленій языка, опредѣляя часто самый характеръ измѣненія, самый процессъ его и послѣдовательность. Такъ, въ отмѣченномъ выше явленіи *е*→*о* такой переходъ совершился не сразу, а черезъ стадію *ö* (гласный передняго ряда, лабіализованное *е*) Такимъ образомъ, необходимо имѣть въ виду ту *эпоху*, когда происходило то или иное измѣненіе въ языкѣ.

Затѣмъ, мы слышимъ *плет'от'е*, *нес'от'е* и т. под. Присутствіе *о* въ данныхъ случаяхъ (передъ *мягкимъ* соглас-

нымъ) объясняется вліяніемъ такихъ формъ, какъ *плет'ом*, *нес'ом*, гдѣ *е* закономѣрно, фонетически перешло въ *о*. Итакъ, на-ряду съ фонетическими измѣненіями въ языкѣ происходятъ измѣненія и нефонетическія (*нес'от'е*), объясняемыя дѣйствіемъ *аналогіи*, когда звукъ рѣчи или рядъ звуковъ замѣняется въ извѣстномъ словѣ другимъ звукомъ или рядомъ звуковъ подъ вліяніемъ другихъ словъ, связанныхъ съ даннымъ словомъ по закону психической ассоціаціи.

Изъ указанныхъ примѣровъ мы видимъ, что въ языкѣ или его нарѣчіи въ извѣстную эпоху при извѣстныхъ условіяхъ происходитъ послѣдовательное измѣненіе въ звуковомъ составѣ. Если нами опредѣлено это измѣненіе, условія и эпоха его въ данномъ языкѣ (или нарѣчіи), то нами найденъ „*звуковой или фонетическій законъ*". Затѣмъ, мы видѣли, что звуковые, фонетическіе законы нарушаются иногда дѣйствіемъ психической ассоціаціи (*плет'от'е*). Факторы послѣдняго рода стоятъ также въ связи съ нѣкоторыми условіями, вліяніе аналогіи, психической ассоціаціи протекаетъ также по нѣкоторымъ законамъ; но вполнѣ опредѣлить послѣдніе пока не удается.

Стремленіе къ измѣненію тѣхъ или иныхъ фактовъ языка, стремленіе безсознательное,—проявляется сначала у отдѣльныхъ лицъ, преимущественно лицъ молодого поколѣнія. Съ теченіемъ времени это измѣненіе можетъ распространиться и на другихъ лицъ того же поколѣнія или слѣдующихъ за нимъ; при этомъ данное измѣненіе воспринимается или всей общественной группой, или только частью ея. Въ первомъ случаѣ возникаетъ новое явленіе, свойственное *всѣмъ* говорящимъ однимъ языкомъ; во второмъ случаѣ это новое явленіе свойственно только одной *части* говорящихъ; въ послѣднемъ случаѣ возникаютъ діалектическія различія въ одномъ и томъ же языкѣ одной и той же общественной группы. Такія частныя распространенія языковыхъ новшествъ могутъ съ теченіемъ времени обособить рядъ діалектическихъ группъ: возникаютъ нарѣчія, поднарѣчія, говоры. Этому діалектическому дробленію способствуетъ въ сильной степени и территоріальное дробленіе, когда прерываются тѣсныя непосредственныя сношенія между отдѣльными группами. Въ такихъ случаяхъ явленіе, возникшее въ языкѣ той или иной общественной группы, не распространяется непосредственно на другую отдаленную группу.

Итакъ, языкъ въ теченіе времени измѣняется. Языковыя измѣненія происходятъ постепенно и закономѣрно; они распространяются или на всѣхъ говорящихъ или только на одну изъ группъ ихъ.

Изслѣдователь языка въ своемъ изученіи долженъ охватить весь языкъ въ его эволюціи (—эволюціи, понимаемой, конечно, не въ біологическомъ смыслѣ), каждую эпоху связать съ эпохами предшествующими и послѣдующими, представить стадіи, послѣдовательно пройденныя даннымъ языкомъ, установить строго историческую перспективу въ развитіи изслѣдуемаго языка. Дальнѣйшей задачей лингвиста являются попытки открытія законовъ, дѣйствовавшихъ не только въ данномъ языкѣ,—но законовъ, нормирующихъ жизнь языка вообще. Такимъ образомъ, мы видимъ, что методъ науки о языкѣ *сравнительный* и *историческій*

Каковы *источники* для изслѣдованія языка?—Въ раннихъ работахъ по исторіи языка источниками служили преимущественно и часто исключительно *памятники письменности* на этомъ языкѣ. Но можетъ ли дать письменный памятникъ исчерпывающій и достовѣрный матеріалъ для изслѣдованія языка въ извѣстный періодъ его жизни? Мы должны отвѣтить отрицательно. 1) Ни въ древнее, ни въ наше время графика не передаетъ всего богатства звукового состава даннаго языка. 2) Почти всегда письменный памятникъ связанъ въ большей или меньшей степени съ орѳографической традиціей и далеко не служитъ вѣрнымъ отраженіемъ говора писца. 3) Въ частности по отношенію къ славянской письменности надо принять во вниманіе и условія возникновенія ея. *Русская* письменность развилась на основѣ *болгарской*. Правда, тотъ или иной списатель XI, XII и послѣдующихъ вѣковъ невольно давалъ выраженіе и своему родному говору; но все же онъ старался держаться тѣхъ оригиналовъ, по которымъ онъ учился писать. Такъ же обстояло дѣло и въ письменности *сербо-хорватской*. Лишь *болгарскій* языкъ во 2-ой половинѣ IX в. послужилъ живымъ органомъ возникавшей тогда славянской письменности. Въ 862—863 г. Константинъ (Кириллъ) „съложи писмена“ и „начеть бесѣдоу писати іевангельскоу“—на языкѣ славянъ *болгарскихъ*. Но надо принять во вниманіе, что во 2-ой половинѣ IX в. болгарскій языкъ не представлялъ уже полнаго единства; въ основу языка письменности былъ положенъ Кирилломъ и Меѳодіемъ одинъ

изъ его діалектовъ—южно-македонскій. Къ тому же, въ послѣдующія столѣтія на болгарскихъ памятникахъ письменности отразилось вліяніе языка другихъ славянъ: сербовъ и русскихъ.

Что касается западныхъ славянъ, то письменность на ихъ языкахъ возникаетъ поздно у чеховъ первые памятники письменности относятся къ XIII вѣку, у поляковъ—къ XIV-му При этомъ, латинская графика, которой пользовались западные славяне, была не приспособлена къ выраженію чистославянскихъ звуковъ и весьма запутанно передавала послѣдніе

4) Далѣе, письменность у каждаго народа возникаетъ сравнительно поздно. До введенія того или иного языка въ письменность, онъ успѣлъ уже въ теченіе столѣтій пережить рядъ измѣненій. Если же въ письменныхъ памятникахъ видѣть исключительный матеріалъ для изслѣдованія языка, пришлось бы начинать изложеніе его исторіи съ того періода, отъ котораго, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, дошли до насъ письменные памятники. А между тѣмъ, нельзя въ дѣйствительности полагать исходнымъ пунктомъ, наприм., для польскаго языка XIV столѣтіе. Наоборотъ, намъ чрезвычайно интересно и необходимо заглянуть въ прошлое польскаго языка *до* XIV в., ибо къ этому времени закончились уже нѣкоторые крупные процессы въ жизни этого языка.

И вотъ, чтобы воспользоваться надлежащимъ образомъ письменными памятниками, какъ матеріаломъ для изслѣдованія языка, чтобы выдѣлить въ нихъ слѣды живого говора писца, чтобы дополнить этотъ матеріалъ, намъ идутъ на помощь *современные, живые говоры* даннаго языка. Тщательное сравнительное изученіе этихъ говоровъ въ полномъ ихъ составѣ познакомитъ изслѣдователя не только съ современнымъ ихъ состояніемъ, но и вскроетъ ихъ прошлое,—вскроетъ гораздо полнѣе, чѣмъ это можно наблюдать по свидѣтельствамъ памятниковъ письменности. Но при изученіи языка нельзя игнорировать и памятники письменности, нельзя отрицать того цѣннаго значенія, которое они представляютъ для исторіи языка: они помогаютъ опредѣлить хронологически то или иное измѣненіе, пережитое языкомъ; они, кромѣ того, дополняютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и данныя, извлекаемыя изъ показаній современныхъ говоровъ. Благотворны результаты будутъ тогда, когда сравнительно-исто-

рическое изученіе живыхъ говоровъ будетъ поставлено въ связь съ изслѣдованіемъ соотвѣтствующихъ памятниковъ письменности

Изучая нарѣчія и говоры современнаго русскаго языка, изслѣдователь отмѣтитъ въ нихъ рядъ общихъ чертъ въ звуковомъ составѣ, въ области формъ, въ синтаксисѣ и словарѣ. Эти общія черты ясно укажутъ, что малорусское, великорусское и бѣлорусское нарѣчія по своему происхожденію—единый русскій языкъ. Опредѣливъ тѣ явленія, которыя нѣкогда, до распаденія на отдѣльные діалекты, переживалъ русскій языкъ во всемъ своемъ составѣ, изслѣдователь укажетъ и тѣ явленія, тѣ новшества, которыя не распространялись на *всѣхъ* говорившихъ русскимъ языкомъ, захватывали только ту или иную группу,—отмѣтитъ ту эпоху, когда рушилось единство русскаго языка, примѣняя правильно сравнительно-историческій методъ, онъ возсоздастъ *исторію* русскаго языка и его діалектовъ. Далѣе, изученіе русскаго языка въ связи съ другими славянскими языками—болгарскимъ, сербо-хорватскимъ, словинскимъ, чешскимъ, польскимъ и другими—откроетъ передъ изслѣдователемъ то далекое прошлое, когда всѣ славянскіе языки составляли одинъ общій языкъ—*праславянскій* языкъ (точнѣе, послѣдній періодъ въ жизни этого языка;—см ниже). Праславянскій языкъ имѣлъ рядъ чертъ, роднившихъ его съ языками литовскихъ, иранскимъ, индійскимъ, греческимъ, германскими и нѣкот. др. Всѣ эти языки вмѣстѣ образуютъ такъ называемую *индоевропейскую* или *аріоевропейскую* семью языковъ. Путемъ сравнительно-историческаго изученія всѣхъ языковъ этой семьи лингвистъ возстановляетъ, хотя далеко не во всѣхъ деталяхъ, тотъ языкъ, который былъ общимъ для всей этой семьи языковъ—*индоевропейскій праязыкъ*. По распаденіи *общаго индоевропейскаго* языка выдѣлились слѣдующія группы языковъ: индійская, иранская, армянская, албанская, греческая, италійская, кельтская, германская или нѣмецкая, балтійская или литовская и славянская.

Въ составъ славянской языковой семьи входятъ слѣдующіе языки:русскій съ его нарѣчіями—малорусскимъ, великорусскимъ и бѣлорусскимъ—, болгарскій, сербо-хорватскій, словинскій, чешскій со словацкимъ, лужицкій (верхній и нижній), польскій съ кашубскимъ. Всѣ славянскіе языки можно объединить въ 3 крупныя группы: 1) *восточную*: русскій

языкъ, 2) *южную* языки болгарскій, сербо-хорватскій и словинскій; 3) *западную*: языки чешскій со словацкимъ, лужицкій, польскій съ кашубскимъ; къ этой группѣ относились и говоры вымершихъ славянъ полабскихъ (поэльбскихъ).

Пособія. В Поржезинскій Введеніе въ языковѣдѣніе Изд 3-е. М 1913
Д Н. Ушаковъ Краткое введеніе въ науку о языкѣ М 1913
А Мейе Введеніе въ сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ Переводъ проф Д Кудрявскаго Юрьевъ 1911.
Д Н Кудрявскій Введеніе въ языкознаніе Изд 2-е Юрьевъ. 1913
А И. Томсонъ Общее языковѣдѣніе 2-е изд Одесса 1910
В. А Богородицкій. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку Изд 3-е Казань 1910
Его-же Лекціи по общему языковѣдѣнію Казань. 1913
А М. Лукъяненко. Основные методы и направленія въ области славянскаго языкознанія въ связи съ историческимъ ходомъ развитія науки языкознанія вообще, индо-европейскаго—въ частности (Университетскія [Кіевскія] Извѣстія, № 1, 1910 г)

Восточно-славянская группа.

Русскій языкъ.

Русскій народъ, самая многочисленная славянская вѣтвь, занимаетъ въ настоящее время обширныя области въ восточной Европѣ и сѣверной Азіи. Нарова, Чудское озеро, Западная Двина, верхній Нѣманъ, нѣкоторые притоки Вислы (Наревъ, Бугъ, Санъ), Карпаты, Прутъ, Черное, Азовское, Каспійское моря, Сѣверный Ледовитый океанъ, Великій или Тихій океанъ—вотъ самые общіе предѣлы поселеній русскаго народа. Почти всѣ эти области, занятыя русскими, входятъ въ составъ Россійской имперіи; только часть русскаго народа живетъ въ Австро-Венгріи: въ Галиціи, Буковинѣ и въ Прикарпатьѣ Занимая огромныя пространства, русскій народъ приходитъ въ соприкосновеніе съ другими народами, славянскими и неславянскими: на западѣ онъ сосѣдитъ съ литовцами, латышами, поляками, на юго-западѣ со словаками, мадьярами, румынами, отчасти и съ болгарами

на востокѣ и сѣверѣ—съ финскими, тюркскими и съ нѣкоторыми другими народами

Въ отношеніи языка среди русскихъ нѣтъ полнаго единообразія: каждая губернія, каждый уѣздъ имѣетъ своеобразныя черты говора. Но всѣмъ русскимъ говорамъ извѣстны и общія явленія, объединяющія ихъ въ одну языковую группу—*восточно-славянскую.*

1) Раннія праславянскія группы—согласный губной (m, b, p, v) въ сочетаніи съ согласнымъ j (изъ i̯) передъ гласнымъ—измѣнялись такъ, что на мѣстѣ согласнаго j развивался плавный мягкій l (l'). pl ujǫ → плюю, гдѣ сочетаніе pl' вм. pj (pi̯). ср. литовское spiáuju. Такое l,—не точно называемое l epentheticum,—русскій языкъ знаетъ и въ начальныхъ и въ конечныхъ слогахъ. *люблю, земля* ср. литов. žẽmė (изъ žemi̯ē)

2) Русскому языку неизвѣстны раннія праславянскія сочетанія dl—dł (l—твердое, велярное), tl—tł; они утратили взрывной согласный t, d· вм. ·vedłъ въ рус. *вел(ъ),* вм. vedli въ рус. *вели*, вм. pletłъ—*плел(ъ), молитва.*

3) Праславянскія сочетанія ku̯, gu̯, (и вѣроятно chu̯; u̯—u неслоговое), въ положеніи передъ ě (*ѣ*) и i, восходящими къ общимъ индоевропейскимъ дифтонгамъ oi, ai, замѣнены были въ русскомъ языкѣ сочетаніями *цв* (изъ ku̯), *зв* (изъ gu̯; и вѣроятно *св* изъ chu̯)· *цвѣт(ъ), звѣзда.*

4) Вмѣсто раннихъ праславянскихъ группъ tj (изъ ti̯) и dj (изъ di̯) въ русскомъ языкѣ развились согласный слитный, аффриката *ч* (t͡š) вм. tj и согласный *ж* вм. dj: chotjǫ) → *хочу,* světja → *свѣча;* ·vidjǫ → *вижу,* medja → *межа.* Аффриката *ч* въ русскомъ языкѣ слышится и на мѣстѣ ранняго праславянскаго сочетанія kt', т. е. такого kt, которое находилось передъ гласными передняго ряда—e, ę, ь, i· ·noktь→ *ночь(ь).* Что именно въ этомъ словѣ было нѣкогда kt, срав. литовское naktis, латин. noctis—род. п. (им. nox).

5) Праславянскіе носовые гласные ǫ и ę замѣнены въ русскомъ языкѣ неносовыми: ǫ→*у*, ę→·*а* (*а*—послѣ мягкаго согласнаго): rǫka→*рука,* zǫbъ→*зуб(п),* ·mętа—*м'ата* (*мята*), ·pętь→*п'ать,* ·pędь→*п'адь.*

6) Праславянскому языку были извѣстны сочетанія гласныхъ o и e съ плавными r и l: or, er, ol, el. Въ тѣхъ слу-

) Возстановляемыя праязыковыя звуковыя сочетанія принято при графической передачѣ отмѣчать значкомъ передъ ними

чаяхъ, когда эти сочетанія находились передъ гласными, они безъ особыхъ измѣненій переходили въ русскій языкъ: *позор(ъ), позора, беру, воля, велѣть.* Но въ тѣхъ положеніяхъ, когда указанныя сочетанія были передъ согласными, ихъ судьба въ славянскихъ языкахъ была различна При этомъ надо имѣть въ виду, что or(l) er(l) могли быть въ началѣ слова передъ согласнымъ, что̀ условно принято передавать посредствомъ формулъ ort, olt, ert, elt (t — какой-нибудь согласный); или же они находились въ срединѣ слова, между согласными· tort, tert, tolt, telt. На мѣстѣ раннихъ праславянскихъ группъ ort, olt въ русскомъ языкѣ извѣстны сочетанія *ра, ла* и *ро, ло· ратай, лакомый, робить, рост(ъ). локоть, лодка.* На мѣстѣ tort, tert, tolt, telt въ русскомъ языкѣ развилось такъ называемое полногласіе *корова, колос(ъ), полон(ъ), береза, железа, желоб(ъ), жеребенок(ъ).*

7) Праславянскіе гласные неполнаго образованія, редуцированные гласные или такъ называемые глухіе *ъ, ь* въ русскомъ языкѣ утрачены или замѣнены гласными полнаго образованія. Глухіе *ъ,ь* замѣнены гласными полнаго образованія, именно гласными *о* (вм. *ъ*) и е (вм. *ь*) въ тѣхъ случаяхъ, когда за ними слѣдовалъ слогъ съ *ъ* или *ь*, или они были ударенными (въ начальномъ слогѣ). По большей части первое и второе условіе совпадаютъ. При указанныхъ условіяхъ *ъ, ь* были, какъ говорятъ, въ *сильномъ положеніи* и замѣнялись съ теченіемъ времени гласными полнаго образованія Въ другихъ случаяхъ *ъ, ь* были въ *слабомъ положеніи,* все болѣе и болѣе сокращались и въ XII в. были совсѣмъ утрачены въ русскомъ языкѣ: *дьнь → ден, сънъ → сон, мъхъ → мох, молодьць → молодец(ц), молодьца → молодца.*

8) Особое вниманіе надо обратить на сочетанія глухихъ *ъ, ь* съ плавными r, l между согласными; при этомъ, глухой *ъ (ь)* находился или передъ плавнымъ или послѣ него. Передадимъ эти случаи сочетаній глухихъ съ плавными формулами. 1) tъrt, tъlt (изъ tъłt и изъ tьlt), tьrt; 2) trъt, trьt, tlъt, tlьt.

1. *гърло* изъ gъrdło (ср. лит. gurklỹs, гдѣ гласный u, соотвѣтствующій славянскому *ъ*, находится *передъ* плавнымъ), *вълкъ*—vъlkъ изъ vьlkъ (ср. лит. vilkas съ ˜ надъ l,—знакомъ восходящаго тона при ударѐніи), *чьрвь*—čьrvь (ср. лит. kirmis, гдѣ *i*, соотвѣтствующій славянскому *ь*, находится передъ плавнымъ). Въ такихъ случаяхъ гласные *ъ, ь* русскимъ языкомъ не были утрачены и перешли въ гласные полнаго образованія· *горло, волк(ъ), червь, зерно.*

2. *плъти* (ср. латышское pluta, гдѣ u, соотвѣтствующій славянскому *ъ*, находится *за* плавнымъ), *блъха* (ср. литов. blusà), *кръви* (ср лит. krùvinas), *сльза—сльзъ, дръжь, кртъ* При положеніи *ъ*, *ь* за плавными судьба глухихъ въ русскомъ языкѣ была различна въ зависимости отъ того, слѣдовалъ ли за этими сочетаніями слогъ съ *ъ*, *ь* или съ гласнымъ полнаго образованія. Въ первомъ случаѣ вм *ръ, лъ* во всемъ русскомъ языкѣ развивались *ро, ло*, вм. *рь, ль* —*ре, ле*: *кръть* → *крот, блъхъ* → *блох*, *крьстъ* -*крест*, *сльзъ—слез*. Во второмъ случаѣ, т е. когда за *ръ, лъ, рь, ль* слѣдовалъ слогъ съ гласнымъ полнаго образованія, *ъ*, *ь* имѣли не одинаковую судьбу въ русскихъ говорахъ въ говорѣ предковъ великоруссовъ *ъ*, *ь* въ такихъ положеніяхъ переходили въ *о*, *е*, а въ говорѣ предковъ малоруссовъ и бѣлоруссовъ въ *ы*, *и*: великор *блоха*, бѣлор *блыха*, великор. *глотать*, малор. *глитати*, велик. *кровавой* (кровавый), малор *кривавий*, великор. *слеза*, малор. *слиза*.

Такова же судьба была и тѣхъ *ъ*, *ь*, которые находились передъ j въ такихъ формахъ, какъ им. п. прилагательныхъ муж р. ед. ч.. великор. *слѣпой* (изъ slěrъjь), малор *слiпий*, великор *третьей*, малор *третий*; или великор *мою*, малор *мию* (*ию*) вм. *мъju*

9) Въ русскомъ языкѣ на мѣстѣ начальнаго *je* (ie) праславянскаго языка имѣется *о*: *один*(*ъ*), *озеро* (изъ jezero) и др Это *о* развивалось въ тѣхъ начальныхъ слогахъ, за которыми слѣдовалъ слогъ съ гласнымъ *и* (*i*) или *е* Поэтому въ такихъ словахъ, какъ jego (*его*), jel' (*ель*) и т. под. нѣтъ измѣненія *je* въ *о*.

Нарѣчія русскаго языка.

Выше мы отмѣтили тѣ явленія, которыя извѣстны русскому языку въ цѣломъ его составѣ. Одни изъ этихъ явленій восходятъ къ глубокой древности,—къ тому времени, когда восточные славяне (русскіе) находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ предками славянъ, живущихъ теперь въ значительной своей части на Балканскомъ полуостровѣ и Придунавьѣ — болгаръ, сербо-хорватовъ и словинцевъ Это—*l'* послѣ губныхъ въ конечныхъ слогахъ (*земля*), cv изъ ku, zv изъ ·gu передъ *ъ* (изъ ·*oi*), l—l вм. tl— tl, dl—dl.

Другія явленія (кромѣ утраты слабыхъ *ъ, ь* и замѣны сильныхъ *ъ, ь* гласными *о, е*) относятся къ эпохѣ болѣе поздней,—къ эпохѣ общерусскаго единства, къ той эпохѣ, когда всѣ восточные славяне (русскіе) жили общею языковою жизнью, когда новшества языковыя распространялись на всѣхъ говорившихъ этимъ языкомъ. Надо полагать, что эпоха общерусскаго единства продолжалась до XII вѣка Но полнаго единообразія въ отношеніи языка говорящіе не представляли и въ это время· нѣкоторыя новыя явленія имѣли ограниченный кругъ своего распространенія; одни явленія возникали въ сѣверной части территоріи восточныхъ славянъ, другія—въ южной: возникали діалектическія особенности среди явленій, свойственныхъ языку всѣхъ восточныхъ славянъ. Съ теченіемъ времени эти діалектическія черты умножались и усиливались, общія языковыя переживанія становились слабѣе, въ особенности съ того времени, когда восточные славяне двинулись изъ своей исконной территоріи, изъ сѣвернаго и средняго Приднѣпровья,—двинулись къ востоку, сѣверу и западу Въ историческое время восточнославянская семья (русская) находится и у Чернаго моря, и на Дону, и у озера Ильменя, и на Западной Двинѣ. Памятники русской письменности XI вѣка свидѣтельствуютъ уже, что діалектическія особенности въ это время выражались рѣзко въ русскомъ языкѣ. Наприм., въ новгородскихъ минеяхъ 1095—1097 г г. наблюдается смѣшеніе *ч* и *ц*, т. е. черта, свойственная сѣверно-русскому діалекту: кладъщиче, чрꙗ. црѣвѣ, пецали и др. Но окончательная связь между діалектическими группами восточныхъ славянъ еще непорывалась: и въ X и въ XI столѣтіяхъ нѣкоторыя измѣненія захватывали всѣ русскіе говоры. Лишь въ XII в. порывается связь между діалектическими русскими группами. Къ этому времени относится утрата *слабыхъ* глухихъ *ъ* и *ь* и замѣна *сильныхъ ъ, ь* гласными полнаго образованія Хотя указанное измѣненіе въ области глухихъ извѣстно всѣмъ говорамъ русскаго языка, тѣмъ не менѣе оно не относится къ эпохѣ общерусскаго единства, а возникло по распаденіи общерусскаго языка на отдѣльные діалекты: восточный (въ области Оки и Дона), сѣверный (въ озерной области и въ верхнемъ Поволжіи) и южный (въ Приднѣпровьѣ). Тѣ измѣненія, которыя стояли въ самой тѣсной связи съ утратой слабыхъ глухихъ, протекали не одинаково по говорамъ русскаго язы-

ка. Такъ, въ южно-русской группѣ *о* и *е* измѣнялись въ дифтонгическія сочетанія *уо* и *іе*, если непосредственно за ними слѣдовалъ слогъ, въ которомъ утрачивался *ъ* или *ь*: *сноп*ъ —› *снуоп*, *конь* —› *куон'*, *печь* —› *печ*, *шесть* —› *шест'*

Подобнаго измѣненія *о* и *е* въ указанныхъ положеніяхъ не знаютъ говоры великорусскаго нарѣчія, т. е. паденіе слабыхъ глухихъ и связанныя съ этимъ паденіемъ измѣненія предшествовавшихъ гласныхъ (главнымъ образомъ, *о* и *е*) происходили *тогда*, когда южно-русское нарѣчіе жило отдѣльной языковой жизнью отъ другихъ нарѣчій русскаго языка.

Каждая изъ діалектическихъ группъ русскаго языка въ отдѣльной своей жизни испытала рядъ дальнѣйшихъ измѣненій; то или иное измѣненіе захватывало всю данную группу или только часть ея. Въ послѣднемъ случаѣ намѣчалось, а затѣмъ выдѣлялось нѣсколько болѣе мелкихъ діалектическихъ группъ· нарѣчіе распадалось на поднарѣчія, а эти послѣднія на говоры. Вслѣдствіе колонизаціонныхъ движеній русскихъ славянъ, одни говоры встрѣчались съ другими, отдаленными, возникали смѣшанные говоры Въ результатѣ длиннаго и сложнаго процесса діалектической дифференціаціи образовались современные три нарѣчія русскаго языка съ ихъ поднарѣчіями и многочисленными говорами. Въ настоящее время выдѣляются 3 нарѣчія: *великорусское*, *малорусское* и *бѣлорусское*.

Великорусское нарѣчіе.

Всѣ говоры, входящіе въ составъ великорусскаго нарѣчія, объединяются слѣдующими общими чертами.

1) Вмѣсто *ъ*, *ь*, находившихся передъ *j*, а также послѣ плавныхъ *r*, *l* передъ открытымъ слогомъ, слышатся *о* и *е*: *мою* (*моју* изъ *мъју*), *шея* (изъ *шьја*), *слѣпой*, *третёй* (изъ *третьјь*), *глотать*, *дрова* (изъ *дръва*), *блоха* (изъ *блъха*), *слеза* (изъ *сльза*).

2) Вытѣсненіе, благодаря дѣйствію аналогіи, изъ формъ склоненія и спряженія звуковъ *ц*, *з* и *с* и замѣна ихъ согласными *к'*, *г'*, *х'*: вм. праславянскихъ и общерусскихъ формъ racі, rǫcѣ — rucѣ, bodzi — bozi, dusi — говорятъ — *раки*, *рукъ*, *боги*, *духи* подъ вліяніемъ такихъ формъ, какъ *рак*, *рака*, *рука*, *рукам*, *богом* и т. под.

3) Широкое распространеніе формъ имен. п. множ. ч на —*а* въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ: *домà. лѣсà, городà.*

4) Сохраненіе формы двойственнаго числа на—*а* въ словахъ муж. рода при числительныхъ *два, три, четыре*: *два воза, три стола, четыре брата*

Великорусское нарѣчіе подраздѣляется на двѣ большія группы говоровъ· сѣверно-великорусскую и южно-великорусскую.

Сѣверно-великорусскіе говоры слышатся въ губерніяхъ—Новгородской, С.-Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Костромской, Ярославской, Владимирской, Вятской, Пермской, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Псковской, Тверской губерній, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средняго и нижняго Поволжья, Пріуралья и Сибири.

Главными особенностями сѣверно-великорусскихъ говоровъ являются слѣдующія черты:

1) Сохраненіе предударенаго *о* (изъ *о* и изъ *е* передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ): *домòй, один*(*ъ*), *в'осло* (*вёсло*), *с'остра, пл'оту* (*плёту*), *жонà* (*жена*). Гласный *о* (въ неударенномъ и ударенномъ положеніяхъ) произносится по говорамъ или какъ *о*, или близко къ *у*, иногда какъ дифтонгическое сочетаніе *уо*. Въ нѣкоторыхъ говорахъ *о* совпадаетъ съ *у*

2) Сохраненіе *взрывного* задненебнаго звонкаго *г*, который въ другихъ русскихъ говорахъ перешелъ въ *дѣятельный*.

3) Праславянское дифтонгическое сочетаніе іе (*ѣ-ть*) звучитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ *и*, въ другихъ—какъ узкое (высокое) *е* (*е*^{i}), или какъ *е*: *писня, хлиб*, но и *пе*^{i}*сня, хле*^{i}*б, песня, хлеб.*

4) Отвердѣніе конечнаго *т* въ 3-мъ лицѣ ед. и мн. ч. *любит, узнают.*

5) Окончаніе—*во* въ сложномъ склоненіи· *доброво.*

6) Многимъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ свойственно *чоканіе* и *цоканіе*, т. е. произношеніе *ч* вм. *ц* (*чарь*) и обратно *ц* вм. *ч* (*ноц, молоцка*).

7) Распространено стяженіе ае, (изъ аіе) въ аа—а· *думает—думаат—думат.*

8) По говорамъ форма творит. пад. мн. ч. оканчивается на —*м*, —*мы*, —*ыма*, —*има*: *с рукам, людямы, конима, огородыма.*

9) Сравнительная степень прилагательныхъ обычно оканчивается на—*яе или—яй: добряе.*

10) Распространено употребленіе постпозитивнаго члена при именахъ существительныхъ, когда говорится о предметѣ уже упомянутомъ и вообще извѣстномъ. При именахъ муж. р. въ качествѣ постпозитивнаго члена употребляется *т* (*-от*) *мужик-от*; при имен. ж. р. *—та, ту*: *бабата, бабуту*; во мн. ч *—ти —ть*: *бабыти*; при им. ср. р. *—то*: *полето. —Ой, ты баженая! Какой у тебя стаметникот(ъ) зроблен(ъ), повяжи погаленкить, не то цорвакъ заскользнѣт(ъ). Мы куричуту згонобили да в(ъ) горшокот(ъ) втарщить не моци.—*

Южно-великорусскіе говоры слышатся въ губерніяхъ Калужской, Тульской, Рязанской (въ южной части), въ Тамбовской, Орловской, Курской, въ сѣверныхъ уѣздахъ Воронежской, въ области Войска Донского. Черты южно-великорусскихъ говоровъ находятся также въ языкѣ русскаго населенія въ среднемъ Поволжіи, въ губерніяхъ Пензенской, Саратовской и сосѣднихъ съ ними восточныхъ губерній. Но здѣсь южно-великорусскія особности слышатся на-ряду съ чертами сѣверно-великорусскихъ говоровъ.

Главныя особенности южно-великорусскихъ говоровъ составляютъ слѣдующія черты:

1) *Аканіе*,—явленіе, состоящее въ томъ, что неударенные гласные *а, о, е* (изъ *е* и *ѣ*) замѣняются различными гласными —ы̆, ĭ (й̆), ă, а, *предударные о, е* часто гласнымъ *а* Такая замѣна является обычной въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ ударенiемъ находятся гласные *у, и, ы*: в ă д а́, в ы̆ д а, в а д ѣ, в а д ы, с я с т р а̀ (с'а с т р а̀), с и с т р а, с а с т р ы, с'а л о̀, б'а д а̀, б и д а̀, б а д у̀, б ы р а д а̀, в ѐ с и л а, п а с и, б'а р и, с п и р я п у̀ г у, с ы̆ п о х — с а п о х, б и р ѐ ш, л я с у̀, л и с а̀.—Въ однихъ говорахъ аканіе сильнѣе, въ другихъ слабѣе.

2) Вмѣсто исконнаго *ѣ* (i͡e) въ южновеликор. говорахъ *—е· кал'ена* (*колѣно*).

3) Замѣна *взрывного* задненебнаго согласнаго звонкаго *г длительнымъ* (фрикативнымъ) звонкимъ ɣ (ему соотвѣтствуетъ *глухой х*): ɣ а р а̀, на б и р я ɣ у̀ (на берегу) б е р я х (здѣсь *х* глухой длительный вмѣсто звонкаго ɣ въ концѣ слова), к р у ɣ о м—к р у х (*х* вм. ɣ въ концѣ слова; въ сѣверно-великорус.

говорахъ—кругом—крук; *к*—взрывной *глухой*, соотвѣтствующій взрывному *звонкому*).

4) Распространенное употребленіе ц-ў (очень краткій неслоговой гласный *у*, близкій къ губно-губному v) вм. *в* въ положеніи передъ согласными и въ концѣ словъ: ўдава (вдова); у лясў, здороў—zdoroц; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вм. u передъ начальными согласными произносится гласный *у* удава̀, у сяло̀

5) Формы 3 л ед. и мн. ч. наст. и буд. вр. оканчиваются на *т* мягкое (*т*): γыварит', γы̀варят', нясўт', нисет Въ нѣкоторыхъ говорахъ *т* въ этихъ формахъ вовсе отсутствуетъ (иногда при опредѣленныхъ условіяхъ) нисѐ, γыварѧ.

6) Форма род. п. мѣстоименнаго и сложнаго склоненія прилагательныхъ въ муж и среднемъ р. оканчивается на—γò—γа; таγò (того), усяγò, дòбры̀γа. Но въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ говорахъ распространено окончаніе—*вò—ва таво, усявò,* (и *усяво*), *добры̀ва.*

7) Отвердѣніе *ц. ц'→ц' купец, цыря* (при *царя*).

8) Распространено произношеніе формъ мѣстоименій: *мене, тебе, себе,* вм. *меня, тебя, себя*:—пъхаронют' минѐ кой-как... На штò рăдила̀ минѐ мат'?—

Между сѣверно-великорусскими и южно-великорусскими говорами находится широкая полоса переходныхъ говоровъ, въ которыхъ на-ряду съ особенностями сѣверно-великорусскими можно слышать и черты южно-великорусскія. Таковы говоры части Псковской губерніи, части Новгородской, значительной части Тверской, сѣверные уѣзды Рязанской, нѣкоторые мѣстности Владимирской, въ Поволжіи. Къ такимъ смѣшаннымъ, переходнымъ говорамъ принадлежитъ и говоръ московскій: здѣсь произносится взрывной согласный *г*, въ 3 л глаголовъ наст. вр окончаніе *т* (твердое), но извѣстно и *аканіе*.

Мы указали лишь нѣкоторыя явленія великорусскихъ говоровъ. Но и изъ сообщенныхъ фактовъ видно, что рядъ крупныхъ особенностей отличаетъ сѣверно-великорусскіе говоры отъ южно-великорусскихъ, и нѣкоторыя изъ этихъ особенностей восходятъ къ глубокой древности, къ эпохѣ общерусской, представляютъ *діалектическое* явленіе общерусскаго языка, (напр., смѣшеніе *ц* и *ч*); другія особенности возникли позднѣе, послѣ распаденія общерусскаго единства,

но въ различные періоды жизни отдѣльныхъ діалектовъ Напр., *аканіе*, надо полагать, возникло вскорѣ послѣ распаденія общерусскаго языка. Въ основѣ говоровъ сѣверновеликорусскихъ лежитъ говоръ сѣвернорусовъ, занимавшихъ на зарѣ своей исторической жизни озерную область и верхнее Поволжіе и уже въ XI вѣкѣ имѣвшихъ въ своей рѣчи особенности, отличавшія ихъ отъ рѣчи другихъ русскихъ славянъ. (Напр. смѣшеніе *ц* и *ч* см. новгородскія минеи 1095—1097 г.г.). Въ основѣ же говоровъ южно-великорусскихъ лежитъ говоръ тѣхъ русскихъ славянъ, которые сидѣли въ X—XI в. по верхнему и среднему теченію Оки и по Дону. Говоръ этихъ славянъ—восточноруссовъ (по занимаемой ими восточной части территоріи русскихъ славянъ)—переживалъ также нѣкоторыя явленія, отличавшія его отъ говора сѣвернорусовъ.—Въ такомъ случаѣ имѣемъ ли мы основаніе говорить о единомъ великорусскомъ нарѣчіи? Имѣемъ. Восточноруссы, подъ давленіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ нашествія тюркскихъ ордъ (половецкихъ, татарскихъ), двинулись обратно на сѣверозападъ, въ верхнее Приднѣпровье; еще же сильнѣе переселенческая волна восточноруссовъ отозвалась на сѣверовостокѣ: они захватываютъ всю Рязанскую область и осѣдаютъ здѣсь густыми поселеніями. Здѣсь они сталкиваются съ сѣвернорусами, закладываютъ съ ними прочную государственность, развиваютъ усиленную колонизацію финскихъ областей; вмѣстѣ съ этимъ происходитъ объединеніе въ отношеніи языка: двѣ діалектическія группы, сѣвернорусская и восточнорусская, объединяются въ одну—*великорусскую*, переживающую рядъ общихъ явленій. Эти явленія, общія языку всѣхъ великоруссовъ, отмѣчены выше. Необходимо обратить вниманіе и на переходные говоры, образовавшіеся между исконными сѣвернорусскими и восточнорусскими. Вслѣдствіе центральнаго положенія этихъ переходныхъ говоровъ, нѣкоторыя изъ языковыхъ явленій ихъ распространяются и по окраинамъ, въ сѣверновеликорусскихъ и южновеликорусскихъ говорахъ, и объединяютъ ихъ въ одну группу—великорусскую.

Малорусское нарѣчіе.

Малорусское нарѣчіе занимаетъ области южной Россіи, въ бассейнѣ средняго и нижняго Днѣпра и отчасти Дона, къ юго-западу отъ областей южновеликорусскихъ говоровъ;

на сѣверѣ, въ бассейнѣ Припяти малорусское нарѣчіе встрѣчается съ бѣлорусскимъ. Малорусское нарѣчіе слышится въ южной части Гродненской, въ части Сѣдлецкой и Люблинской губерній, въ Кіевской, Волынской, Подольской, Херсонской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской и въ части Бессарабской, въ части области Войска Донского, въ частяхъ губерній Черниговской (въ южной половинѣ), Курской (на югѣ), Воронежской (на югѣ) и въ Кубанской области на Кавказѣ. Малорусское нарѣчіе распространено и за предѣлами Россіи: въ Галиціи, Буковинѣ и Прикарпатьѣ (въ Австро-Венгріи).

Главными чертами всѣхъ малорусскихъ говоровъ, объединяющими ихъ въ одно нарѣчіе, являются слѣдующія явленія.

1) Вмѣсто сѣверновеликорусскаго *взрывного* задненебнаго *г* въ малорусскомъ нарѣчіи *длительный* ɣ, откуда дальше *h*: *hoha, vraha*.

2) *ъ, ь*, находившіеся передъ *j*, а также за плавными *r, l* передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, въ малорусскомъ нарѣчіи замѣнены были гласными *ы* и *и*. Позднѣе гласные *ы* и *и* во многихъ малорусскихъ говорахъ совпали въ одномъ гласномъ *и*, что̀ представляетъ также характерную особенность этихъ говоровъ. *Дрива̀* изъ болѣе ранняго *дрѣва*; ср. великор *дрова*; *блиха̀* изъ болѣе ранняго *блѣха*; ср. великор. *блоха*; *слиза* (вм. *сльза*), *шия* вм. прежняго *шьја*, ср. великор. *шея*; *зелений* вм. zelenъjь, ср. великор. *слѣпой*; *третий* (изъ tretьjь; ср. великор. *третѣй—самъ третей*.

3) Развитіе придыхательнаго приступа передъ гласными (*а, о, и, і*) въ началѣ словъ. Этотъ придыхательный фрикативный элементъ замѣнился съ теченіемъ времени въ отдѣльныхъ малорусскихъ говорахъ согласными *h* (ɣ), *j* и неслоговымъ ц (ў): *гулица, гухо, вухо—цcho, цozero, на юлиці, јаспида, hискра*

4) Вмѣсто сѣверновеликорусскаго *в* передъ согласнымъ и въ концѣ слова находится ў (ц): *праўда, кроў, ўдова* и *удова*, ў *ночи* и *у ночи*, ў *мене*

5) Вмѣсто ł (твердаго, велярнаго *l*), находившагося послѣ гласнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ въ концѣ слога, въ малорусскихъ говорахъ слышится ц (ў): *воўк* (изъ прежняго *вълк—vьłkъ*), *воўна, даў* (далъ), *ходиў*.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Но ł сохраняется въ такихъ формахъ имен. пад., какъ—*vоł* (затѣмъ *vił*—*вiл*), *stоł* (затѣмъ *стiл*),—въ формахъ род. п. *strьł* (позднѣе *стрил*) и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Въ этихъ формахъ ł удержалось подъ вліяніемъ родственныхъ словъ съ—*ła*, *łu*, *ły*, гдѣ не было измѣненія плавнаго ł *stoł*—*stoła*—*stołu* и т. п., *strьł*, *strьła* и др.

6) Гласные *o*, *e* *ó* (изъ *e* передъ твердымъ согласнымъ), за которыми слѣдовалъ въ общерусскую эпоху слогъ со слабымъ *ъ* или *ь*, въ малорусскомъ нарѣчіи испытывали слѣдующее измѣненіе: по утратѣ слабыхъ *ъ*, *ь*, предшествовавшіе имъ *o*, *e*, *ó* удлинялись; ō, ē, ó переходили затѣмъ въ дифтонгическія сочетанія· *uo*, *ie*, *üö* : muost, piеč, müod; дальнѣйшая судьба этихъ сочетаній была неодинакова въ малорусскихъ говорахъ: въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ эти дифтонги съ нѣкоторыми измѣненіями сохранены и до настоящаго времени; въ южно-малорусской же области вм. *uo* развился гласный *i*, вм. *üo* — *i*, смягчающее предшествующій зубной согласный: *мiст*, *нiс* (носъ), нїс—*н'iс* (несъ); вм. *ie* также *i*: *пiч*, *шiст'* (шесть); ї—і послѣ мягкаго согласнаго.

7) Общерусское ě (*ѣ*) въ малорусскихъ говорахъ имѣетъ тѣ же замѣны, какъ и ē (въ указанныхъ выше положеніяхъ): *ie*, *i*; въ украин. *лiс*, *сiно*, *хлiб*; *вiра*; *свiтло*, *вiтры*; въ сѣверномалорусскихъ говорахъ сохранены еще слѣды дифтонгическаго сочетанія *ie*.

8) Передъ гласными передняго ряда (*i*, *e*, *ä*) согласные произносятся твердо: *тихо* (не *т'ихо*), *береза* (*бэрэза*), *лихо*.

9) Въ малорусскихъ говорахъ смягченный губной согласный въ сочетаніи съ гласнымъ задняго ряда замѣненъ губнымъ + *j* + гласный: *м'aso* → *mjaso*; *п'aт'* → *pjaт'* (пять).

10) Сочетаніе согласнаго съ *j* замѣнено въ малорусскомъ нарѣчіи однимъ усилившимся (двойнымъ) согласнымъ: *весел'л'е*, *суд'д'а*.

11) Ослабленіе начальныхъ неударенныхъ *і* и *и* и переходъ ихъ въ і̯ и ц̯ послѣ гласныхъ: *ja і̯ду*, *ja ц̯же*.

12) Во многихъ говорахъ гласные *і* и *у* (*ы*) совпали въ одномъ гласномъ *і*, среднемъ между *і* и *у* (*ы*) и передаваемомъ посредствомъ *и*: *бити* (вм. *быти* и *бити*).

13) Въ области формъ малорусскіе говоры представляютъ слѣдующія особенности:

a) форма родительнаго падежа въ сложномъ склоненіи именъ прилагательныхъ и въ склоненіи мѣстоименномъ оканчивается въ мужскомъ и сред. родѣ на—*ґо: доброґо*;

b) Сочетаніе *дж* вм. *ж* въ 1 л. ед. ч. наст. вр.: *ходжу*;

c) утрата *t* въ 3 л. един. ч. въ глаголахъ съ основой на—*е: несе, плете*;

d) образованіе будущаго времени при помощи глагольной формы *му* (иму), *меш* (имешь), *мемо*; *носитиму, мемо носити* и т. д.

Въ малорусскомъ нарѣчіи можно выдѣлить 3 діалектическія группы: *угрорусскую, сѣверномалорусскую* и *украинскую*.

Бѣлорусское нарѣчіе.

Бѣлорусское нарѣчіе занимаетъ области къ сѣверу отъ Припяти, къ западу отъ Десны, по верхнему и среднему теченію Нѣмана и Зап Двины. Оно слышится въ части Сувалкской губерніи, въ Гродненской, Виленской, Минской, Могилевской, въ части Черниговской, въ небольшой части Калужской, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Смоленской и Тверской, въ южныхъ окраинахъ Псковской. На сѣверо-западѣ бѣлоруссы сосѣдятъ съ латышами, литовцами и поляками, на сѣверо-востокѣ съ великоруссами, на юго-востокѣ и югѣ съ малоруссами.

Главныя черты бѣлорусскихъ говоровъ заключаются въ слѣдующемъ:

1) Вмѣсто *взрывного г* (*g*) въ бѣлорусскомъ нарѣчіи *длительный ґ*; распространено и произношеніе *h*.

2) Въ концѣ слога и въ началѣ слова передъ согласнымъ ў (ŭ) вм. сѣв.-великор. *в*: *праўда, ўдава*.

3) *l* въ концѣ слога замѣнятся ў: *быў, доўжна, поўтара*.

4) Вмѣсто *ъ, ь*, находившихся передъ *j*, а также за плавными *r, l* передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи развилось *ы* и *і*: *крыви, бабы крыщуць капусту, блыха, слиза, рыю, мыю, сляпый, дурный, на шыи*.

5) Неударенные гласные *и* и *у*, находясь въ началѣ слова, ослабляются, а въ срединѣ слова послѣ гласнаго становятся неслоговыми: *йґолка, йшоў, ледва йду, ня ўмѣю*.

6) Вмѣсто сочетанія—согласны+*j*—въ бѣлорусскихъ говорахъ развился смягченный двойной, усиленный (долгій)

согласный: *вясел'л'я, сват͡т'я, Божжія Матерь, мядвѣжжича.*—Плавный *р* и губные согласные такого перехода не испытали.

7) Передъ начальнымъ гласнымъ (*а, о, у, и*) въ бѣлорусскихъ говорахъ развился придыхательный приступъ, перешедшій въ теченіе времени въ согласные *в, ў, h, j*: *вокошко, вум, вулица* и *hулица, hовцы, ю мужа.*

8) Мягкіе согласные *д'* и *т'* замѣнились въ бѣлорусскомъ нарѣчіи смягченными аффрикатами *д͡з'* (*д͡ž'*) и *т͡с'*—*ц'*—*ць*(*ć*): *дзикій, дзень, на скрыпку йграць, йдзѣце дзѣвачки.*

9) Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи вм. *р* мягкаго произносится *р* твердое: вм. *мор'а* (моря)—*мора, тры, румка.*

10) *Аканіе,*—сильное и умѣренное.

11) Вмѣсто ě (*ѣ*) во многихъ бѣлорусскихъ говорахъ *е.*

12) Въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ областяхъ въ ударенныхъ слогахъ вм. *о, е, ӧ,* за которыми слѣдовалъ нѣкогда слогъ со слабымъ *ъ, ь* а также вм. ударенаго *ѣ* слышатся дифтонгическія сочетанія: *звіе̯р', д̯уом* (домъ), *пі̯ечъ, нюосъ, лябю̯одка.*

13) Изъ формъ отмѣтимъ *д͡ж* вм. *ж* въ 1 л. ед. ч. наст. вр. *хаджу, виджу, сиджу.*

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 12, 13 черты бѣлорусскихъ говоровъ находятся и въ малорусскомъ нарѣчіи; 10, 11 — въ южновеликорусскомъ, а *д͡з'* и *т͡с'* близки къ польскимъ dź' и ć.

Мы видимъ, длинный рядъ языковыхъ явленій указываетъ на ближайшее отношеніе бѣлорусскихъ говоровъ къ малорусскимъ. Академикъ А. А. Шахматовъ въ лекціяхъ по исторіи русскаго языка, читанныхъ имъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1909—10 учеб. году, полагаетъ, что въ основѣ бѣлорусскаго нарѣчія лежатъ сѣверозападные говоры старой южнорусской (современной малорусской) группы; эти говоры ассимилировали себѣ нѣсколько говоровъ славянъ ляшскихъ (польскихъ), поселившихся въ области между Нѣманомъ и Припятью, но и сами испытали вліяніе со стороны ляховъ,—вліяніе, отразившееся въ измѣненіи *т'* и *д'* въ *т͡ś'* и *д͡ź'*, а также въ замѣнѣ мягкаго *r* твердымъ: въ польскомъ языкѣ мягкое *r* рано стало замѣняться ř, откуда затѣмъ ž. Въ концѣ XI, въ XII в. въ сѣверное Приднѣпровье и къ Западной Двинѣ устремляются подъ давленіемъ нашествія тюркскихъ ордъ русскія племена, сидѣвшія по Дону,—восточноруссы,—

предки позднѣйшихъ южновеликоруссовъ. Въ сѣверномъ Приднѣпровьѣ они поселяются среди сѣверо-западной части южнорусскаго поселенія, отрываютъ ее отъ остальныхъ южноруссовъ, сообщаютъ ей нѣкоторыя изъ особенностей своего говора (начало *аканія*, измѣненіе *ѣ*), но и сами воспринимаютъ черты говора этихъ сѣверозападныхъ южноруссовъ, объединяются съ ними въ одну діалектическую группу — *бѣлорусскую* — и переживаютъ затѣмъ нѣкоторыя общія измѣненія въ языкѣ

Литературный языкъ. Графика.

Въ первоосновѣ русскаго литературнаго языка лежитъ языкъ древне-церковно-славянскій, древнеболгарскій,—языкъ тѣхъ славянскихъ письменныхъ памятниковъ, которые приходили изъ Болгаріи на Русь по принятіи послѣднею христіанства. Хотя древне-церк.-славянскій языкъ и въ области звуковъ и въ области формъ былъ близокъ къ языку русскому, все же послѣдній имѣлъ и свои особенности. Русскія черты рано уже начинаютъ проникать въ письменные памятники, возникавшіе на Руси. Въ числѣ этихъ особенностей были явленія общерусскія и областныя, принадлежавшія говору той русской этнографической группы, гдѣ было средоточіе духовно-просвѣтительной дѣятельности того времени,—говору кіевской области, входившему въ составъ южнорусскаго (малорусскаго) діалекта. Послѣ татарскаго погрома центръ церковной и просвѣтительной жизни переносится на сѣверовостокъ. Съ XIV в. Москва становится виднымъ политическимъ центромъ и средоточіемъ церковной и просвѣтительной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ жизни русскаго книжнаго церковно-славянскаго языка наступаетъ новый періодъ: живая струя народнаго говора,—*говора Москвы*,—находитъ широкій доступъ въ языкъ письменности, въ особенности въ языкъ свѣтскихъ произведеній и дѣловыхъ актовъ: договоровъ, грамотъ и т. под.. Вслѣдствіе господствующаго положенія Москвы, создававшійся здѣсь книжный языкъ распространяется и за предѣлы ея. Но въ XV, XVI, XVII в.в. различія между языкомъ письменности и живымъ, разговорнымъ не было еще устранено: искусственность, архаич-

ность книжнаго языка по сравненію съ живыми говорами выражалась рѣзко. Только съ конца XVIII в. и главнымъ образомъ въ XIX-мъ происходитъ сліяніе языка письменности, литературы съ живою рѣчью. Въ настоящее время языкъ литературы является вмѣстѣ съ тѣмъ и разговорнымъ языкомъ образованныхъ классовъ. По своимъ звуковымъ и нѣкоторымъ формальнымъ чертамъ онъ относится къ великорусскому нарѣчію, въ частности къ говору московскому. Но и въ *современномъ* русскомъ литературномъ языкѣ ясно замѣтны слѣды его первоосновы,—слѣды языка древне-церк.-славянскаго, древне-болгарскаго. Такъ, наприм., на-ряду съ обычными русскими „полногласными“ сочетаніями *оро*, *ере*, *оло, ело* слышны въ нѣкоторыхъ словахъ и *ра*, *ре(ъ)*, *ла*, *ле(ъ)*, свойственныя древнеболгарскому языку· *врагъ* (рус. *ворогъ*, *ворожить), вражескій*, *вредъ* (рус. *вѣредъ*), *вредный*, *повреждать*, *время* (др.-рус. *веремя*), *глава*, *главный* (рус. *голова*), *увлекать* (рус. *волок.*, *волочить)*. Кромѣ *ж* (изъ *˙dj)* и *ч* (изъ *˙tj)* въ русскомъ литературномъ языкѣ находятся и многочисленные примѣры съ *жд* и *щ* изъ *шт*; эти же *жд* и *шт* составляли характерную особенность языка древне-церк.-славянскаго, древне-болгарскаго: *жаждa* (др.-рус. *жажа*), *невѣжда* (рус *невѣжа*), *между* (др.-рус. *межю*, соврем. рус. *межа*), *нужда* (рус. *нужа*), *ограждать*, *угождать*, *охлаждать* и др.; *помощь* (рус. *помочь*), *общество*, *запрещу*, *сообщу*, формы прич. на—*щій*, *щая*, *щее*: *горящій* (ср. *горячій*), *висящій* (ср. *висячій*) и т. под. Къ церковнославянской основѣ относится ударенное *е* вм. *’о* передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ: *небо*, *щедръ*, *пещера* и многіе другіе элементы.

Въ основѣ русской азбуки-гражданки лежатъ буквы кириллицы; нѣкоторыя изъ нихъ приближены во время Петра Великаго къ латинкѣ.

Въ русскомъ *правописаніи* соблюдается принципъ *этимологическій*, хотя нерѣдки и уклоненія отъ него.

Пособія А А Шахматовъ Курсъ исторіи русскаго языка Ч I, II, III. (Лекціи, читан. въ СПб университетѣ въ 1908—09 г, 1909—10 г., 1910—11 г.). Изд. литограф

Его-же. Очеркъ современнаго русскаго литературнаго языка. (Лекціи, читан. въ СПб университетѣ въ 1911—12 г) Изд. литограф

Е Ѳ Будде Лекціи по исторіи русскаго языка Изд 2-е. Казань. 1914.

Его-же Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка (XVII—XIX вѣкъ) Энциклопедія славянской филологіи, вып 12. Спб. 1908

В К. Поржезинскій Краткое пособіе къ лекціямъ по исторической грамматикѣ русскаго языка М 1911.

А. И. Соболевскій Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд 4-е М 1907

В А Богородицкій Общій курсъ русской грамматики Изд. 4-ое Казань. 1913

Его-же Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными Казань. 1909

Н Дурново Очеркъ исторіи русскаго языка Вып 2. Историческая морфологія Харьковъ 1913

Е Ѳ Карскій. Бѣлоруссы Т. I, II (1, 2, 3) Варшава 1903, 1908, 1911, 1912

А Крымскій Украинская грамматика Т I, 1. М 1907 2 и 6. М 1908. Т II, 1 М 1907 Къ этому см рецензію А. А Шахматова въ журн „Rocznik slawistyczny II. Kraków. 1909. Стр 135—174

О Брокъ Очеркъ физіологіи славянской рѣчи Энциклопедія слав филологіи. Вып 5, $_2$. Спб. 1910.

Л В. Щерба. Русскіе гласные въ качественномъ и количественномъ отношеніи. Спб. 1912.

В Чернышевъ Правильность и чистота русской рѣчи Спб 1911. 1-я часть (Фонетика) вышла вторымъ болѣе полнымъ изданіемъ (СПб. 1914).

Д Н Ушаковъ Русское правописаніе Очеркъ его происхожденія, отношенія его къ языку и вопроса о его реформѣ. М 1911

Южно-славянская группа.

Славяне болгарскіе, сербо-хорватскіе и словинскіе, занимающіе южную часть территоріи славянскаго племени, объединяются въ наукѣ въ одну группу—*южно-славянскую*. Основаніемъ для такого объединенія является не только ихъ географическое положеніе, но,—что главное,—данныя языковъ этихъ славянъ. Прежде чѣмъ указать эти данныя, отмѣтимъ главныя черты каждаго южно-славянскаго языка.

1. Болгарскій языкъ.

Славяне болгарскіе живутъ въ восточной части Балканскаго полуострова, занимая области между Дунаемъ, Чернымъ и Эгейскимъ морями. Указать точныя границы болгарской языковой области въ настоящее время невозможно, такъ какъ на востокѣ, на югѣ и западѣ болгарскія поселенія перемѣшаны съ поселеніями другихъ народовъ: на востокѣ—съ турецкими, на югѣ—съ турецкими и греческими, на западѣ—съ греческими, албанскими и сербскими. А точныя границы поселеній каждаго изъ этихъ народовъ неопредѣлены. Отмѣтимъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ границы болгарской территоріи. На сѣверѣ—Дунай отъ Тимока до Чернаго моря, на востокѣ—Черное море, на югѣ—очень извилистая линія отъ окрестностей Константинополя къ Чорлу, къ Узуну-Кюпрю, къ нижнему теченію Марицы, къ Драмѣ, Сересу, Солуню. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта линія спускается къ морю. Отъ Солуня она идетъ по сѣвернымъ берегамъ Солунскаго залива, направляется къ западу, къ области Костора, оттуда поднимается къ сѣверо-западу, къ Охридскому озеру, къ Дебру. Въ сѣверной Македоніи начинаются спорныя области между болгарами и сербами; спорныя области продолжаются и дальше къ сѣверу, къ Приштинѣ, къ Враньѣ, къ Лесковацу, Пироту, Зайечару, Видину. Безпристрастное изслѣдованіе имѣющихся діалектологическихъ данныхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что сѣверная часть Македоніи (округа Тетовскій, Скопьскій, Кратовскій), по своимъ говорамъ должна быть отнесена къ языковой области *болгарской*. Послѣдней же принадлежатъ и говоры на востокъ отъ линіи—Вранья, Пиротъ, Бѣлградчикъ, нижнее теченіе Тимока до Дуная. Вотъ въ общихъ чертахъ границы болгарской территоріи.—Многочисленныя горы и горныя цѣпи, перемежающіяся съ долинами, вдоль и поперекъ изрѣзали эти области. Такой характеръ поверхности затруднялъ непосредственное общеніе отдѣльныхъ группъ болгарскаго народа, жившихъ при такихъ природныхъ условіяхъ страны. А территоріальное разъединеніе усиливало и обособленіе діалектическое, такъ какъ явленія, возникавшія въ одной области, могли не переходить въ другія части болгарской территоріи, вслѣдствіе отсутствія непосредственнаго общенія между жителями. Кромѣ того, различныя передвиженія болгарскаго народа, въ особенности

въ эпоху турецкаго ига, не мало содѣйствовали съ другой стороны діалектическому дробленію. Но среди діалектическаго разнообразія можно отмѣтить и рядъ такихъ особенностей, которыя свойственны всѣмъ болгарскимъ говорамъ. Укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ явленій.

1) Праславянскія сочетанія *tl*, *dl*, утратили *t* и *d*: *плел(ъ)* вм. *pletlъ*, *гърло* вм. *gъrdlo*, *молиш(ъ)*, *молитва* вм. *modlitva*.

2) Праславянскія группы *kц*, *gц*, *chц* передъ *ѣ* (ѐ) и *i* (изъ *oi*) замѣнены сочетаніями *cv*, *dzv* → *zv*, *sv*: *цвѣт(ъ)*, *цвѣте*, *звѣзда* (въ нѣкоторыхъ говорахъ и *дзвѣзда*), староболг. ВЛЬѴВѢ — ВЛЬСВИ.

3) Вмѣсто праславянскихъ группъ *tort*, *tert*, *tolt*, *telt* въ болгарскомъ языкѣ имѣются сочетанія *trat*, *trѣt*, *tlat*, *tlѣt*: *град*, *брѣг*, *брѣза*, *глава*, *млѣко*

ра, *ла* слышатся въ болгарскомъ языкѣ и какъ начальные слоги передъ согласными, т е. вмѣсто праславянскихъ *ort*, *olt*: *ратай* (ратай), *равен(ъ)*, *лакът(ъ)* (локоть).

4) Двухъ видовъ праславянскія сочетанія глухихъ *ъ*, *ь* съ плавными *r*, *l* между согласными, т. е. 1) *тъrt*, *тьrt*, *тъlt*, *тьlt* и 2) *trъt*, *trьt*, *tlъt*, *tlьt*, въ болгарскомъ языкѣ въ концѣ XI в., въ XII в. замѣнились слогообразующими плавными r, l (слоговые плавные принято передавать посредствомъ r̥, l̥). 1) *срдце*, *влк(ъ)*,—2) *крст* —*крста*, *слза*. Въ дальнѣйшей жизни болгарскаго языка эти *р*, *л*, развили при себѣ глухой гласный *ъ* и передали ему слоговое качество. Положеніе глухого въ нѣкоторыхъ восточныхъ говорахъ зависитъ отъ положенія въ словѣ: *ъ* передъ плавнымъ *(ър, ъл)* слышится въ тѣхъ случаяхъ, когда за плавнымъ идетъ одинъ согласный: *зърно*, *мълчиш(ъ)*; если же за плавнымъ слѣдуетъ болѣе одного согласнаго, то *ъ* находится позади *р*, *л*: *зрънце* (уменьш. отъ *зърно*), *врѣбница* (вербное воскресенье); такія же группы *рѣ*, *лѣ* произносятся и передъ однимъ согласнымъ, если за нимъ слѣдуетъ пауза *прѣв(ъ)*, но *първи*. Въ нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ положеніе глухого является постояннымъ, независимо отъ положенія въ словѣ или передъ плавнымъ (напр., въ охридскомъ говорѣ), или за плавнымъ (напр. въ Горной Джумаѣ)

5) Вмѣсто раннихъ праславянскихъ сочетаній *tj* (tį) и *dj* (dį) въ большей части болгарскихъ говоровъ имѣются

группы *шт* (*щ*) (вм. *tj*) и *жд* (вм. *dj*): *свѣщь, вращамъ-врѣщамъ* (возвращаю), *междa, хождам(ъ)* (хожу). Ту же замѣну, какъ tj, имѣетъ и kt': *нощь—нощица* (ночка). Но въ нѣкоторыхъ говорахъ Македоніи слышится *ч͡ш* (вм. *шт*) *ж͡дж* (вм. *жд*). Въ говорахъ Македоніи наблюдаются и другія замѣны праславянскихъ *tj* и *dj*: *к'* вм. tj и *г'* вм. dj. Подобныя же замѣны слышны и къ сѣверу отъ македонскихъ говоровъ. Въ сѣверо-западной полосѣ болгарскихъ говоровъ, сосѣдящихъ съ сербскими, вм. *tj—ч*, вм. *dj—дж*.

6) Судьба редуцированныхъ, глухихъ гласныхъ *ъ*, *ь* въ болгарскомъ языкѣ была такова: слабые *ъ*, *ь* утрачены; сильные (когда находились подъ удареніемъ въ начальномъ слогѣ или передъ слогомъ со слабымъ *ъ* или *ь*)—не утрачивались: *ъ* или въ общемъ сохраненъ и до настоящаго времени (преимущественно восточными говорами), или же замѣнился гласными *о*, *а*, *о*^{а} (открытымъ, широкимъ *о*); *ь* въ нѣкоторыхъ положеніяхъ совпалъ съ глухимъ *ъ*; обычно же онъ замѣняется гласнымъ *е*: *тѣмен(ъ)* (изъ *тьмьнъ*), *ден(ь)*.

7) Вмѣсто праславянскаго носового гласнаго *ę* болгарскіе говоры имѣютъ *е месо, теле, врѣме*. Лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій наблюдаются другіе гласные (напр. въ Родопахъ).

По отношенію къ носовому гласному *ǫ* болгарскіе говоры въ настоящее время не представляютъ единообразія: на востокѣ и юговостокѣ вм. *ǫ* находятся *ъ* или его позднѣйшія замѣны—*о*, *а*, *о*^{а}; на западѣ вм. *ǫ*—*ъ*, *о* и *у*.

8) *ы* и *и* въ болгарскомъ языкѣ совпали въ одномъ гласномъ *и*.

9) Староболгарскому языку былъ извѣстенъ мягкій плавный *л* послѣ губныхъ согласныхъ передъ гласнымъ, т. е. вмѣсто праславянскаго сочетанія—губ. согл.+*j* (изъ *i*)+глас.—: пл҃ють, бл҃юдо (ср. гот. *biuds*), зємл҃а, люблѣ. Въ концѣ XI-го, въ XII в. было утрачено *л'* такого происхожденія (l epenthéticum) не въ начальныхъ слогахъ. земя, корабь и т. под.

10) Характерную особенность всѣхъ болгарскихъ говоровъ составляетъ употребленіе члена при именахъ сущ., мѣстоименіяхъ, прилагательныхъ и числительныхъ. Онъ употребляется въ томъ же значеніи, какъ членъ опредѣленный въ нѣмецкомъ (der, die, das, die) или во французскомъ языкѣ (le, la, les). Но мѣсто положенія члена въ болгарскомъ языкѣ не передъ опредѣленнымъ словомъ, а за нимъ.

Въ качествѣ постпозитивнаго члена служатъ формы преимущественно указательнаго мѣстоименія: *т(ъ)* для словъ муж. р., *та* для женск., *то* для сред.; *тѣ* для муж. и жен.: р. множ. ч. и *та* для сред. р. множ. ч.: *градът(ъ)*, *бабата*, *селото*, *градовѣтѣ*, *бабитѣ*, *селата*; *добър(ъ)* въ член. ф.—*добрият(ъ)* или *добрия*; *добра—добрата*, *добро—доброто*, *наш(ъ)* въ член. формѣ—*нашият(ъ)* или *нашия*; *наша—нашата*, *наше—нашето*; *три*—въ член. ф. *тритѣ* или *тритѣх(ъ)*.—*В(ъ) онова врѣме*, *кога ходил(ъ) дѣдо Господь по земята*, *научил(ъ) човѣка да направи на вода воденица*. *Човѣк(ъ) я направил(ъ)*, *воденицата се завъртѣла*: *насипалъ и́ жито*, *замлѣла*, *но житото не можло да пада само от(ъ) скореца в(ъ) гърлото на камъка*.—

11) Одно изъ главныхъ явленій, пережитыхъ болгарскимъ языкомъ, состояло въ утратѣ падежныхъ формъ. Въ настоящее время болгарскому языку неизвѣстно то богатство падежныхъ окончаній, какое было свойственно языку староболгарскому въ IX—X—XI вв. Теперь для выраженія падежныхъ отношеній употребляются слѣдующія формы: 1) форма именительнаго падежа 2) форма винительнаго падежа, 3) форма дательнаго падежа, состоящая изъ предлога *на*+форма винительнаго; — *на*—служитъ здѣсь простою частицей, а форма винительнаго падежа является формой, употребляемой съ извѣстными предлогами для выраженія и другихъ падежныхъ отношеній: *съсъ майка*(ж), *къмъ майка*(ж), *при вода*(ж), *на вода*(ж). Иногда форма винительнаго падежа (въ жен. род.) замѣняетъ и форму имен. пад. Форма винительнаго падежа—это форма общаго падежа (casus generalis). 4) Форма звательнаго падежа (въ нѣкоторыхъ основахъ).

Кое-гдѣ по говорамъ сохранились остатки и отъ другихъ падежныхъ формъ; наиболѣе часто встрѣчается форма дат. пад. муж. и ср. р. един. ч. Кромѣ того, въ народныхъ говорахъ остатки падежныхъ формъ сохранились въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ и въ видѣ *нарѣчій*; то же можно наблюдать и въ литературномъ языкѣ: *родом(ъ)*—*той е родомъ отъ Лозенъ градъ*; *пѫтйомъ* (по пути, дорогою), *мигомъ*, *до небесъ*; *Богъ да го прости при живъ*; *лѣтѣ*, (лѣтомъ), *зимѣ* (зимою, въ зиму).

12) Изъ другихъ явленій въ области морфологіи надо указать на утрату формы неопред. наклоненія, на замѣну

ея посредствомъ союза *да*+форма изъявит. наклоненія измѣняемаго глагола: *той не може да плати*; *азъ зная, какъ да постѫпя* (я знаю, какъ поступить). Но остатки формы неопредѣл. наклоненія *имѣются* и въ литерат. языкѣ и въ народныхъ говорахъ (преимущественно на сѣверостокѣ).

13) Отмѣтимъ, наконецъ, тѣ формы, которыя употребляются въ болгарскомъ языкѣ для выраженія будущаго времени Еще въ эпоху языка праславянскаго была утрачена особая, старая индо-европейская форма будущаго времени и замѣнилась формой настоящаго времени отъ глаголовъ совершеннаго вида (*ˈprinesǫ*, *ˈvъzьmǫ*), или же форма будущ. вр. выражалась соединеніемъ неопред. наклоненія съ формой наст. врем. глаголовъ *ˈbǫdǫ*, *ˈimamь*, *ˈchotjǫ*, *ˈnačьnǫ*. Въ настоящее время въ болгарскомъ языкѣ будущее время выражается сочетаніемъ глагола *хощ* (изъ прасл. *chotjǫ*) съ даннымъ глаголомъ. При этомъ, *хощ* или измѣняется вмѣстѣ съ другимъ глаголомъ, или остается неизмѣннымъ въ формѣ *ще*; *хо*—утрачено и въ первомъ видѣ; *щ(а)*, *щем(ъ)*, *ще*, *щем(ъ)*, *щете*, *щ(ъ)т(ъ)*—*щатъ*; *ща нес(а)*, *щете несете* и т. д. Самый глаголъ, который требуется употребить въ будущемъ времени, или измѣняется (*ще неса*, *ще несемъ*..., *ща неса*, *щешъ несешъ*...), или остается неизмѣннымъ: *писаща*, *писащешъ*, *писащемъ*..., гдѣ *писа* представляетъ собою остатокъ формы неопред. наклоненія: *писа(ти)*.

Нѣкоторыя изъ указанныхъ явленій восходятъ къ глубокой старинѣ, къ той эпохѣ, когда предки болгарскихъ славянъ жили еще въ области славянской прародины, въ сѣверномъ Закарпатьѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ восточными славянами, съ предками русскихъ Эти явленія *cv*, *zv*(*dzv*), *sv* вм. *kъ*, *gъ*, *chъ*, *l*, вм. *tl*, *dl*, *l'* при губныхъ согл. передъ гласнымъ въ начальныхъ и неначальныхъ слогахъ, измѣненія въ группахъ *tj*, *dj*. Тѣ же явленія извѣстны и русскому якыку; характеръ измѣненія раннихъ праслав. *tj* и *dj* въ языкѣ предковъ восточныхъ славянъ и предковъ болгарскихъ славянъ былъ въ общемъ одинаковъ (см. ниже). Измѣненіе *ˈtort*, *ˈtert*... восходитъ также къ глубокой старинѣ, къ діалектическимъ явленіямъ праславянской эпохи. Другія явленія были пережиты славянами-предками нынѣшнихъ болгаръ уже по отдѣленіи отъ восточно-славянской группы. И въ этихъ явленіяхъ необходимо имѣть въ виду различныя эпохи ихъ возникновенія.

Движеніе славянъ изъ Закарпатья къ Дунаю и далѣе на Балканскій полуостровъ относится къ первымъ вѣкамъ по Р. Хр. Но въ I—III вв. эти движенія имѣли характеръ только частичныхъ переселеній. Массовое же движеніе славянъ въ область Придунавья и на Балканскій полуостровъ происходило въ к. V, въ VI вв. Въ VII—VIII столѣтіяхъ славяне уже заняли области по Дравѣ и Мурѣ и почти весь Балканскій полуостровъ. Это были славяне, предки нынѣшнихъ болгаръ, сербо-хорватовъ и словинцевъ. Раскинувшись на огромномъ пространствѣ Придунавья и Балканскаго полуострова, эти славяне въ то время, въ VII—VIII вв., уже не жили одной языковой жизнью; возникавшія языковыя измѣненія не захватывали уже всѣхъ этихъ славянъ. Языковыя новшества, діалектическія особенности разъединили эту группу на 3 языковыя области: восточную (болгарскую), среднюю (сербо-хорватскую) и сѣверо-западную (словинскую).

Что касается названія восточной части южныхъ славянъ *болгарами—болгарскими*, то оно раньше принадлежало народу неславянскому, *болгарамъ*, — народу происхожденія тюркскаго (по другому мнѣнію финскаго), который подчинилъ себѣ въ VII в. славянское поселеніе въ сѣверо-восточной части Балканскаго полуострова и вмѣстѣ съ тѣмъ объединилъ это населеніе въ одно государственвое цѣлое. Но скоро эти тюркскіе болгары слились съ подчиненными славянскими племенами и исчезли въ нихъ, оставивъ только свое имя, перешедшее на объединенныя болгарами славянскія племена. Въ отдѣльной жизни юго-восточной группой (славяно-болгарскимъ языкомъ) былъ пережитъ рядъ явленій, какъ общихъ, такъ и діалектическихъ. Къ ранней порѣ болгарскаго языка, къ эпохѣ общеболгарской, надо отнести измѣненіе праславянскаго сочетанія *i͡e* (ě) въ *i͡ă* → *'ă* съ мягкостью (') предшествовавшаго согласнаго, но съ мягкостью *среднею*. Во второй половинѣ IX в. болгарскій языкъ или точнѣе, одинъ изъ намѣчавшихся его діалектовъ—южно-македонскій—былъ запечатлѣнъ въ письменности. Именно, славянскіе апостолы Константинъ (Кириллъ) и Меѳодій въ своихъ переводахъ съ греческаго языка на славянскій пользовались языкомъ славянъ болгарскихъ, жившихъ въ Солуни и въ окрестностяхъ его. Главныя особенности языка кирилло-меѳодіевскихъ переводовъ находятся и до сихъ поръ въ языкѣ болгарскомъ: *шт, жд* (вм. **tj, *dj*), s—*d͡z* (изъ *g* передъ *ѣ* и *i* извѣстнаго

происхожденія и въ нѣкоторыхъ суффиксахъ), звуковое качество ѣ, какъ *а* (съ средней мягкостью предшествовавшаго согласнаго), нѣкоторыя лексическія особенности; таково, наприм., слово сѫбота,—перешешее въ кирилло-меѳодіевскіе переводы не изъ книжнаго греческаго языка, гдѣ оно звучало σάββατον, а изъ народнаго—σάμβατον; въ болгарско-македонскихъ говорахъ и донынѣ это слово слышится, какъ—*съмбота*—; и во 2-й половинѣ IX в. здѣсь это слово имѣло послѣ *с* не гласный *о* (или *а*), а носовой ǫ, развившійся въ соотвѣтствіи народно-греческому αμ между согласными.

Далѣе, если мы, руководясь показаніями современныхъ болгарскихъ говоровъ и памятниковъ письменности, выдѣлимъ измѣненія, пережитыя болгарскимъ языкомъ съ IX—X в до настоящаго времени, то въ основѣ получится тотъ типъ языка, какой представленъ языкомъ кирилло-меѳодіевскихъ переводовъ. Именно, тому и другому языку были извѣстны носовые гласные ǫ и ę (ѧ, ѫ), редуцированные, глухіе гласные ъ и ь, *l* epentheticum въ неначальныхъ слогахъ, извѣстный запасъ формъ склоненія и спряженія. Кромѣ того, историческія свидѣтельства о дѣятельности Кирилла и Меѳодія также указываютъ на языкъ славянъ болгарскихъ, въ частности болгаръ, жившихъ около Солуня. Въ 862—863 г. къ византійскому императору Михаилу III пришли послы отъ моравскаго князя Ростислава съ просьбой послать такихъ учителей, которые наставили бы моравскихъ славянъ въ христіанской вѣрѣ на ихъ родномъ языкѣ. Выборъ императора палъ на Константина (Кирилла) и Меѳодія: вꙑ бо ѥста селоунѧнина· да селоунѧне вьси чисто словѣньскꙑ бесѣдоуютъ—говоритъ имп. Михаилъ, обращаясь къ нимъ (свидѣтельство житія Меѳодія). Передъ отходомъ въ Моравію Константинъ „составилъ азбуку“ и „начеть бесѣдоу писати ѥвангельскоу· испрьва бѣ слово“—(свидѣтельство житія Константина). На какомъ же славянскомъ языкѣ онъ началъ писать евангельскія чтенія? На томъ, какой ему и его брату, уроженцамъ Солуня, хорошо былъ извѣстенъ,—на языкѣ славянъ болгарскихъ.

Памятниковъ письменности отъ эпохи кирилло-меѳодіевской до насъ не дошло. Старѣйшіе древне-церковно-славянскіе памятники, сохранившіеся до нашего времени, относятся къ концу X-го и, большею частью, къ XI-му вѣку. Всѣ эти

памятники (за исключеніемъ Кіевскихъ листковъ) возникли въ болгарской области. Въ языкѣ этихъ памятниковъ отразились и тѣ измѣненія, которыя происходили тогда въ говорахъ ихъ списателей—болгаръ. Къ этому времени, къ концу XI в., болгарскіе говоры представляли 3 группы по измѣненію *сильныхъ* ъ, ь. Въ одной группѣ сильный ъ замѣнялся гласнымъ о: сонъ, а ь гласнымъ е. день; въ другой—вм. ь произносилось с, а ъ сохранялся; въ третьей удерживались еще оба сильныхъ глухихъ. Итакъ—

$$1)\ \frac{ъ}{ь} \rightarrow \frac{о}{е},\quad 2)\ \frac{ъ}{ь} \rightarrow \frac{ъ}{е};\quad 3)\ \frac{ъ}{ь} \rightarrow \frac{ъ}{ь}.$$

Слабые ъ, ь въ это время были утрачены.

Въ это же время стало утрачиваться *l* epentheticum не въ начальныхъ слогахъ: корабь, земьмь и др.

Съ XII в. идетъ другая эпоха въ жизни болгарскаго языка: эпоха *среднеболгарская*, подготовившая тѣ измѣненія, которыя мы наблюдаемъ въ современныхъ болгарскихъ говорахъ.

Въ эту эпоху произошла замѣна носовыхъ гласныхъ чистыми: ę—е, ǫ→ъ→о; ъ сохранялся или съ теченіемъ времени замѣнялся гласными *о*, *а*, *оа*. Лишь въ немногихъ говорахъ нѣкоторыя слова имѣютъ вмѣсто чистыхъ гласныхъ группу—гласный+носовой согл.—*рънка, менсо*.

Развиваются сочетанія глухого ъ съ плавнымъ *р* или *л* вмѣсто раннихъ слоговыхъ *р*, *л* (r̥, l̥).

Происходитъ полная утрата *l* epenth. не въ начальныхъ слогахъ (*земя*).

Вмѣсто ѣ (*'ä*) развивается *е* или *е* и *а*.

Утрачиваются нѣкоторыя изъ падежныхъ формъ

Получаетъ болѣе широкое употребленіе постпозитивный членъ.

Наблюдается и рядъ другихъ явленій, съ которыми мы знакомимся по отраженію въ средне-болгарскихъ рукописяхъ (XII—XVI вв.) и современныхъ говорахъ.

Всѣ современные говоры можно объединить въ 2 группы: *западно-болгарскую* и *восточно-болгарскую*. Начинаясь около устья рѣки Вида (у Дуная), извилистая пограничная линія идетъ въ юго-западномъ направленіи къ Солуню. Подробно эта граница опредѣлена софійскимъ проф. Л. Милетичемъ въ его діалектологическомъ трудѣ „Das Ostbulgarische“. Главнымъ основаніемъ для такой группировки является судьба

общеболгарскаго *а* (*ѣ*): въ западно-болгарской группѣ *ѣ* произносится всегда, какъ *е;* въ восточной—только при извѣстныхъ условіяхъ: *е* вм. *ѣ* слышится въ срединныхъ восточныхъ говорахъ (и въ литературномъ языкѣ) передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ; *ѣ* замѣняется на востокѣ и гласнымъ *'а* и гласнымъ *'а*; послѣдній подъ удареніемъ передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ: *хл'аб.*

Кромѣ того, восточные говоры характеризуются и другими особенностями, неизвѣстными западной группѣ или, по крайней мѣрѣ, мало распространенными въ ней. Наприм., въ восточной группѣ неударенные гласные сильно отличаются отъ ударенныхъ не только силой голоса, но и качествомъ звука: неудар. *а* измѣняется по направленію къ *ъ* или совпадаетъ съ нимъ, неуд. *о* → *у* или замѣняется имъ, неуд. *е* → *и* или совпадаетъ съ нимъ.

Всѣ говоры обширной восточной группы распредѣляются между двумя діалектическими областями, съ своеобразными явленіями въ каждой: *сѣверо-восточный* и *юго-восточный* діалекты. Основнымъ признакомъ является окончаніе членной формы общаго падежа именъ муж. рода ед. ч. въ сѣверо-восточной области эта форма оканчивается на—*о*: *мостò* (вм. *мостътъ*); въ юго-восточной указанная форма оканчивается на—*ът*(ъ): *мостът*(ъ). (Классификація проф Люб. Милетича).

Литературный языкъ. Графика.

Въ основѣ болгарскаго литературнаго языка лежатъ говоры восточной Болгаріи. Многіе изъ дѣятелей болгарскаго возрожденія и возрождавшейся болгарской письменности (во 2-й половинѣ XIX в.) происходили изъ восточной Болгаріи. Вслѣдствіе этого въ качествѣ языка письменности, литературнаго утвердилось нарѣчіе восточное. Но какая діалектическая область лежитъ въ основѣ этого языка, указать нельзя: въ современномъ болгарскомъ литературномъ языкѣ находятся элементы и сѣверо-восточныхъ говоровъ и центральныхъ и юго-восточныхъ. Кромѣ того, въ немъ можно наблюдать нѣкоторыя особенности и западныхъ болгарскихъ говоровъ. Вслѣдствіе тѣсныхъ связей Болгаріи съ Россіей, русскій литературный языкъ оказалъ сильное вліяніе на литературный болгарскій: въ послѣднемъ можно указать длин-

ный рядъ руссизмовъ и въ области звуковъ, и формъ, и лексики.

Графика у болгаръ—русская гражданка. Выброшено лишь нѣсколько знаковъ, какъ лишнихъ: *і, ы, э, ѳ.* Оставлено *щ* (чит. *шт*). Введенъ знакъ ж.

Болгарское правописаніе въ основѣ этимологическое. Пишутъ напр., *ь* въ концѣ такихъ словъ, какъ *царь, радость,* хотя *ь* не имѣетъ теперь никакого звукового значенія; въ концѣ словъ онъ не выражаетъ и мягкости согласныхъ: *царь* произносится, какъ *цар*; *радость,* какъ *радост* или *радос* и т. под. На основаніи указаній исторіи языка различается въ письмѣ употребленіе ж и ъ, хотя въ литературномъ произношеніи тотъ и другой знакъ выражаютъ въ срединѣ слова одинаковый гласный, произносящійся слѣдующимъ образомъ: укладъ губъ, какъ при *е*; положеніе языка, какъ при *о*, съ небольшой оттяжкой назадъ;—*пжть* (чит. *път*), *джбъ* (чит. *дъп*), *ржка* (*ръка*), но *сънъ, лъжа, мъгла.* Въ концѣ слова въ литературномъ языкѣ принято произносить *а*—ă (вм. ж). Въ графикѣ также теперь употребляютъ въ концѣ не ж, а *а* и *я* послѣ мягкихъ согласныхъ: *неса* (1 л. вм. *несж*), *моля* (1-е л., вм. *мол'ж*) и т. под..

Пособія V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin. 1913.

W. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik. 2-te Aufl. Berlin 1912.

Его-же. Vergleichende Slavische Grammatik. I. II. Gottingen 1906, 1908.

О. Брокъ. Очеркъ физіологіи славянской рѣчи. СПб. 1910.

J. Rozwadowski. Przyczynek do fonetyki (wymowy) bułgarskiej. (Rocznik slawistyczny. T. IV).

В. Н. Щепкинъ Учебникъ болгарскаго языка. М. 1909.

Его-же. Разсужденіе о языкѣ Саввинной книги. СПб. 1901

Его-же. Болонская псалтырь. СПб. 1906.—Двѣ послѣднія работы представляютъ широкое сравнительно-историческое изученіе языка памятниковъ старо-славянской (древне-болгарской) и средне-болгарской письменности въ связи съ современными болгарскими говорами.

П. А. Лавровъ. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. М. 1893. Къ этому труду см. замѣчанія Милетича (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, кн X) и отзывъ Щепкина (Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. И. Акад. Н. т. 64)

П. А. Лавровъ. Краткая грамматика болгарскаго языка. (При болгарско-русскомъ словарѣ Мичатка. СПб. 1910).

Т. Флоринскій. Лекціи по славянскому языкознанію. Ч. I Кіевъ. 1895. О нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ см. въ отзывѣ Р Брандта (Сборн Отд. рус. яз. и слов. И Ак Н. 1898 г.).

В. Облакъ Приносъ къмъ българската граматика. (Сборникъ за народни умотворения Кн. XI).

V. Oblak. Einige Capitel aus der bulgarischen Grammatik (Archiv für slav. Philologie. Bd. XVII; по поводу труда Калины „Studyja nad historyją języka bułgarskiego").

V. Oblak. Macedonische Studien. (Sitzungsberichte der Philos-hist Cl. der K. Akad. d. Wissensch Bd. 134. Wien). Къ этой работѣ см „Замѣчанія" Милетича въ Archiv'ѣ f. sl. Philologie Bd. XX.

Lj Miletič. Das Ostbulgarische. (Schriften der Balkancommission. II. 1903). Въ „Сборник'ѣ за народни умотв." (кн XX) Б. Цоневъ помѣстилъ „Диалектни студии. I. Поправки и допълнения къмъ Милетичевата книга „Das Ostbulgarische". На эти „поправки" Милетичъ отвѣтилъ обширной статьей „Източнитѣ български говори" —Сбор. за народ. ум. XXI)

Lj. Miletič. Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprachre (Schriften der Balkankommission X. 1912).

Б Цоневъ. Уводъ въ историята на българския езикъ. (Сбор. за народ. умотв., XVIII).

Его-же. Къмъ историята на българския езикъ (тамъ же, кн. XIX) —Со многими положеніями Цонева согласиться нельзя.

Его-же Хиляда години български езикъ. (Лѣтопись на Бълг. Книж. Дружество. IX 1908).—Указаны главныя эпохи въ исторіи болгарскаго языка и редакціи памятниковъ болгарской письменности.

А. Теодоровъ. Къмъ историята на българския езикъ. Българскиятъ книжовенъ езикъ и правописъ. (Периодическо Спис., XXXII—XXXIV).

G. Weigand Bulgarische Grammatik. Leipzig. 1907.

К. Константиновъ. Ржководство по българския правописъ София. 1911.—Хорошая книга для ознакомленія съ болгарскимъ правописаніемъ.—

Словари: А. Дювернуа. Словарь болг. языка. М. 1885—89.

Н Геровъ. Рѣчникъ на българскый языкъ съ тлъкуваніе рѣчиты на болгарскы и на русскы. I—V Пловдивъ. 1895—1904. „Допълнение на българския рѣчникъ отъ Н, Геровъ"—събралъ Т. Панчевъ. Пловдивъ 1908.

Л. А Мичатекъ. Дифференціальный болгарско-русскій словарь СПб 1910.

G. Weigand. Bulgar.-deutsches Worterbuch. Leipzig 1913.

2. Сербо-хорватскій языкъ.

Къ западу отъ болгарской территоріи идутъ поселенія другого южно-славянскаго народа—сербовъ и хорватовъ или сербо-хорватовъ [1]). Въ концѣ V-го, въ VI-мъ в. по Р. Хр. предки нынѣшнихъ сербо-хорватовъ вмѣстѣ съ предками нынѣшнихъ болгаръ и словинцевъ двинулись изъ области славянской прародины, изъ сѣвернаго Закарпатья, перешли Карпаты и направились къ Дунаю и за Дунай, къ Дравѣ и Савѣ и Балканамъ. Занявъ области между Дунаемъ, Савой и на сѣверо-западѣ Балканъ, сербо-хорваты не оставили своего поступательнаго движенія. Въ X вѣкѣ ихъ поселенія простираются на обширную территорію до Истріи, Адріатики и Македоніи. Различныя передвиженія сербо-хорватовъ продолжались и въ послѣдующія столѣтія, въ особенности послѣ турецкаго завоеванія въ к. XIV в. Турецкое иго заставляло сербовъ и хорватовъ удаляться изъ старыхъ мѣстъ жительства въ новыя, болѣе безопасныя. Переселенческая волна направлялась къ сѣверу и сѣверо-западу. Такъ, изъ южныхъ областей, Старой Сербіи и Косова Поля, сербы направлялись въ Боснію и Герцеговину, а затѣмъ подъ давленіемъ того же турецкаго насилія устремлялись дальше къ сѣверу, къ Дунаю и за него. Въ 1690 году подъ начальствомъ патрі-

[1]) *Сербо-хорваты*—названіе, принятое въ научной терминологіи; сами же представители этого народа называютъ себя или сербами или хорватами. Сербо-хорваты, единый по языку южно-славянскій народъ, въ силу условій географическихъ, историческихъ и культурныхъ издавна раздѣлены на 2 группы: хорватовъ и сербовъ. Хорваты, занявъ при самомъ поселеніи въ Придунавьѣ и на Балканахъ удобныя сѣверо-западныя области, рано развили самостоятельную политическую жизнь и примкнули къ западному, романо-германскому міру и въ отношеніи вѣроисповѣдномъ (римско-катол.), и въ государственномъ устройствѣ, и въ просвѣщеніи Другая часть сербо-хорватскаго народа поселилась въ горныхъ юго-восточныхъ мѣстностяхъ и съ теченіемъ времени объединилась подъ именемъ сербовъ,—подъ именемъ, раньше принадлежавшемъ одному изъ племенъ, сидѣвшему по рѣкамъ Тарѣ, Лиму и Ибру и въ восточной Босніи Сербы позднѣе, чѣмъ хорваты, создали самостоятельную государственную организацію. Различными сторонами своей культурной жизни они стали ближе къ Византіи, чѣмъ къ міру романо-германскому Эта близость была и въ отношеніи вѣроисповѣдномъ (восточно-православномъ), и въ отношеніи политической организаціи, и въ отношеніи просвѣщенія. Съ турецкимъ завоеваніемъ часть этихъ славянъ перешла въ мусульманство

арха Печскаго Арсенія III Черноевича переселилось около 80.000 человѣкъ въ австро-венгерскія области Сремъ и Бачку. Происходили многочисленныя передвиженія сербо-хорватовъ и въ другихъ направленіяхъ. Такія переселенческія передвиженія отразились въ сильной степени на внутренней дифференціаціи сербо-хорватскаго народа: разъединялись общественныя группы населенія, находившіяся до того въ непосредственномъ сосѣдствѣ и представлявшія одно этнографическое цѣлое, и поселялись среди другихъ болѣе отдаленныхъ группъ, хотя и родственныхъ въ этнографическомъ отношеніи, но развившихъ къ этому времени рядъ своихъ особенностей. Происходило скрещиваніе особенностей тѣхъ и другихъ, возникали смѣшанныя или переходныя этнографическія области. Аналогичныя измѣненія происходили и въ сербо-хорватскихъ говорахъ: порывалась связь между ближайшими говорами, возникали говоры смѣшанные, переходные между болѣе отдаленными.

Хорваты входятъ въ составъ Австро-Венгріи и занимаютъ часть Истріи, Приморья, бо̀льшую часть Далмаціи, всю Хорватію и Славонію (кромѣ Срема), западную часть Босніи и нѣкоторыя мѣстности Западной Венгріи. Сербы живутъ въ большей части Босніи и Герцеговины, въ самостоятельныхъ королевствахъ Сербскомъ и Черногорскомъ и въ округѣ Скутарійскомъ (отчисленномъ въ прошломъ году къ народившемуся государству албанскому), въ Сремѣ, въ Бачкѣ и Банатѣ. На юго-западѣ и югѣ граница идетъ по адріатическому побережью отъ Ровинья, Поля (въ Истріи) къ рѣкѣ Боянѣ (вытекающей изъ Скадарскаго, или Скутарійскаго озера). Кварнерскіе и далматинскіе острова заселены также сербо-хорватскимъ народомъ. На сѣверѣ границей служатъ въ общемъ Мура (нижнее теченье), Драва и отчасти только Дунай: многочисленныя сербо-хорватскія поселенія находятся и за Дунаемъ. На востокѣ сербо-хорваты граничатъ съ болгарами, на западѣ—съ словинцами. Опредѣлить точно границы этихъ областей въ настоящее время невозможно по отсутствію тщательныхъ и безпристрастныхъ изученій пограничныхъ, переходныхъ говоровъ между сербо-хорватами и словинцами съ одной стороны и, главное, болгарами—съ другой. Приблизительное направленіе пограничной линіи на востокѣ нами указано при обзорѣ болгарской территоріи. На западѣ же граница идетъ отъ Бузета, Подграда (въ Истріи)

къ Крайнской границѣ, направляется вдоль ея и Штирійской границы до Рацъ-Канижи.

Въ качествѣ общихъ явленій для всѣхъ сербо-хорватскихъ говоровъ надо отмѣтить слѣдующее:

1) Въ сербо-хорватскомъ языкѣ гласные могутъ быть или краткими, или долгими: *гла̄с*, *кра̄л'*, *дӯб*, *па̄с*; *кӑрвӑ*, *во̆дӑ*, *жӗнӑ*.

Подъ удареніемъ гласные отличаются и со стороны тонической: они произносятся или при восходящемъ тонѣ, или при нисходящемъ (см. ниже).

2) Праславянскія группы *tl, dl*, замѣнены плавнымъ *l*: *плели*, *вели*, *грло*.

3) Вмѣсто раннихъ праславянскихъ *kц̯*, *gц̯*, (и *chц̯*) передъ ě (*ѣ*) и *i* извѣстнаго происхожденія—*cv*, *zv* (и *sv*): *цвѣт*, *звѣзда*.

4) Присутствіе *l'* вм *j* (изъ i̯) послѣ губныхъ согласныхъ и передъ гласнымъ. Это *l'* (*l* epentheticum) извѣстно сербо-хорватскому языку какъ въ начальныхъ, такъ и неначальныхъ слогахъ: *пљунак* или *пљунка* (љ—*л'*; слюна), *бљудо*, *земљиште*.

5) Вмѣсто раннихъ праславянскиьъ сочетаній *tort*, *tert*, *tolt*, *telt* у сербо-хорватовъ *trat*, *trѣt*, *tlat*, *tlѣt*: *град*, *крава*, *брѣг*, *злато*, *млѣко*.

Тѣ же, *ра*, *ла* въ сербо-хорватскомъ языкѣ и вмѣсто праславянскихъ *ort*, *olt*: *рабити*, *ратај* или *ратар*, *лакоми*, *лакат* (локоть).

6) Ранее праславянское сочетаніе *tj* (изъ ti̯), а также *kt'* замѣнились слитнымъ согласнымъ мягкимъ ћ—ć, т. е. *t'ˢ'*: *свѣћа*, *враћати*, *ћу* (*хочу*), *ноћ*. Что касается сочетанія **dj* (изъ di̯), то его судьба была не одинакова въ сербо-хорватскихъ говорахъ: во многихъ говорахъ оно замѣнилось слитнымъ согласнымъ звонкимъ, соотвѣтствующимъ глухому ћ—ć: ђ, т. е. аффрикатой *d'ž* (*д'ж'*): *међа*, *грађанин*; въ нѣкоторыхъ же сербо-хорватскихъ мѣстностяхъ слышится вм. **dj* согласный *j*: *меја*, *госпоја*.

7) Обоихъ видовъ праславянскія звуковыя группы —*ъ* или *ь* съ плавнымъ *r* или *l* между согласными—отразились одинаково: вмѣсто 1) **tъrt*, **tьrt*, **tъlt*, **tьlt*, 2) **trъt*, **trьt*.... у сербо-хорватовъ равились слогообразующіе плавные *r* и *l* (r̥, и l̥); при чемъ r̥, l̥ могутъ быть или краткими или долгими: тр̄г=t r̥ g (вм. *tъrgъ), вр̄х=v r̥ c h (вм. *vьrchъ),

кр̆тица=k r̥ t i c a (ср. ˈk r ъ t ъ), кр̄в, кр̆ст; вл̄к=v l̥ k (вм. *vьlkъ), пл̆н (вм. ˈpьlnъ), s l̆ z a (вм. ˈslьza) и др. Но l̥ удержалось до настоящаго времени въ очень немногихъ мѣстахъ. Обыкновенно же слышится дальнѣйшая замѣна l̥—*и* (*у*): *вӯк, пӯн дӯг,* (долгій, длинный), *дӯг* (долгъ), *жӯт, сӯза, бӯха · бӯа* (вм. **blъcha*).

8) Носовое произношеніе гласныхъ (*ǫ, *ę) сербо-хорватскимъ языкомъ утрачено: вм. *ǫ имѣется *у*, вм. *ę—*е* и отчасти *а* (при извѣстныхъ условіяхъ въ нѣкоторыхъ говорахъ): *рука, дуб, воду* (вин. ед.), *месо, везати, племе.*

9) Общій характеръ процесса въ измѣненіи праславянскихъ гласныхъ редуцированныхъ *ъ, ь* былъ одинаковъ въ сербо-хорватскихъ говорахъ: *слабые ъ, ь* утрачены, а *сильные* совпали въ одномъ гласномъ. Но звуковая сторона этого гласнаго была различна по говорамъ; въ большей части языковой сербо-хорватской области этотъ гласный имѣлъ широкое, открытое произношеніе, откуда развился затѣмъ гласный *а*: *сан, лаж, дан* (род. *дана,* гдѣ *а* подъ вліяніемъ *дан*), *данас, отац.*

Лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ на западѣ и юго-западѣ имѣются другія замѣны *ъ, ь*: *е, о.* Въ Черной Горѣ слышатся вм. *ъ, ь* гласные глухіе, близкіе къ *а* или *е.*

10) Языку праславянскому было извѣстно трехъ видовъ *l*: твердое—*ł* передъ гласными задняго ряда: *seło, *chvała, *poł̨ъ; мягкое—l' передъ *j*: *poljo → *polje → ˈpol'e, *volja → *vol'a; среднее, средней мягкости *l* передъ гласными передняго ряда—*i, ě, e, ę, ь*: *pletǫ, ˈlьnъ, ·telę. Въ сербо-хорватскомъ языкѣ *ł* и *l* совпали въ одномъ плавномъ—*среднемъ*: *село* (selo вм. ·seło), *лаж* (laž вм. ·łžž), *плетеш, лан, теле, липац. l'* (передается, какъ љ или *lj*) сохранено; *земља* (zemlja), *љуба, поље, воља.*

11) Праславянскій плавный *r'* (мягкій и полумягкій) въ сербо-хорватскомъ языкѣ утратилъ мягкость: *море* (вм. *morje → ·mor'e), *мора* (вм. morja → mor'a); *бура, буру цар.*

12) Въ сербо-хорватскомъ языкѣ гласный *ы* замѣнился гласнымъ *и* (*i*): *риба* (вм. *рыба*), *бити* (бить и быть), *ти* (ты).

13) Сочетаніе *же* послѣ гласныхъ иногда замѣняется сочетаніемъ *re*: *јур* (*јуж—јуже*; уже).

14) Въ склоненіяхъ мѣстоименномъ и сложномъ форма род. падежа муж. и ср. р. един. ч. оканчивается на—*га*: *самога, тога, кога, нашега,* *њега* или *га* (его), *свега* (род.

ед. отъ *сав*, вслѣдствіе перестановки изъ *вьсь*); *доброга*, *вруħега*.—Вм. *га* иногда только *г*: *доброг*, *тог*.

15) Форма 1 лица множ. ч. наст. вр. оканчивается на *—мо*: *јесмо*, *дамо*, *несемо*, *носимо*, *пишемо*, *купујемо*, *чувамо*. Въ ед. числѣ 1 л. оканчивается во многихъ говорахъ на—*м*: *несем*, *пишем*, *носим*; но въ нѣкоторыхъ говорахъ сохранено и окончаніе *у* (изъ ǫ).

16) Одна изъ формъ для выраженія будущаго времени состоитъ изъ формы наст. времени глагола *хтѣти* (хотѣть) и неопредѣленнаго наклоненія даннаго глагола; обыкновенно формы наст. вр. отъ *хтѣти* употребляются въ сокращенномъ видѣ: ħу (вм. *хоħу*—*chotjǫ*), ħеш, ħе, ħемо, ħете, ħе; ħу ħеш находятся передъ неопред. наклоненіемъ, или за нимъ. Въ послѣднихъ случаяхъ форма неопред. наклоненія утрачиваетъ окончаніе—*ти*: *носиħу*, *љубиħеш*.

Ја ħу отиħ(и) сјутра у Косово,
И заклаħу турског цар—Мурата,
И стаħу му ногом под гроце [1]).

Нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ явленій извѣстны также языкамъ болгарскому и русскому: 2, 3, 4. Ихъ возникновеніе относится къ глубокой древности,—къ тому времени, когда предки сербо-хорватовъ жили въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ предками славянъ болгарскихъ и русскихъ и переживали такія языковыя новшества, которыя могли распространяться на всю эту группу, т. е. на предковъ русскихъ, болгаръ и сербо-хорватовъ. Другія изъ указанныхъ выше явленій (ra, la, rѣ, lѣ, r̥, l̥, ę → e, y → i) были пережиты не только сербо-хорватскимъ языкомъ, но и болгарскимъ. Возникли же эти явленія въ разныя эпохи. Такъ, *ra*, *la*, *rъ*, *lъ* (изъ раннихъ праславянскихъ *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*) восходятъ еще къ эпохѣ праславянской, къ діалектическимъ особенностямъ языка праславянскаго: раннія праславянскія сочетанія гласныхъ *o*, *e* съ плавными *r*, *l* между согласными—*tort*, *tolt*, *tert*, *tolt*—не оставались неизмѣнными въ языкѣ праславянскомъ; но они измѣнялись не одинаково по всей праславянской языковой области: у предковъ болгаръ, сербо-хорватовъ, словинцевъ (у которыхъ также *ra*, *la*, *rъ*,

[1]) р—передача слогового *р* (r̥) передъ гласнымъ.

lъ), т. е. у предковъ позднѣйшихъ южныхъ славянъ, развивались такія измѣненія, въ результатѣ которыхъ получились сочетанія *ra, la, rъ, lъ*; та же судьба указанныхъ ранних праславянскихъ звуковыхъ группъ была и у предковъ чеховъ и словаковъ, сосѣдившихъ въ области прародины съ предками южныхъ славянъ. Другія общія болгарскія, сербо-хорватскія и словинскія явленія (r̥, l̥, ę→*e*, *y* (*ы*)→ *i*) были пережиты гораздо позднѣе,—послѣ поселенія на Балканскомъ полуостровѣ,—пережиты тогда, когда не было и южно-славянскаго языкового единства,—во время отдѣльной жизни болгарскаго, сербо-хорватскаго и словинскаго языковъ. Но и въ своей отдѣльной жизни каждый изъ этихъ языковъ переживалъ нѣкоторыя измѣненія, одинаковыя съ другими южно-славянскими. Такъ, въ болгарскомъ языкѣ въ концѣ XI-го, въ XII в. обоихъ видовъ праславянскія сочетанія глухихъ *ъ, ь* съ плавными *r, l* между согласными замѣнились одними плавными—r̥, l̥. Такова же судьба *tъrt, tьlt, trъt*... была и въ сербо-хорватскомъ языкѣ: здѣсь еще раньше, чѣмъ у болгаръ, стали произносить r̥, l̥. Что же касается измѣненія *ę, то въ болгарскомъ языкѣ его носовое произношеніе стало утрачиваться съ конца XI в.; въ XIV в. ринезма (носового произношенія гласныхъ) въ болгарскихъ говорахъ не было; вм. ę—*e*. Въ сербо-хорватскомъ языкѣ также *e* замѣнилъ гласный *ę,—но замѣнилъ еще раньше, чѣмъ у болгаръ. Подобнымъ образомъ и измѣненіе **y* (*ы*), хотя было и одинаково, но происходило не въ одно и то же время въ томъ и другомъ языкѣ (у болгаръ долѣе держалось *ы*).

Наконецъ, особенности: ǫ→u, 9, 10 и др. происходили только въ области одного сербскаго языка, но происходили опять-таки въ различное время. Уже въ X—XI в. у сербо-хорватовъ вм. *ǫ произносился гласный *u* (*y*), о чемъ свидѣтельствуетъ передача сербскихъ словъ въ латинскихъ и греческихъ памятникахъ этого времени: Τουγα (вм. Tǫga), dubrave (вм. dǫb—), Svetoslaus (вм. Svętо—). Между тѣмъ, *a* вм. сильныхъ *ъ, ь* возникаетъ только въ к. XIII-го, въ XIV в.. Переходъ l̥ въ *u* (*y*) произошелъ еще позднѣе: въ XIV—XV в.в. На-ряду съ такими измѣненіями, которыя были общими для всего сербо-хорватскаго языка, возникали и явленія діалектическія,—явленія областныя, имѣвшія ограниченный кругъ распространенія. Уже къ XII в. обособляются крупныя діалектическія группы. Въ результатѣ длиннаго и сложнаго про-

цесса діалектическаго дробленія являются современныя сербо-хорватскія нарѣчія съ ихъ многочисленными говорами.

На востокѣ и на западѣ сербо-хорваты искони сосѣдили и сосѣдятъ съ болгарами и словинцами. Вслѣдствіе такого сосѣдства сербо-хорватскіе говоры на востокѣ и на западѣ представляютъ нѣкоторыя черты, общія съ болгарскими съ одной стороны и съ словинскими съ другой. На востокѣ—это говоры въ областяхъ восточной и южной ~~части~~ королевства Сербіи. Бѣлградскій профессоръ А. Беличъ объединяетъ ихъ въ одну группу—„призрено-тимокскую“, область распространенія которой онъ доводитъ до Софіи. Но значительную часть этого діалекта необходимо отнести къ языковой области болгарской (см. западно-болгарскую пограничную линію, указанную выше).

Главныя особенности восточныхъ сербскихъ говоровъ:

1) *tj* замѣнилось аффрикатой *ч*, *dj* → *дж*;

2) отсутствіе измѣненія *l* въ *у*;

4) утрата долготы гласныхъ;

4) утрата падежныхъ окончаній и выраженіе падежныхъ отношеній посредствомъ предлоговъ (ср. болгарскій);

5) постпозитивный членъ (ср. также болгарскій).

Но кромѣ этихъ чертъ, здѣсь наблюдается и рядъ общесербскихъ явленій.

На западѣ находятся такіе говоры, которые на-ряду съ явленіями обще-сербо-хорватскими представляютъ нѣкоторыя особенности языка словинскаго. Это тѣ говоры, которые принято называть *кайкавскими (кайкавщиной)*,—по произношенію *кај* вм. *чьто*. Слышится кайкавщина въ Междумурьѣ (между р. Дравой и ея лѣвымъ притокомъ Мурой), въ трехъ комитатахъ Хорватіи: въ загребскомъ, вараждинскомъ и крижевацко-бѣловарскомъ, въ сѣверной части Истріи и въ сѣверной части Хорватскаго Приморья.

Кај (раньше *ка*) не составляетъ основной и исконной черты этихъ говоровъ. И до сихъ поръ еще употребительно въ отрицательномъ выраженіи не только nikaj, но въ нѣкоторыхъ говорахъ и nič вм. ničьto.—*Кај* вм. *čьto*—обще-распространенное явленіе и словинскаго языка. Другія особенности, сближающія кайкавщину съ словинскими говорами:

1) Вмѣсто *ъ*, *ь* гласный *е*: meh (*mъchъ), den (*dьnь).

2) Носовой гласный *o* замѣненъ гласнымъ *о* (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *и*) dob, roka.

3) ě (*ѣ*) замѣнилось гласнымъ узкимъ, высокимъ *e*, близкимъ къ *i* (*e*^{i}).

4) Вмѣсто *dj* во многихъ мѣстностяхъ слышится *j*: meja, gospoja. Другое же праславянское сочетаніе—*tj* перешло въ слитный согласный č: sveča, sreča, putujući и potujoči.

5) Передъ начальнымъ гласнымъ *u*, а иногда и передъ *o* развился согласный *v*: vumoriti, vubili, pade mu na vum; sladka vusta; vogl (*ǫglь).

6) Трехъ видовъ праславянскій плавный *l* (*ł*, *l*, *l'*) замѣненъ однимъ плавнымъ, среднимъ *l*.

7) Форма родит. пад. множ. ч. основъ на *o* муж. р. оканчивается на *ov*: bratov, kon'ov, devet ključov odpiračov.

Другіе сербо-хорватскіе говоры можно объединить въ двѣ діалектическія группы: *чакавскую* и *штокавскую*. Провести строго опредѣленную пограничную линію между этими двумя группами невозможно: между ними, какъ и между другими діалектами одного и того же языка, существуетъ рядъ переходныхъ говоровъ, заключающихъ черты, свойственныя той и другой группѣ. Такъ и въ чакавщинѣ можно встрѣтить явленія, общераспространенныя въ штокавщинѣ, а въ послѣдней находятся и черты чакавщины. Въ прежнее время чакавщина занимала обширныя области въ западной части территоріи сербо-хорватскаго народа. Съ теченіемъ времени въ нѣкоторыхъ областяхъ она уступила мѣсто штокавщинѣ и кайкавщинѣ. Теперь чакавщина слышится на островахъ Адріатическаго моря до Корчулы и Ластова (Lagosta) и въ нѣкоторыхъ далматинскихъ селахъ, находящихся въ окрестностяхъ Задра, Шибеника, Трогира и Сплѣта и въ Приморской Хорватіи на сѣверъ до Купы и Мрежницы.

Свое названіе чакавщина получила отъ мѣстоименія *ča* (*ча*) изъ *čь* (*čь-to*), которое слышится въ этихъ говорахъ. Но такая форма мѣстоименія не служитъ основнымъ признакомъ чакавщины: этимъ говорамъ не чужда и форма *čto*—*čta* (изъ *čьto*), въ особенности въ сочетаніяхъ съ отрицаніемъ *ni*: ništa, ništare, ništar, а не nič.—Частица *re* замѣняетъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ частицу *že*.—Большее значеніе имѣютъ слѣдующія особенности чакавскихъ говоровъ:

1) Вмѣсто *dj* находится *j*.

2) ę замѣняется гласнымъ *a* послѣ согласныхъ *j*, č, ž, š: prijati, jazik, načati, žati.

3) *ˈstj* и *ˈsk'* (передъ гласными передняго ряда) замѣняются сочетаніями *šć*: krstiti—kršćen, prostiti—prošćen, ognišće. *ˈzdj* и *ˈzg'* замѣняются соотвѣтствующимъ сочетаніемъ звонкихъ—*žj*: grožje.

4) Чакавскимъ говорамъ извѣстны 3 вида удареній:

⌢ нисходящее на долгомъ слогѣ—hlā̂s, drūg̑;

\\ нисходящее на краткомъ слогѣ—krȁva, rūkȁ;

/ восходящее на долгомъ слогѣ—krā́l'.

5) Тотъ гласный, въ которомъ совпали сильные *ъ*, *ь*, отражается по говорамъ различно: *a*, *e*, *o*.

6) Также различны замѣны *l̥*: кое-гдѣ онъ еще сохраняется (на о. Кркѣ), или же замѣняется *el* (тамъ же) или *o* (о. Ластово—Lagosta и въ нѣкот. другихъ мѣстностяхъ, напр., на Кркѣ): vlna, velna, vona.

7) *v* (*ˈvь*, *ˈvъ*) въ открытомъ начальномъ слогѣ не переходитъ въ *u* (*y*).

8) По замѣнѣ праславянскаго *ě* (*ѣ*) чакавщина не представляетъ единства: вм. *ě* здѣсь употребляются гласные *e* и *i*, на о. Ластовѣ—*je*. Очертить границы распространенія *e* съ одной стороны, а *i*—съ другой пока не удается. Можно лишь вообще указать, что *i* слышится преимущественно въ восточной части чакавскихъ говоровъ.

Остальныя сербо-хорватскіе говоры объединяются въ одну большую группу—*штокавскую*, названную такъ по мѣстоименію *што* изъ *ч(ь)то*. Главныя явленія, пережитыя штокавщиной, слѣдующія:

1) Вмѣсто *ранняго* праславянскаго сочетанія *dj* у штокавцевъ слышится *ђ*=*d̑ž̑*, сочетаніе, идущее еще отъ эпохи праславянской: *међа*, *крађа* (кража).

2) *ˈstj*, *sk'* перешли въ группу *št*—*шт* (въ Босніи слышится и *šć*): *пустити—пуштен*, *воск—вошчити*; *ˈzdj* → *žђ*, *zg'* → *žd*: *грожђе*, *звиждати*.

3) *l* въ концѣ слова и въ закрытомъ слогѣ замѣнилось гласнымъ *o*: *писао*, *дао*, *соколъ* → *сокоо* → *сокō*, *мол(ь)ба* → *мооба* → *мōба*.

4) Вмѣсто *l̥* развился гласный *u* (*y*): *вук*, (*влк* ← *vь̥kъ*), *жут*, *пуна*.

5) Тотъ гласный, въ которомъ совпали сильные *ъ* и *ь*, замѣнился почти во всѣхъ говорахъ гласнымъ *a*; лишь на югѣ Черной Горы слышатся глухіе, редуцированные гласные,

въ однихъ говорахъ близкіе къ *а*, въ другихъ къ *е*: *сан*, *лав*, *лан*, *данас* (*dьnьsь*).

5) *ˈvь* (*ˈvъ*) въ начальномъ неударенномъ открытомъ слогѣ замѣняется гласными *и* (*у*): *уторник*, *узети*, *узраст*. Въ западныхъ говорахъ штокавщины, а также въ чакавщинѣ вм. *vь* (*ˈva*)—*va* (и *v*); *v* удержано и кайкавщиной.

6) Штокавскими говорами сохранены слѣдующіе два вида ударенія: 1) нисходящее (съ нисходящимъ тономъ) на долгихъ слогахъ ⌒: *гра̑д* (здѣсь ā), *ру̑ку брѣ̑г* 2) \\—удареніе со слабымъ нисходящимъ тономъ на краткихъ слогахъ: *по̏ле*.

Мѣсто ударенія въ большинствѣ штокавскихъ говоровъ передвинулось на одинъ слогъ къ началу слова; при этомъ, если прежній ударенный слогъ имѣлъ тонъ нисходящій (⌒ или \\ ), то слогъ съ перенесеннымъ на него удареніемъ развивалъ тонъ восходящій (передается: на краткомъ слогѣ \, на долгомъ /: *крӣло̏* → *кри́ло*, *дӯша̏* → *ду́ша*, *жѐна̏* → *жѐна*.

7) По отраженію праславянскаго гласнаго ě (*ѣ*) штокавскіе говоры группируются въ 3 области. Въ восточныхъ говорахъ *ѣ* звучитъ, какъ *е*; это области Срема (между Савой и Дунаемъ), большей части королевства Сербіи и восточныя части Старой Сербіи. Въ срединныхъ говорахъ штокавщины *ѣ* замѣняется сочетаніемъ *je* въ краткихъ слогахъ и i͡e или ̀*je* въ долгихъ; это области части Бѣловарско-Крижевацкаго комитата, юго-западной части Сербіи, юго-восточной части Босніи и Герцеговины, южной Далмаціи, Черной Горы и восточной части Старой Сербіи. Въ западныхъ говорахъ штокавщины вм. *ѣ* слышится *і*—въ средней и сѣверной Далмаціи, въ сѣверо-западныхъ мѣстностяхъ Босніи и Герцеговины, въ большей части Славоніи.

Литературный языкъ. Графика.

Въ основѣ сербо-хорватскаго литературнаго языка лежитъ нарѣчіе штокавское, именно центральные говоры его,—говоры большей части Босніи и Герцеговины, южныхъ областей Хорватіи и западной Сербіи. Возведеніе этого нарѣчія на степень литературнаго языка обязано въ новое время Вуку

Стефановичу Караджичу (род. 1787 г., ум. 1864 г. *). Ему же принадлежитъ и принципъ современнаго сербо-хорватскаго правописанія. Оно въ основѣ *фонетическое*: при письменной передачѣ того или иного слова употребляются только тѣ буквенные знаки, которымъ есть соотвѣтствующіе звуки въ передаваемомъ словѣ; если при измѣненіи слова происходитъ уподобленіе звуковъ, то сообразно съ этимъ мѣняются и буквы. Напр., *србин*, но *српски* (звонкій согласный *б* замѣнился передъ *с* глухимъ *п*); *узак*, но *уски*; вмѣсто *гостьба* слышится и передается *гозба*.

Графика у сербо-хорватовъ не представляетъ единства. Сербы (православные) употребляютъ русскую гражданку съ нѣкоторыми измѣненіями (и дополненіями), а хорваты (католики)—латинку, также съ нѣкоторыми измѣненіями. Въ сербскомъ письмѣ отсутствуютъ слѣдующія буквы, употребляющіяся въ русской гражданкѣ: 1) *ъ*, *ы*, *ѣ*, *ѳ*, *і*, *щ*; 2) *й*, *э*, *ь*, *ю*, *я*. Буквы перваго ряда выброшены, какъ лишнія; буквы второго ряда не были лишними; но соотвѣтствовавшія имъ звуки стали выражать иными знаками: вм. *й*—*j*, вм. *ю*—*ју*, вм. *я*—*ја*; *ь* въ качествѣ только *знака* мягкости согласнаго удержанъ въ составѣ буквъ: љ (т. е. *л'*, вм. рус. *ль*) и њ (*н'*, вм. рус. *нь*). Послѣ этихъ же буквъ пишется не *ја*, *ју*, а только *а*, *у*; напр., коњ—коња, краљ—краља. Кромѣ того, въ сербскомъ алфавитѣ имѣются такія буквы, какихъ нѣтъ въ русскомъ письмѣ: ћ, выражающее слитный звукъ—$t\widehat{\,}s'$ (*т* мягкое, сопровождаемое легкимъ мягкимъ *ш*—$m\widehat{\,}'ш'$); ђ ($d\widehat{\,}'ж'$—$д\widehat{\,}'ж'$); ц ($д\widehat{ж}$)—цеп (карманъ).

Этотъ сербскій алфавитъ извѣстенъ подъ названіемъ *вуковскаго* алфавита,—*вуковицы*, по имени Вука Караджича, который ввелъ всѣ указанныя измѣненія въ сербское письмо.

Сербы (хорваты), употребляющіе латинку, ввели въ нее слѣдующія измѣненія для выраженія чисто славянскихъ и сербскихъ звуковъ: для *ч* служитъ знакъ č, для *ж*—ž, для *ш*—š; вуковскому ћ соотвѣтствуетъ у хорватовъ *tj* (пишутъ

*) Въ послѣднее время раздаются голоса за введеніе нарѣчія восточно-штокавскаго (екавщины) въ качествѣ общаго для всѣхъ сербо-хорватовъ литературнаго языка. См по этому вопросу статью Скерлића въ бѣлградскомъ журналѣ „Српски Књижевни Гласник“ 1913 г., №№ 308—310; въ книжкахъ за 1914 г. печатается „анкета о южномъ или восточномъ нарѣчіи въ сербо-хорватской письменности“. На восточномъ нарѣчіи пишутся и издаются сочиненія въ королевствѣ Сербскомъ.

и ѥ), вуковскому ђ—*dj* (пишутъ и *d*, перечеркнутое вверху горизонтальной черточкой); вуковскому џ—*dž* (или *ǵ*), вм. љ—*lj* (или ļ), вм. њ—*nj* (или ń); *x* передается посредствомъ *h*. Хотя латинское письмо у католическихъ сербовъ (хорватовъ) употребляется издавна, но примѣненіе его съ указанными нововведеніями принадлежало Людевиту Гаю (род. 1809 г., ум. 1872 г). и отчасти Юрію Даничичу (род. 1825 г., ум. 1882 г.).

Кое-гдѣ (въ Далмаціи и на нѣкоторыхъ островахъ) сербо-хорваты пользуются и до сихъ поръ *глаголицей*. Она употребляется только въ литургическихъ церковныхъ книгахъ у католиковъ-хорватовъ, приверженцевъ славянскаго богослуженія.

Пособія. Ст. Новаковић. Српска граматика. у Београду 1894 — Ст. Новаковичъ Грамматика сербскаго языка. СПб. 1890. Рус. переводъ прежн. изд.

Его-же. Физиологија гласа и гласови српскога језика. Београд. 1873.

T. Maretić Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb. 1899

Ђ. Даничић. Основе српскога или хрватскога језика. Београд. 1876.

Т. Флоринскій. Лекціи по славянскому языкознанію. Ч I. Кіевъ. 1895.

Р. Брандтъ. Краткая фонетика и морфологія сербскаго языка М. 1895. Изд. 2-е. М. 1912.

Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. I. Lautlehre. Wien. 1879. II. Stammbildungslehre. Wien. 1875. III. Wortbildungslehre Wien. 1876. (Рус. переводъ Н Шлякова. М. 1885. 2-е изд. М 1890). IV. Syntax Wien. 1883.

W. Vondrák. (Соотвѣтствующія мѣста его Vergleichende Slav. Grammatik, I, II).

О. Брокъ. Очеркъ физіологіи славянской рѣчи СПб. 1910. (Къ этому см. замѣчанія А. Белича въ журналѣ Rocznik slawistyczny, t IV, стр. 189—199).

V. Jagić. Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen (Archiv für slav Philologie, B. XVII).—Затронутъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ между южно-славянскими языками.

M. Rešetar. Die čakavština und deren einstige und jetzige Grenzen. (Archiv für sl Philologie, B. XIII).

Его-же Der štokavische Dialekt. (Schriften der Balkankommission. VIII, Wien. 1907).

Его-же Zur Frage uber die Gruppierung der serbokroatischen Dialekte. (Arch. f. slav. Philologie, B. XXX, № 4).—По поводу діалектологическихъ работъ А. Белича.

А Беличъ. Діалектологическая карта сербскаго языка (Статьи по славяновѣдѣнію. Вып. II. Изд. II Отд. Имп. Ак. Н. СПб 1906).

А. Белић. Дијалекти источне и јужне Србије. Београд. 1905 (Српски дијалектолошки зборник Књ I).

Его-же. О српским или хрватским дијалектима (Глас Српске Краљевске Академије LXXVIII. Београд. 1908).

Его-же. О српском језику (Српски књижевни Гласник, III) — Популярная статейка о сербо-хорватскихъ говорахъ.

A Belić Zum heutigen Stande der serbo-kroatischen Dialektologie (Rocznik slawist., t. III, въ томъ же томѣ находится другая статья Белича, заключающая въ себѣ замѣчанія на статью Решетара: Zur Frage über die Gruppierung..)

А. М. Лукьяненко Кайкавское нарѣчіе Кіевъ 1905

Словари. Вук Стеф. Караджић Српски рјечник, истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. У Бечу 1818 2-е изд у Бечу 1852. 3-е у Биограду 1898.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb. 1880—1912.— Вышло VI томовъ и 2 вып VII-го до „nakon".

П. Лавровскій. Сербско-русскій словарь СПб. 1870.

Л. А. Мичáтекъ. Дифференціальный сербско-русскій словарь. СПб. 1903.

3. Словинскій языкъ.

Къ сѣверо-западу отъ территоріи сербо-хорватовъ живетъ небольшой въ количественномъ отношеніи (около 1½ милліона) южно-славянскій народъ—*словинцы* (*словенцы*). Въ настоящее время они занимаютъ преимущественно область Крайны, сѣверъ Истріи, часть Видемскаго округа Фріуля, Горицу, южную Штирію, юго-восточную часть Каринтіи и небольшую часть западной Венгріи (въ комитатахъ Желѣзномъ и Саладскомъ). Предки нынѣшнихъ словинцевъ въ первые вѣка по Р. Хр. двигались изъ-за Карпатъ къ Дунаю и далѣе къ югу и западу одновременно съ предками нынѣшнихъ славянъ болгарскихъ и сербо-хорватскихъ. Въ концѣ VI-го в., въ VII-мъ предки словинцевъ уже занимали области къ югу отъ Дуная и глубоко заходили на западѣ въ альпійскіе края. На сѣверѣ и востокѣ границею словинской территоріи въ это время и въ послѣдующіе вѣка—VIII и IX—былъ

Дунай (его паннонскій изгибъ). Въ придунайскихъ областяхъ предки словинцевъ встрѣчались съ предками нынѣшнихъ чеховъ и словаковъ. Объ этомъ непосредственномъ сосѣдствѣ словинцевъ съ предками чеховъ и словаковъ свидѣтельствуютъ и историческія данныя и данныя словинскихъ говоровъ, въ которыхъ имѣются такія черты, которыя являются общими съ чешско-словацкими. Но уже въ VIII-мъ и въ особенности въ IX в. многія области словинцевъ на западѣ и на сѣверѣ были заняты нѣмцами. Съ нѣмецкой колонизаціей словинскихъ областей была соединена и германизація послѣднихъ. Германизаціи весьма способствовала и церковная зависимость словинцевъ отъ нѣмецкихъ епископовъ. Въ результатѣ германизаціи многія словинскія области на западѣ и сѣверо-западѣ стали нѣмецкими. Съ другой стороны, на сѣверо-востокѣ значительная часть словинской территоріи была занята мадьярами (уграми или венграми). Это нашествіе двухъ чуждыхъ элементовъ, германскаго и мадьярскаго, изгнало или уничтожило славянскій элементъ въ огромной части прежней территоріи словинцевъ.

Въ настоящее время словинцы непосредственно сосѣдятъ только съ однимъ славянскимъ народомъ—съ сербо-хорватами—на востокѣ и юго-востокѣ. Этому сосѣдству, восходящему къ глубокой старинѣ, обязано возникновеніе въ пограничныхъ областяхъ такихъ говоровъ, которые являются говорами переходными, заключающими въ себѣ черты того и другого языка. Съ одной такой областью переходныхъ говоровъ мы уже познакомились, обозрѣвая діалекты сербо-хорватскаго языка, — съ областью *кайкавщины*. Мы указали, что на-ряду съ чертами языка сербо-хорватскаго въ этомъ діалектѣ находятся и явленія, свойственныя языку словинскому. Но рядъ особенностей кайкавщины указываетъ на ближайшее отношеніе ея къ языку сербо-хорватскому, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время.

Отмѣтимъ явленія, общія всѣмъ словинскимъ говорамъ.

1) Присутствіе *l* epentheticum въ начальныхъ и не начальныхъ слогахъ: pl'una, zeml'a, kapl'a, l'ubl'en.

2) Раннія праславянскія сочетанія kų, gų замѣнены передъ *ъ* и *і* извѣстнаго происхожденія посредствомъ *cv*, *zv*: cvẽt, zvẽzda.

3) Вмѣсто раннихъ праслав. *tl*, *dl* у словинцевъ *l*: plèl, šel, prišel. Но относительно судьбы этой группы необходимо

отмѣтить, что нѣкоторые говоры знаютъ и группы *tl, dl.* Въ нѣкоторыхъ формахъ *tl, dl* являются даже общераспространенными.

4) У словинцевъ слышатся *ra, la, rĕ* (*rъ*), *lĕ* (*rъ*) вм. раннихъ праславянскихъ группъ *tort, tolt, tert, telt, ort, olt.* grad, brѣme, brѣg, glas, mlѣti, lakať, ladja, lákati, ratár, ravni.

5) *˙tj* и *kť*→č(*ч*), а *˙dj*→*j*: svѣča, vračam, noč, méja, grajàn.

6) Носовое произношеніе гласныхъ утрачено; *˙ǫ* замѣнено гласнымъ *o*, а *ę*→*e*: róka, délajo (3 л. мн. наст. вр.), mesó, méta; лишь кое-гдѣ въ Каринтіи сохранились еще слабые слѣды нѣкогда бывшаго носового произношенія гласныхъ; вм. обычныхъ *o, e* здѣсь слышатся въ нѣкоторыхъ словахъ *en* (вм. *˙ę*) и *on*, ǫ (вм. *˙ǫ*).

7) Въ словинскомъ языкѣ находится слоговой плавный *r* (r̥) на мѣстѣ праславянскихъ сочетаній *tъrt, tьrt* и *trъt, trьt*: trg, skrb, srcé, krst, kıváv; на мѣстѣ *tъlt, tьlt, tlъt, tlьt* у словинцевъ также развился одинъ плавный слоговой *l* (l̥), который затѣмъ замѣнился сочетаніемъ *ol*, а *ol*→oụ: dolg→doug, solza→souza.

8) Гласный *y* (*ы*) совпалъ съ гласнымъ *i*: dim (дымъ), rıbič (рыбакъ), sin (сынъ), síla (сила).

9) Праславянскіе плавные *l* твердый (*ł*) и средній (*l*) совпали въ одномъ—среднемъ: glava, lipa; *l'* (изъ *˙lj*) въ словинскомъ языкѣ сохранено: l'ubov, kral'. Въ нѣкоторыхъ говорахъ и *l'* замѣнено среднимъ *l*. Въ концѣ слова *l*→u: dal→dau.

Согласный *n* произносится также одинаково передъ *e, i, ě* (*ѣ*) и *a, o, u*; та средняя мягкость, съ какой произносился *n* передъ гласными передняго ряда (*i, e, ę, ě, ь*) въ эпоху праславянскую, утрачена словинскимъ языкомъ: na, nad, nádeja núditi и kneźič, nikakor, dan; праслав. *n'* (изъ *nj*) сохранено: kon', kon'a.—Та же судьба различныхъ видовъ праславянскихъ *l* и *n* передъ гласными была и въ сербохорватскомъ языкѣ.

10) *ě (ѣ) имѣетъ неодинаковую замѣну въ словинскихъ говорахъ. Прежде всего надо имѣть въ виду долгое (оно и ударяемое) *ѣ* (ě) и краткое. По произношенію долгаго *ѣ* можно выдѣлить 2 главныя области:

1) восточную, гдѣ *ѣ* (долгое)→*é* (*e*^{i}) закрытое, высокое *e*, или же вм. *ѣ* слышится *ej*; это—въ Штиріи, въ

восточной Крайнѣ, Истріи, Угріи (ср. аналогичное явленіе въ кайкавщинѣ);

2) западную, гдѣ *ѣ* → *je*,—въ Каринтіи, въ сѣверо-зап. части верхней Крайны.

Въ краткихъ слогахъ *ѣ* звучитъ, какъ *e*, или какъ глухой гласный (ъ): leto и lъto, hleb и hlъb.

11) Замѣна сочетанія *že* послѣ гласныхъ посредствомъ *re*: takor (вм. takore←takože), morem (вм. možem).—Ср. то же явленіе въ сербо-хорв. языкѣ.

12) Словинскій языкъ знаетъ различіе гласныхъ въ количественномъ отношеніи. Но особенностью этого языка въ области количества гласныхъ является то, что долгимъ можетъ быть только ударенный гласный. Но въ односложныхъ словахъ и въ конечныхъ слогахъ гласный кратокъ: brāt, mezdà(ă)—праслав. mьzda.

13) Подъ удареніемъ исконно краткіе гласные (*o*, *e*) или гласный, замѣнившій *ъ, *ь, усиливаются, становятся долгими: vōda, sēstra, māh (изъ *mъchъ; *h* у словинцевъ передаетъ *ch*). Неударенные же гласные ослабляются и во многихъ словинскихъ говорахъ замѣняются гласными глухими, гласными неполнаго образованія. Въ особенности же широко распространено указанное измѣненіе неударенныхъ гласныхъ *i*, *u* (*y*) и *e* изъ (*ѣ*); эти гласные замѣняются глухими и въ ударенномъ положеніи (въ односложныхъ словахъ): krъg (krug), dъm (dim←dym), hlъb (hleb).

14) Словинскимъ языкомъ сохранены формы двойственнаго числа, между тѣмъ какъ почти всѣми другими славянскими языками онѣ утрачены, замѣнены формами множеств. числа. Въ склоненіи словинскій языкъ знаетъ формы имен.-винит. и дат.-творит. падежей; но форма родит.-мѣстнаго падежа утрачена и словинскимъ языкомъ. Въ основахъ на—*o* муж. р. им.-вин. пад. оканчив. на—*a*: Midva sva si stara prijátelja; дат.-твор. на—*oma* (—*ema*): bratoma, konjema. Въ основахъ на—*o* ср. род. им.-винит.: mesti, pólji, imeni, slovesi, beli; prvi dve domači vojski med (между) slovenci sta se ponesréčili; дат.-твор.: mestoma, póljema, imenoma, slovésoma. Въ словахъ жен. рода форма имен.-винит. на—*i*: ribi, zémlji, niti, kosti, máteri, beli; форма дат.-твор. на—*ama* (—*ema*,—*ma*), ribama, zémljama, máterama, nitma, kostema, bélima.

Формы двойственнаго числа глаголовъ слѣдующія. Въ 1 л.—*va* (муж. р.),—*ve* (жен. и сред. р.): néseva (ve) –(наст.

время); во 2 и 3 л.—*ta* (муж. р.) и—*te* (жен. и сред. р.): nésęta (te)—(наст. вр.).

Причастіе прош. вр. на—*l*, входящее въ составъ сложной формы прошедшаго времени (перфекта), также имѣетъ формы двойств. числа: въ муж. р. *a*, въ ж. и ср. *i*: sva pekla (мы оба пекли), sva pekli (мы обѣ пекли); sta pekla, i (для дв. ч. 2 и 3 л.).

Zveličar in Peter po svetu hodila,
Po svetu hodila, nevedne učila.
Pa gresta mi nékega dne obá
Po véliki cesti takó samá...
(Aškerc).

Форма родит. пад. множ. ч. основъ на—*o* муж. рода оканчивается на—*ov* (изъ основъ на—ŭ: ˙synъ): slovanov, bratov čehov, konjev.

15) Употребительно мѣстоименіе *kaj* въ смыслѣ *что*. Kaj jest(e) dóbrega?—Но съ отрицаніемъ—nič— ničь(to): meni nič, tebi nič.

16) Въ склоненіяхъ мѣстоименномъ и сложномъ род. п. муж. и средн. р. единств. ч. оканчивается на—*ga*: tega, koga: njega—ga, dóbrega.—То же окончаніе находится и въ сербохорв. языкѣ.

17) Въ словинскомъ языкѣ удержана форма достигательнаго наклоненія—супина (оканч. на *t* изъ ˙˙*tъ*): glej, izšel je sejalec sejat. Hodi kupovat.

18) Форма 1 л. множ. ч. наст. времени оканчивается на —*mo*, какъ у сербо-хорватовъ: nesemo;

Mi smo štirje, Kar imamo,
Vsi pastirje, Vse prodamo,
Vince radi pijemo. Da za vince dájemo.

Слабые *ъ*, *ь* словинскимъ языкомъ утрачены. Сильные же совпали въ одномъ гласномъ, близкомъ къ гласному *e*; но при образованіи этого гласнаго языкъ отодвигался нѣсколько назадъ, подобно тому, какъ это происходитъ при *a* Передадимъ графически этотъ (предполагаемый) гласный знакомъ e_a. Дальнѣйшее измѣненіе этого гласнаго зависѣло отъ количества того слога, гдѣ онъ находился: въ долгихъ слогахъ ē или ā, въ краткихъ—глухой гласный ъ или гласный *e*. Въ настоящее время можно выдѣлить слѣдующія двѣ діалектическія группы по произношенію e_a: 1) сѣверо-восточную

(въ Каринтіи, Штиріи, въ Венгріи, Хорватіи), гдѣ въ долгихъ слогахъ—ē, въ краткихъ *e*—или ъ; 2) юго-западную (въ Крайнѣ, въ Приморьѣ, Каринтіи, въ венеціанской области), гдѣ въ долгихъ слогахъ—ā, а въ краткихъ—*a* или ъ. Литературный словинскій языкъ основывается на тѣхъ говорахъ, въ которыхъ вм. e_a въ долгихъ слогахъ ā, а въ краткихъ глухой (передается посредствомъ *e*): mah (ˈmъchъ), laž, (lъžь), dan (ˈdьnь), sel=posel (чит. sъl изъ ˈsъlъ—посолъ), pes (чит. pъs изъ ˈpьsь), meglà (чит. mъgla, изъ ˈmьgla).—Предложенная группировка принадлежитъ В. Облаку.

Въ нѣкоторыхъ словинскихъ говорахъ, преимущественно западныхъ и сѣверо-западныхъ, можно наблюдать такія явленія, которыя роднятъ эти говоры съ языками чешскимъ и словацкимъ,—съ языками уже иной славянской группы—западно-славянской. Это слѣдующія явленія: *tl, dl* вм. общераспространеннаго *l*, фрикативный, длительный согласный. *ɣ* вм. взрывноо *g*, отсутствіе *l* при губныхъ согласныхъ въ такихъ образованіяхъ, какъ zemja и т. под.. Чтобы понять эти черты, общія словинскимъ и чешско-словацкимъ говорамъ, надо принять во вниманіе, что въ прежнее время, въ VIII—IX в. предки словинцевъ находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ предками чехо-моравянъ и словаковъ. Въ посредственномъ сосѣдствѣ эти двѣ группы находились раньше, въ эпоху праславянскую, въ области славянской прародины. Естественно, что въ говорѣ предковъ словинцевъ и чехо-словаковъ развивались общія явленія, слѣды которыхъ въ словинскихъ говорахъ сохранились и до настоящаго времени. Но эти черты были именно переходными: по своимъ особенностямъ словинскій языкъ относится къ южнославянской группѣ: ср. 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8 явленія, ę→e; по особенности же онъ близокъ по своимъ чертамъ къ языку сербо-хорватскому: см. 9, 11, 16, 18 явленія, *j* вм. ˈdj, kaj, отчасти общая судьба *ě, совпаденіе ъ и ь въ одномъ гласномъ.

При обозрѣніи болгарскаго, сербо-хорватскаго и словинскаго языковъ были отмѣчены черты, общія для всѣхъ этихъ языковъ. Кромѣ того, широкія полосы переходныхъ говоровъ между языками болгарскимъ и сербо-хорватскимъ на востокѣ, сербо-хорватскимъ и словинскимъ на западѣ также связываютъ самымъ тѣснымъ образомъ зти языки въ одну группу—южно-славянскую.

Литературный языкъ. Графика.

Въ основѣ словинскаго литературнаго языка лежатъ говоры той діалектической группы, гдѣ e_a въ долгихъ слогахъ замѣненъ гласнымъ *a*, а въ краткихъ глухимъ (не точно передаваемымъ въ письмѣ буквой *e*): mah, meglà,—или ближе,—это говоры нижней Крайны.

Графика у словинцевъ—латинка—гаевица (выброшено ć, какъ знакъ лишній). Для обозначенія ударяемыхъ гласныхъ существуютъ знаки: / для долгихъ, \ для краткихъ.

Въ орѳографіи опредѣленнаго принципа не проведено. Но преимущество имѣетъ принципъ фонетическій: пишутъ dal—чит. daų, volk—чит. voųk и т. под.

Пособія. Fr. Miklosich Die vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. I—IV.

Т Флоринскій. Лекціи по славянскому языкознанію Ч I.

W Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik I, II (въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ).

J Skrbinšek. Praktická učebnice jazyka slovinského se slovničkem. Praha 1912.—Морфологія литературнаго языка изложена въ достаточной полнотѣ. Много „упражненій", снабженныхъ примѣчаніями и словаремъ.

О Брокъ. Очеркъ физіологіи славянской рѣчи СПб. 1910.

Fr Ilešič. Izgovor slovenskega knjižnega jezika (Letopis Matice Slovenske za l. 1912).

V. Oblak Zur Geschichte der nominalen Declination im Slovenischen. (Archiv fur sl Phil. B. XI—XIII).

Его-же. Die Halbvocale und ihre Schicksale in den südslavischen Sprachen. I. Die Halbvocale im Slovenischen. (Archiv fur sl. Phil. B. XVI).

Его-же. Kleine grammatische Beiträge (Archiv fur slav. Phil B. XIX).

V Jagić Ein Kapitel aus der Geschichte der sudslavischen Sprachen. (Archiv fur. slav Phil. B. XVII)

А. Шахматовъ. Русское и словенское аканіе. (Рус. филолог. Вѣстникъ т XLVIII)

Словари M Pleteršnik Slovensko-Nemški slovar. Ljubljana 1894+1895.

М. Хостникъ. Словинско-русскій словарь. Горица. 1901.

Его-же. Русско-словинскій словарь. Горица 1897.

Западно-славянская группа.

Южные славяне, поселившись въ Придунайскихъ областяхъ и на Балканскомъ полуостровѣ, не жили изолированно отъ другихъ славянъ. Выше мы имѣли случай отмѣтить, что область словинцевъ въ VIII—IX в. соприкасалась на сѣверѣ у паннонскаго изгиба Дуная съ областью чехо мораванъ и словаковъ. Нѣкоторыя изъ чертъ современныхъ сѣверо-западныхъ словинскихъ говоровъ указываютъ и въ настоящее время на нѣкогда бывшее непосредственное сосѣдство словинцевъ съ предками чеховъ и словаковъ,—славянъ, принадлежащихъ уже иной языковой группѣ, именно *западной* или *сѣверо-западной* группѣ. Къ обозрѣнію послѣдней мы и переходимъ. Въ составъ западно-славянской группы входятъ языки чешскій со словацкимъ, лужицкій (верхній и нижній) и польскій съ кашубскимъ. Къ той же группѣ относились и вымершіе говоры славянъ полабскихъ (поэльбскихъ).

1. Чешскій и словацкій языки.

(Чешско-словацкій языкъ).

Предки чеховъ и словаковъ въ первые вѣка нашей эры (во II—IV в.в.), передвигаясь изъ сѣвернаго Закарпатья, перешли Судеты и Карпаты и заняли сѣверныя области нынѣшнихъ Чехіи, Моравіи и Венгріи (Угріи). Съ теченіемъ времени эти славяне, распространяясь дальше на западъ и на югъ, заняли области за Шумавой (Чешскимъ Лѣсомъ) въ нынѣшней Баваріи, а на югѣ въ VIII—IX в.в. они подходили къ Дунаю, къ Блатенскому озеру. Въ этихъ южныхъ областяхъ предки чеховъ и словаковъ встрѣчались съ предками нынѣшнихъ словинцевъ. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ многія области на западѣ и югѣ были затѣмъ утрачены чехами и словаками: съ запада и юга колонизація нѣмецкая, съ юга и юго-востока—мадьярская (венгерская) оторвали много чешско-словацкихъ областей, заглушили и уничтожили здѣсь славянскій элементъ. При томъ, нѣмецкая колонизація направлялась не только на окраинныя области чеховъ, но заходила и въ глубь самой страны, образовывая здѣсь значительныя нѣмецкія поселенія.

Чехи (чехо-мораване) въ настоящее время занимаютъ слѣдующія области, входящія въ составъ Австріи: Чехію (Чешское королевство, Богемію), Моравію (Моравское маркграфство) и небольшія части Силезіи (Силезскаго герцогства) и Нижней Австріи. Шумава (Чешскій Лѣсъ), Рудныя горы, Судеты и Малыя Карпаты—вотъ въ общемъ естественныя границы чешскихъ областей. Только небольшая часть чешской территоріи выходитъ за эти предѣлы (за Судетами, въ Силезіи).

Словаки занимаютъ 16 сѣверо-западныхъ столицъ (комитатовъ) Венгріи и небольшой юго-восточной уголъ Моравіи. Карпаты на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, Морава—на западѣ, къ востоку бассейны рѣкъ Вага, Нитры, Грона, самыхъ верхнихъ сѣверо-западныхъ притоковъ Тиссы—вотъ области, гдѣ живутъ словаки. Съ трехъ сторонъ они сосѣдятъ съ другими славянскими народами на западѣ съ чехо-моравами, на сѣверѣ—съ поляками и на сѣверо-востокѣ и на востокѣ—съ русскими (малоруссами). Въ пограничныхъ словацкихъ мѣстностяхъ находится рядъ переходныхъ говоровъ, въ которыхъ, кромѣ общесловацкихъ явленій, наблюдаются и черты сосѣднихъ славянскихъ языковъ. Въ особенности же въ близкомъ отношеніи находятся говоры словаковъ къ говорамъ чеховъ и моравъ. Эти говоры надо объединить въ одну группу — *чешско - словацкую.* Нѣтъ достаточнаго основанія для положенія, по которому говоры чехо-моравъ съ одной стороны и говоры словаковъ—съ другой—это два самостоятельные западно-славянскіе языка, какъ, наприм., польскій и лужицкій. Если *въ настоящее время* мы находимъ рядъ различій между чешскими и словацкими говорами, то это еще не свидѣтельствуетъ о томъ, что чешская и словацкая группы издавна, на-ряду съ лужицкой и польской, составляли самостоятельныя западно-славянскія группы. Различія по говорамъ существуютъ въ каждомъ славянскомъ языкѣ. Прежде чѣмъ говорить о различіи или ближайшемъ родствѣ данныхъ языковыхъ группъ, необходимо изучить современное ихъ положеніе,—изучить въ *полномъ* ихъ составѣ, прослѣдить *судьбу* этихъ группъ, установить строго *историческую перспективу* въ тѣхъ различіяхъ, которыя онѣ представляютъ въ настоящее время. Сторонники того взгляда, по которому чешская и словацкая группы—искони отдѣльные западно-славянскіе языки, часто

не обращаютъ достаточнаго вниманія на чешскіе говоры Моравіи, представляющіе длинный рядъ особенностей, свойственныхъ словацкимъ говорамъ. Кромѣ того, многія различія между чехо-моравскими и словацкими говорами развились въ сравнительно позднее время. До XI—XII в. предки чехо-мораванъ и словаковъ жили одной языковой жизнью; возникавшія языковыя измѣненія распространялись на всѣхъ представителей этого языка. Но и позднѣе, когда чешско-словацкое языковое единство рушилось, въ той и другой группѣ продолжали возникать и такія измѣненія, которыя проходили въ одинаковомъ направленіи *).

Всѣмъ чешскимъ и словацкимъ говорамъ извѣстны слѣдующія явленія:

1) Праславянскія сочетанія *dl*, *tl* сохранены безъ измѣненія: *vedl* (чеш.), *vedol* (словац.), *modlitva*, *pletl* (чеш.). *pletol* (слов.).

2) Праславянскія сочетанія губныхъ согласныхъ съ *j* (изъ i̯) передъ гласнымъ у чеховъ и словаковъ имѣли неодинаковую судьбу: въ начальномъ слогѣ вм. *j* (i̯) развивалось *l'*, въ неначальномъ же слогѣ этого *l* (l epentheticum) чешско-словацкіе говоры не знаютъ: plivati, plíti, pliju (чеш.), pl'uvat', pl'uvadlo — плевательница (слов.);но země (чеш.), zeměpis, zeměvid (чеш.), zemepis, zemevid (слов.).

3) Праславянскія сочетанія kъ̯, gъ̯ передъ ě (*ѣ*) и *i* (изъ *oi̯*) замѣнены близкими звуковыми группами *kv*, *gv* (*hv*): květ **), hvězda (изъ gvězda).

---

*) По взгляду С Цамбеля (Samo Czambel), словацкій языкъ нѣкогда находился въ ближайшемъ родствѣ съ языками не западно-славянской группы, а южно-славянской, въ частности съ языками словинскимъ и сербохорватскимъ. Только въ историческое время (съ XIII вѣка) словацкій языкъ подвергся сильному вліянію чешскаго языка, такъ что многія его южно-славянскія черты были вытѣснены западно-славянскими, въ частности чешскими (см. книгу Цамбеля: „Slovácі, a ich reč. Budapest, 1903). Но положеніе о южно-славянскомъ происхожденіи словацкаго языка Цамбелемъ не обосновано. Нѣкоторыя данныя, которыми онъ пытался доказать свое положеніе, недостаточны и требуютъ иного объясненія.

По поводу взгляда Цамбеля на словацкій языкъ см. статьи Пастрнка въ XXVI т. Archiv'a fur sl. Philologie, стр. 290—304 и въ изд. Věstník Českė Akad. R. XIII, стр. 1—24· „Slovácі jsou-li Jihoslované?“ См. также статью Шкультетаго въ словацкомъ журналѣ Slovenskė Pohl'ady, R. 1903, стр. 709—714.

**) О произношеніи *ѣ* у чеховъ и словаковъ см. ниже.

4) Вмѣсто ранней праславянской группы *tj* (изъ tį), а также *kt'* у чеховъ и словаковъ *c*: svѣca: svieca (словац.), svíce (чеш.), vracať (слов.), vracetı (чеш.;—возвращать), пос. На мѣстѣ же *dj* (изъ dį) у словаковъ *dz* (звонкій слитный согласный—аффриката, въ соотвѣтствіи глухому *c*, т. е. ts); чехи очень рано пережили измѣненіе этого *dz* въ *z*: medja—medza (слов.)—meze(a) (чеш.); sádzať (словац.), sázetı (чеш.;—сажать).

5) Раннія праславянскія сочетанія гласныхъ *o, e* съ плавными *r, l* между согласными, т. е. *tort, tert, tolt, telt*, замѣнились тѣми же звуковыми группами, какъ и въ южно-славянскихъ языкахъ: *ra, rъ, la, lъ*: kráva (словац. krava), vrána, (слов. vrana), brada, blato, hlas, hlásati, sláma (слов. slama), brѣh (чеш. břeh, словац. breh), brѣza (чеш. bříza, слов. breza), mlѣti (чеш. mlíti, слов. mlieť и mleť).

Вмѣсто же раннихъ праславянскихъ *ort, olt* (т. е. *or, ol* въ начальныхъ слогахъ передъ согласнымъ) у чеховъ и словаковъ въ одной категоріи словъ имѣются также *ra, la*, въ другой—*ro, lo*: rádlo, rataj, lakomý; rob, robiti (чеш.), robiť (словац.), roven (ровенъ), loni (прошлаго года), lonský (прошлогодній). Въ нѣкоторыхъ же словахъ у словаковъ *ra, la*, между тѣмъ у чеховъ *ro, lo*: словац. razha, чеш. rozha; слов. rásť, чеш. růsti (изъ rōsti); слов. laket', чеш. loket; слов. ládik (челнокъ), чеш. lod', lodí, lodář (лодочникъ).

6) Въ чешско-словацкихъ говорахъ гласные при извѣстныхъ условіяхъ являются долгими, при другихъ—краткими: tráva, гдѣ первое *a*—долгое передъ прежнимъ удареннымъ слогомъ (ср. русское мѣсто ударенія: *трава*), второе *a*—краткое въ конечномъ открытомъ слогѣ; pás,—*a* долгое въ результатѣ стяженія: pás изъ *pojas (ср. рус. *пояс*) и т. д.

7) Въ языкѣ праславянскомъ развился задненебный длительный согласный *ch* на мѣстѣ общаго индо-европейскаго *s* послѣ *i, u, r* и *k*: *ucho (ср. лит. ausìs), *trьchъ (изъ *trisu), lichъ (ср. литов. lëšas), *porchъ (откуда южно-славянское и чеш-словац. prach, рус. *порохъ*); что въ данномъ случаѣ *ch* изъ *s*, то это видно изъ другой родственной формы: *pьrstь (рус. *перстъ*), гдѣ *s*, находясь въ сочетаніи съ *t*, не измѣнялось въ *ch*. Удерживалось *s* и въ сочетаніяхъ съ *k* (т. е. *sk*), *p*, (*sp*): *istina, *blѣskъ (гдѣ *ъ* изъ *oį*). Праславянское *ch*, находясь передъ *ъ* (ě) и *i*, возникшихъ изъ *oį*, измѣнилось въ *s* (ś): *duchъ—*dusѣ—*dusi, *mucha—*musѣ,

*sѣdъ, *sѣrъ. То же измѣненіе происходило и въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣ *ь*, *е*, ę: *vьsь, *vьśakъ, *vьśǫ (вин. ед. ж. р.).

Въ чешскомъ и словацкомъ, какъ и въ *другихъ западнославянскихъ языкахъ*, это ś замѣнилось согласнымъ š (š'): чеш: mouše (мѣст. пад.), šedivý, šerý, češi (им. мн.), ořeši, ženiši, však, vše, všední (повседневный). Въ словацкой же группѣ въ формѣ им. пад. мн. ч. основъ на—*o* м. р. имѣется не š изъ *ch*, а *s* (изъ ś): mnisi, ženisi, но šedastý, šeravý, však, vše (всё), všedný.

8) Мѣсто ударенія и въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ постоянное: оно передвинулось на первый слогъ слова; если же находится сочетаніе съ отрицаніемъ или съ предлогомъ, заключающимъ слоговой звукъ, то ударение переходитъ на отрицаніе или предлогъ: horlivý (удар. на *ho*—), nechceš (удар. на *ne*), do domu (ударение на первомъ *do*).

9) Что касается носовыхъ гласныхъ, то они замѣнены гласными не носовыми; вм. *ǫ слышится *u* въ краткихъ слогахъ и *ú* въ долгихъ: ruka, dub, súd (у чеховъ ú→ou: soud), minúť (слов.), minúti→minouti (чеш.; минуть) вм. *ę чешскіе говоры имѣютъ въ краткихъ слогахъ *a* (передъ твердымъ согласнымъ) и *e* (передъ мягкимъ согласнымъ или въ концѣ слова): maso, paťa, deseť→deset, pěť→pět, tele (*telę); въ долгихъ слогахъ здѣсь слышится *á* (передъ твердымъ согл.) и *ie*, откуда í (*i* долгое—передъ мягкимъ согл. или въ концѣ слова): vázati (*vęzati), řád (*rędъ), památka (*pamętъka); vzieti→vzíti (*vъzęti), měsíc, (*měsęc). Въ словацкихъ говорахъ вм. ę въ краткихъ слогахъ находится *ä* (открытое, широкое *e* съ переходомъ къ *a*) послѣ губныхъ согласныхъ; въ другихъ случаяхъ *'a* или *a*: päť, mäso, desať, teľa; въ долгихъ слогахъ одна замѣна—сочетаніе *ia* (гдѣ *i* является не слоговымъ—i̯): sviazať, mesiac, riad.

10) Чешско-словацкимъ говорамъ извѣстны слогообразующіе *r* и *l* (r̥, l̥) вм. двухъ видовъ праславянскихъ сочетаній глухихъ *ъ*, *ь* съ плавными между согласными (*tъrt*, *tьrt* и *trъt trьt*...); но послѣ č, ž вм. r̥ имѣется *er*: trh (чит. tr̥h), hrdlo (чит. hr̥dlo), hrdý, drn, srdce, srp; černý, žernov, žerď; vlk, vlna, plný, krvi (им. п. krev), hltati, slza.

Но необходимо отмѣтить, что въ группѣ **trъt, *trьt*... гласный *ъ* (или *ь*) не былъ утраченъ въ тѣхъ случаяхъ, когда за нимъ слѣдовалъ слогъ съ *ъ* или *ь*; въ такомъ положеніи *ъ* или *ь* послѣ *r* или *l* замѣнялись въ чешско-словацкой

группѣ гласнымъ *e*, а *r*, *l* оставались согласными, неслоговыми: krev вм. *krъvь, plet' вм. *plъtь. Лишь въ единичныхъ случаяхъ и въ указанныхъ формахъ развился r̥ или l̥: kr̥t вм. kret (изъ *krъtъ).

11) Взрывной согласный задненебный *g* замѣнился длительнымъ *h*: *gora→hora.

12) Зубные согласные *s*, *z*, находившіеся передъ гласными передняго ряда (*i*, *e*, ě, *ь*, ę), были въ эпоху праславянскую полумягкими. Въ чешско-словацкихъ говорахъ эти согласные, а также палатальный *c* рано утратили мягкость.

13) Праславянскіе глухіе, редуцированные гласные *ъ*, *ь* находясь въ *слабомъ* положеніи, утрачивались: tma (*tьma), kost' (*kostь), dar (*darъ). *Сильные* же *ъ*, *ь* замѣнялись гласными полнаго образованія; вм. *ь—e*: слов. den', чеш. den (*dьnь), lev (*lьvъ), lesť; вм. сильнаго *ъ* чешско-словацкіе говоры въ настоящее время не представляютъ единства: у чеховъ—*e*: lež (*lъžь), sen (*sъnъ); у словаковъ *e* и *o*, изрѣдка и *a*: lož, mochъ (*mъchъ), zamok, но и leb (*lъbъ), sen. Кое-гдѣ и у чеховъ слышится также *a*.

14) Вмѣсто праславянскаго ě (*ѣ*) чешскіе говоры имѣютъ въ краткихъ слогахъ *'e* (съ мягкостью предшествующаго согласнаго), въ долгихъ *ie*, измѣнившееся съ теченіемъ времени въ *í* (*i* долгое): seno, cena, sled, zpěv (т. е. zpjev или zpi̯ev); květ; vítr, bílý, hnízdo, síť. У словаковъ въ краткихъ слогахъ замѣна та же, что̀ и у чеховъ,—*'e*; но мягкость сохранена только при l, n, t, d; seno, leto, zpev, pevec, behať, mesiac. Въ долгихъ слогахъ у словаковъ сохранена болѣе ранняя стадія—i̯e (гдѣ i̯—гласный неслоговой): biely, dieťa, hniezdo.

15) Долгое *o* (ō) въ чешско-словацкихъ говорахъ испытало измѣненіе: оно замѣнялось дифтонгическимъ сочетаніемъ u͡o: vuoľa (слов.), kuoň, muoj, tvuoj, svuoj. Въ западной части чехо-моравскихъ говоровъ u͡o пережило дальнѣйшее измѣненіе—въ ū (передается посредствомъ ů): vůle, můj, tvůj, svůj, vůz (изъ vuoz←vōz←*vozъ), kůň, bůh (вм. *bogъ).

16) Въ настоящее время у чеховъ и словаковъ *y* (*ы*) и *i* не различаются: *y→i*. Но это совпаденіе произошло въ позднее время. Въ чешскихъ говорахъ *y* и *i* различались еще въ XV—XVI в.в. Совпаденіе этихъ гласныхъ по всѣмъ говорамъ произошло въ XVII—XVIII в.в.

Отмѣчая явленія, общія чешскимъ и словацкимъ говорамъ, мы видѣли и нѣкоторыя различія между ними: у словаковъ *dz*, у чеховъ *z* вм. *ʻdj*, разнообразіе въ замѣнѣ ę, нѣкоторое несходство въ судьбѣ ě (*ѣ*) въ долгихъ слогахъ, въ измѣненіи *ō*, сильнаго глухого *ъ*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ (кромѣ судьбы *ъ*) чешскій языкъ представляетъ дальнѣйшее измѣненіе тѣхъ явленій, которыя были пережиты имъ вмѣстѣ со словацкимъ. Въ болѣе древнее время и чешскому языку было *dz*, замѣнившееся очень рано согласнымъ *z*; разнообразіе въ отраженіи праславянскаго ę, какъ у чеховъ, такъ и у словаковъ, развилось, по всей вѣроятности, изъ общей чешско-словацкой замѣны ę—изъ *ʻä*; *ie* вм ě (*ѣ*) въ долгихъ слогахъ было извѣстно чешскому языку до XIII—XIV в.; *uo* знаютъ и до сихъ поръ нѣкоторые моравскіе говоры. Что же касается словацкаго *o* вм. *ъ*, то такая замѣна сильнаго глухого *ъ* представляетъ собою, можетъ быть, черту, переходную къ сосѣднему русскому языку. Но вѣроятнѣе, что *e* и *o* вм. *ъ* развились изъ одного общаго чешско-словацкаго гласнаго, замѣнившаго праславянскій глухой сильный *ъ*.

Отмѣтимъ нѣкоторыя другія особенности *чешско-моравскихъ* говоровъ.

1) *r* мягкое и полумягкое (передъ *j*, передъ гласными передняго ряда *i*, ě, *e*, ę, *ь*) замѣнилось мягкимъ r съ шипящимъ шумомъ, который вызванъ треніемъ выдыхаемой струи воздуха о края узкаго отверстія между небомъ и языкомъ и ея разбиваніемъ о край зубовъ. Этотъ шумъ можно сопоставить съ шумомъ ž—š. Такого рода *r* передается у чеховъ посредствомъ ř=r̂ž̂ (р͡ж): moře, tvořiti, pekař, stařec (ʻstarьcь). Такое измѣненіе *r'* въ чешскомъ языкѣ относится къ XIII—XIV в.в.

2) Въ праславянскомъ языкѣ *t*, *d*, *n* передъ гласными *e*, *ь* были *полумягки*. Эта полумягкость сохранялась нѣкоторое время и въ отдѣльной жизни чешскаго языка. Но съ теченіемъ времени произошло отвердѣніе этихъ полумягкихъ согласныхъ: nesete (а не n^{e}set^{e}e; *n^{e}—n полумягкое*); vedete (а не ved^{e}et^{e}e). У словаковъ же наоборотъ, съ теченіемъ времени развивалась полная мягкость этихъ *n*, *t*, *d*: n'eset'e, ved'et'e.

3) Праславянскіе плавные *l* различнаго качества (*ł*, *l*, *l'*) во многихъ чешскихъ говорахъ совпали въ одномъ плавномъ, *среднемъ l*: slava, len (ʻlьnъ), lid-lud (ʻl'ud ← ʻl'udъ ←

*ljudъ). Но въ XV—XVI в.в. различались еще *ł* и *l*. На востокѣ Моравіи и до сихъ поръ находится *ł*, которое замѣняется иногда посредствомъ *u̯*.

4) *r̥*, *l̥* въ чешскомъ языкѣ въ настоящее время только кратки. Но въ XV в. были еще извѣстны и долгіе *r̥̄*, *l̥̄*: on nas nakr̥̄mil (т. е. nakr̥̄mil), aby ho kr̥̄mil—читаемъ въ рукописи Я. Гуса, 1414 г.—Въ словацкомъ языкѣ, хотя и не всѣми его говорами, удержаны и до сихъ поръ *r̥̄*, *l̥̄*.

5) Въ чешскомъ языкѣ *l̥* послѣ зубныхъ согласныхъ (*s*, *z*, *t*, *d*) и *č*, *ž* замѣнилось сочетаніемъ *lu* въ краткихъ слогахъ, и *lú*—въ долгихъ: dluh, dlúhý (откуда dlouhý), tlustý, člun. Но въ нѣкоторыхъ говорахъ Моравіи удержалось и въ этомъ положеніи *l̥*, звучащее, какъ твердое *l̥*. Такъ же обстоитъ дѣло и въ Словачинѣ: tl̥stý, stl̥p, čl̥n—съ твердымъ *l̥*.

6) Долгое *u* (*ú*) въ говорахъ Моравіи и у словаковъ произносится, какъ долгій гласный *u*. Въ говорахъ же области Чехіи (Богеміи) *ū* съ конца XIV в. стало пріобрѣтать широкое произношеніе, измѣняясь въ направленіи къ *au*; въ теченіе XV—XVII в.в. это сочетаніе замѣнилось *ou*: soud (въ чешскихъ говорахъ Моравіи и у словаковъ súd), pletou (изъ pletū вм. *pletǫt—*pletǫtь).

Всѣмъ чехо-моравскимъ говорамъ было извѣстно измѣненіе гласныхъ *a* и *u* послѣ мягкихъ согласныхъ,—измѣненіе по направленію отъ задняго ряда къ переднему: *a* измѣнялось по направленію къ *ä* (широкому, открытому *e*), *u*—къ *ü* (передняго ряда лабіализованному гласному *i*). Дальнѣйшая судьба этихъ гласныхъ была различна въ чехо-моравскихъ говорахъ. Въ этомъ отношеніи можно намѣтить 2 группы говоровъ: 1) *чешскіе* и 2) *моравскіе* (или *ганацкіе* —по названію жителей—*ганаки*). Группа чешская занимаетъ всю Чехію и западную часть Моравіи (пограничные пункты: Дачица, Тельчь, Быстрица, Н. Мѣсто, Ждяръ). Въ этой группѣ говоровъ *ä* (изъ *a* послѣ мягкихъ согласныхъ) передъ мягкими согласными и въ концѣ слова послѣдовательно замѣнено гласнымъ *e*: ulice, duše, čese (вм. čäse←čase), *u* (изъ *ü* послѣ мягкихъ согл.) во всѣхъ случаяхъ замѣнено гласнымъ *i*: lid (изъ l'üd←l'ud), klič, břicho, znají (изъ znajü←znajū ←znajǫ *znajǫt *znajǫtь).

Въ другой группѣ говоровъ, распространенной въ большей части Моравіи,—въ группѣ говоровъ моравскихъ или

ганацкихъ, переходъ *á* въ *e* проведенъ не послѣдовательно; вм. *ä* возстановлено прежнее *a* въ концѣ слова и очень часто въ срединѣ слова. Также вм. *ï* возстановлено *u*; *i* вм. *u* наблюдается рѣдко.

На сѣверо-востокѣ, востокѣ и юго-востокѣ чехи граничатъ съ двумя западно-славянскими народами: поляками и словаками; послѣдніе въ особенности близки къ чехамъ въ этнографическомъ отношеніи. Въ пограничныхъ областяхъ развились смѣшанные, переходные говоры, чешско-польскіе и чешско-словацкіе (моравско-словацкіе). Въ области чешскаго языка можно указать группу говоровъ, которая на-ряду съ главными особенностями чешскаго языка имѣетъ и черты, свойственныя польскому языку. Это группа *ляшская*, занимающая сѣверо-восточный уголъ Моравіи и часть Силезіи. Отмѣтимъ явленія этихъ говоровъ, общія съ польскимъ языкомъ:

1) Ударѐніе на предпослѣднемъ слогѣ;

2) количество (долгота и краткось) гласныхъ не различается;

3) въ нѣкоторыхъ случаяхъ *o* вм. *a* (гдѣ въ другихъ чешскихъ говорахъ *á*): *trova* (вм. *tráva*);

4) употребленіе l и ł.

На востокѣ и юго-востокѣ чехо-моравской территоріи находится полоса такихъ чешскихъ говоровъ, которые наряду съ общечешскими языковыми явленіями представляютъ много чертъ, свойственныхъ сосѣднимъ говорамъ словацкимъ. Это группа говоровъ *валашскихъ* (по верхнему теченію р. Бечвы, съ центральнымъ городомъ Всетиномъ) и *дольскихъ* (отъ Густопечи къ Напоѣдламъ, къ Злину). Здѣсь слышатся слоговые *r* и *l* долгіе и краткіе, *a*, и *ia* вм. *ę*, *ie* (а не *i*) вм. *ě* въ долгихъ слогахъ и нѣк. др.

Указывая явленія, общія всей чешско-словацкой языковой группѣ, а затѣмъ характерныя только для чехо-моравской группы, мы отмѣтили и рядъ чертъ словацкихъ говоровъ: dz (d͡j), e (*ь), e, o (*ъ), ä, a, ia (*ę), e, ie (*ě), r̥, l̥, r̥̄, l̥̄, мягкость n, d, t передъ e, uo вм. ō, замѣна *y* гласнымъ i. Укажемъ далѣе и нѣкоторыя другія явленія словацкихъ говоровъ.

r мягкое у словаковъ отвердѣло: caru, mora, pekar.

Послѣ мягкихъ согласныхъ въ долгихъ слогахъ вм. ā и ā находится ia: žiar (жаръ), čiara, dušiam, pamiatka, sedliak (вм. чеш. sedlák).

Въ формѣ имен. пад. множ. ч. м. р. имена одушевленныя часто имѣютъ окончанія ia (изъ iä ← ie ← ię) въ конечномъ открытомъ слогѣ: bratia, ľudia, synovia, chlapovia, pánovia, svatovia.

На сѣверѣ и востокѣ словацкой территоріи находятся говоры переходные, имѣющіе нѣкоторыя изъ чертъ сосѣднихъ славянскихъ языковъ—польскаго и русскаго (малорусскаго): мягкость согласныхъ (*s*, *z*) передъ *e*, измѣненіе *d'* въ *dz*, *t'* въ *c* (см. ниже о польскомъ языкѣ), отсутствіе различія краткихъ и долгихъ гласныхъ, вм. ě иногда *i* (*vira*, *hrich*) и нѣкот. др.

Литературный языкъ. Графика.

Въ основѣ *литературнаго чешскаго языка* лежитъ нарѣчіе западной области чешскаго народа,—сѣверо-западной части Чехіи (Богеміи). Ранняя культурная жизнь чешскаго народа сосредоточивалась среди племени *чеховъ*, сидѣвшихъ по рѣкѣ Влтавѣ и имѣвшихъ центромъ Прагу. Съ теченіемъ времени имя *чеховъ* распространилось и на другія племена этого народа (зличанъ, седличанъ, дудлебовъ и др.). Языкъ чешскаго племени и былъ положенъ въ основу раннихъ чешскихъ письменныхъ памятниковъ. Многіе изъ чешскихъ писателей прежняго періода происходили изъ областей Чехіи и утверждали свое нарѣчіе, въ качествѣ языка литературнаго, общаго и для другихъ областей. Этотъ литературный языкъ съ теченіемъ времени подвергался тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и лежавшій въ его основаніи языкъ народный сѣверо-западной области Чехіи. Но, какъ и во всякомъ другомъ литературномъ языкѣ, не всѣ явленія народныхъ говоровъ находили себѣ отраженіе въ языкѣ чешской письменности, литературы, образованныхъ классовъ.

Современный *литературный словацкій языкъ* основывается на срединныхъ словацкихъ говорахъ. Но долгое время словаковъ въ качествѣ литературнаго языка пользовался языкъ чешскій. Только въ 17—18 в.в. проявляются попытки введенія въ книжную рѣчь живыхъ словацкихъ говоровъ. Эти попытки крѣпнутъ въ концѣ 18-го и въ 19-мъ в.в. Сна-

чала въ основу языка словацкой письменности были положены говоры западные; такъ это было сдѣлано въ концѣ 18-го в. и въ нач. 19-го в. ученымъ писателемъ Антониномъ Бернолакомъ и поэтомъ Яномъ Голымъ. Но съ половины 19-го столѣтія словацкій литературный языкъ былъ сближенъ съ говорами срединными. Это было результатомъ дѣятельности Л. Штура, І. Гурбона и М. Годжи.

Азбукой у чеховъ и словаковъ издавна служитъ латинская абецеда. Для передачи славянскихъ и чешскихъ звуковъ сдѣланы въ ней нѣкоторыя измѣненія и нововведенія. Именно, для передачи *ч* служитъ č, *ж*—ž, *ш*—š, *р͡ж* — ř; мягкое *n* передается посредствомъ ň, мягкіе *t* и *d*—*t'*, *d'*; употребляется знакъ ě; когда онъ находится послѣ *t*, *d*, *n*, то онъ выражаетъ *e* съ мягкостью предшествующаго согласнаго: dělati=d'elati, něha=n'eha, tělo=t'elo; но послѣ губныхъ согласныхъ (*v*, *m*, *p*, *b*) ě выражаетъ *je* или *ję* pěna=pięna (послѣ *p* передъ *e* слабый, переходный звукъ, близкій къ *j* или *ı*. См. объ этомъ указанную ниже работу Фринты). Согласный длительный, замѣнившій взрывной *g*, передается буквой *h*; *ch*=*x*. Знаки для долгихъ гласныхъ имѣютъ надписные /: á, é, í, ý, ú; ū изъ uo ← ō передается, какъ ů; l, r между согласными выражаютъ l̥, r̥.

Въ азбукѣ словаковъ слѣдующія отличія: ľ передаетъ l мягкое; l', ŕ—плавные слоговые *долгіе; uo* изъ ō передается посредствомъ ô; ä—широкій, открытый гласный *e*, съ переходомъ къ *a*; ě отсутствуетъ.

Введеніе надписныхъ (діакритическихъ) знаковъ въ латинскую графику для передачи чешско-славянскихъ звуковъ было сдѣлано знаменитымъ Яномъ Гусомъ (см. его латинскій трактатъ 1411 г. (Orthographia bohemica).

Опредѣленнаго принципа *въ правописаніи* у чеховъ и словаковъ не проведено; преимущественно же оно этимологическое.

Пособія. J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého I. 1894, III, 1, 1896; 2, 1898 (2 изд. III, 1, 1908). Praha. Къ груду Гебауера см. дополненія (критическія статьи) Ягича, въ XVI г. Archiv'a für slav. Philologie, стр 505—528, и Шахматова, въ Сборникѣ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. 66, приложенія, I, стр. 17—105

Его-же. Příruční mluvnice jazyka českého pro učitele a studium soukromé. Vydání druhé, opravené. Praha 1904.

Т. Флоринскій. Лекціи по славянскому языкознанію ч. II. Кіевъ. 1897. (См. критич. замѣчанія Вондрака и Ягича, въ XX т. Archiv'a fur slav Philologie, стр 343—367, и Р. Брандта, въ Сборникѣ Отд рус. яз и слов. И. Ак. Н, т 66, приложенія, III, стр. 201—257).
W Vondrák. Op. cit I, II.
Fr Miklosich. Op. cit I—IV.
Р. Брандтъ. Краткая фонетика и морфологія чешскаго языка. М 1900
А. Сиротининъ. Какъ научиться по-чешски? Варшава 1910.
A Frinta Novočeská výslovnost. Praha 1909
О. Брокъ. Op. cit.
Fr Pastrnek Beitrage zur Lautlehre der slovakischen Sprache in Ungarn. (Sitzungsberichte der Philos.-hist. Classe der Kais. Ak der Wissen. (Wien) B. 115, стр. 203—352).
Его-же. Jazyk československý. (Listy filologické. R. 25, № 1—2).
Его-же. O slovenském jazyce a jeho nářečech. Въ сборн. „Slovenská čitanka"—(*s. a.*).
V. Jagić Einige Streitfrage. Vervandtschaftsverhaltnisse innerhalb der slavischen Sprachen (Archiv fur sl. Phil. B. XX).
Pravidla českého pravopisu s abecedním seznamem slov a tvarů. Praha 1913.
Словари: Fr. Kott Cesko-německý slovník zvlaště grammatickofraseologický. 1878—1887. VI—VII (Dodatky). 1890—1893. I—III. Příspěvky. 1896—1906. Praha.
J. Rank Nový slovník kapesní jazyka českého a německého D. I, česko-něm. Praha. 1887 (5-е изд.).
Его-же. Русско-чешскій словарь. Прага. 1874.
Его-же. Чешско-русскій словарь. Прага. 1902.
L A. Mičátek. Карманный русско-словенскій словарь Turčiansky Sv Martin 1892
Его-же Дифференціальный словенско-(словацко)-русскій словарь. Турчанскій Св. Мартинъ. 1900.

2. Сербо-лужицкій языкъ.

По верхнему теченію Спревы (Шпрее), въ предѣлахъ саксонской и прусской Лузаціи (Lausitz, Верхней Лужицы и Нижней Лужицы—Hornja a Delnja Lužica) живетъ небольшой славянскій народецъ—лужицкіе сербы (ок. 156.000 человѣкъ). Лужичане — незначительный въ количественномъ отношеніи остатокъ одной изъ вѣтвей той части западнаго славянства, которая занимала нѣкогда обширныя области между Одрой, Салой, Лабой (Эльбой), Чешскимъ Лѣсомъ

(Шумавой) и сосѣдила на югѣ съ славянами чешскими, на востокѣ съ польскими, а на западѣ съ племенемъ германскимъ. Печальная участь постигла полабскихъ славянъ. Въ теченіе всей своей исторической жизни имъ пришлось вести тяжелую борьбу за свое національное существованіе, — борьбу съ возставшимъ на нихъ нѣмецкимъ государствомъ, римской церковью, а затѣмъ и съ нѣмецкой реформаціей. Лишенные прочной политической организаціи, ослабляемые внутренними неурядицами, эти славяне не могли устоять противъ натиска германизма, были побѣждены и растворились въ бурномъ морѣ нѣмецкой народности. Лишь небольшое количество сербовъ-лужичанъ среди огромнаго славянскаго полабскаго кладбища сохранило свою національную самобытность. Въ настоящее время часть лужицкихъ сербовъ (верхніе) живетъ въ королевствѣ Саксонскомъ, гдѣ ихъ главнымъ центромъ является городъ Будышинъ (нѣм. Bautzen); остальные лужичане (часть верхнихъ и всѣ нижніе) находятся въ Пруссіи; ихъ главный городъ тамъ—Хотѣбузъ (нѣм. Kottbus). Какъ на пограничные пункты лужицкой территоріи можно указать на Згорѣлецъ (нѣм. Görlitz)—Каменцъ на югѣ, Каменцъ—Лубневъ на западѣ, Лубневъ—Жаровъ (нѣм. Sorau) на сѣверѣ, Жаровъ-Згорѣлецъ—на востокѣ. Окруженные со всѣхъ сторонъ нѣмцами, лужичане совершенно изолированы отъ другихъ славянскихъ народовъ. Въ политическомъ отношеніи лужицкіе сербы не представляютъ единства: они принадлежатъ двумъ государствамъ—Саксоніи и Пруссіи; не составляютъ они единства и въ отношеніи языка, представляя въ своемъ языкѣ два довольно рѣзко отличающіяся нарѣчія: *верхне-лужицкое* и *нижне-лужицкое*. Но эти нарѣчія имѣютъ рядъ такихъ явленій, которыя объединяютъ ихъ въ одну группу—*лужицкую*. Нѣкоторыя изъ этихъ явленій свидѣтельствуютъ о нѣкогда бывшихъ *общелужицкихъ* языковыхъ переживаніяхъ, измѣненіяхъ,—объ *общелужицкомъ языковомъ единствѣ*. Всѣмъ лужицкимъ говорамъ извѣстны слѣдующія явленія.

1) Раннія праславянскія сочетанія tj (изъ tį) и *dj* (изъ dį) замѣнены посредствомъ *c* и *z*: swĕca, chcu—chceš... (верхнелуж.), mjeza (или mjaza у ниж. лужичанъ); góspoza (или hóspoza), klaza, nuza.

2) Раннія праславянскія группы—губ. согл.+*j* (изъ į)+гласный въ начальныхъ слогахъ развили *l'* вм. *j* (į); не въ начальныхъ *l* epentheticum лужицкіе говоры не знаютъ: zemja

3) Праславянскія сочетанія *tl*, *dl* въ языкѣ лужичанъ удержаны: pletl, pletla, в.-л. kr'idło, pr'adła (пряла).

4) Группы *kv*, *gv* передъ ě (*ъ*—изъ oi) не измѣнены въ лужицкомъ языкѣ: kwět, gwězda (hwězda).

5) Вмѣсто ś изъ *ch* передъ ě (*ъ*) и *i* (изъ oi) и въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣ *ь*, *i* у лужичанъ, какъ и у другихъ западныхъ славянъ, слышится š. верхне-л. muše, wšo, wšědny, w měše (мѣст. пад. отъ měch—мѣшокъ).

6) Гласные въ количественномъ отношеніи въ лужицкомъ языкѣ не различаются.

7) Мѣсто ударенія постоянное: на первомъ слогѣ слова.

8) Носовые гласные лужицкими говорами утрачены: вм. ǫ слышится *u*: dub, ruka, muž.

9) Утрачены также и редуцированные, глухіе гласные *ъ*. *ь*; сильный *ь* во всѣхъ говорахъ замѣненъ гласнымъ *e*, смягчающимъ предшествующій согласный: d'en' (у верхнихъ луж, dźeń, у нижнихъ—źeń). Сильный *ъ* имѣетъ не одинаковую замѣну: въ верхне-луж. нарѣчіи—*o*, *e*, въ нижнелуж.—*e* (безъ мягкости предшеств. согласнаго).

10) Вмѣсто праславянскаго ě (*ѣ*) въ лужицкцхъ говорахъ находятся ię—i^{e} (передается въ графикѣ посредствомъ ě) въ ударенныхъ слогахъ и *e* (съ мягкостью предшеств. согласнаго) въ неударенныхъ: blědy, rěka, město, wěra, koleno, njedźela (верхне-луж.) Что касается произношенія лужицкаго ě, то главный элементъ въ немъ *i*, но съ переходомъ къ *e*. Представляетъ ли лужицкое ě дифтонгическое сочетаніе ię, трудно сказать. Знатокъ лужицкихъ говоровъ Эрнстъ Мука прямо заявляетъ, что ě у лужичанъ „kein Diphtong, sondern ein einfacher Vocal"; „надо начать произносить закрытое *i* и присоединить къ нему краткое открытое *e**). Такого же характера опредѣленія этого ě сдѣланы и пасторомъ Г. Швелой **).

*) Historische und vergleichende Laut-und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Стр 20.—Не слышалъ дифтонг. сочетанія въ лужицкомъ ě и С. М. Кульбакинъ (см его „Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка". СПб. 1903).

**) Пасторъ Г. Швела (Schwela) въ своей грамматикѣ нижне-луж. нарѣчія такъ опредѣляетъ звуковой характеръ н.-луж. ě „ě liegt zwischen i und e; man spreche zuerst i—e getrennt, doch so, dass, beide Laute gleich stark klingen, dann ziehe man diesen Doppellaut zusammen, bis ein einziger Laut entsteht; nět—(spr. nicht ni—et, auch nicht ni—et, sondern ni—et). Стр. 2.

О верхне-лужицкомъ ě Швела замѣчаетъ: „ě=i—e (e mit einem i—Vorschlag, měr (mi-er)" (Грам. верхне-луж. яз. стр. 7).

11) Вмѣсто раннихъ праславянскихъ *tort, tolt* лужицкій языкъ знаетъ *trot, tłot*: groch (или hroch), zagroda (или zahroda), strona, błoto (или błóto), głowa (или hłowa).

Что же касается начальныхъ *or, ol* передъ согласными, т. е. *ort olt*, то у лужичанъ эти группы замѣняются или *ra*+согл., *ła*+согл., или же *ro*+согл., *ło*+согл.: radło, rataj (или ratar'), łačny (верхн.-луж.; въ нижн.-луж. łacny); robota, rosć, rovny, rozga, łohć (верх.-л., łokś—нижн.-л.;—рус. *локоть*), łoni. Что касается праславянскихъ группъ *tert, telt*, то въ лужицкомъ языкѣ было пережито явленіе, аналогичное съ измѣненіями *tort, tolt*: перестановка безъ перехода *e* въ ě (*ѣ*); то разнообразіе гласныхъ въ этихъ группахъ, которое наблюдается въ современныхъ лужицкихъ говорахъ, возникло позднѣе изъ болѣе ранняго *e* при извѣстныхъ условіяхъ: *o, a*, ě, *ë* (широкое, открытое *e*, какъ нѣмецкое *e* въ словахъ „besser, wenn", или франц. *e* ouvert: „mène, lièvre").— žr'ebica (нижн.-луж.), br'og—нижн.-луж., žlob (желобъ).

12) Гласный *e*, находясь передъ твердымъ согласнымъ или въ концѣ слова, замѣняется гласнымъ *o*: žona, mor'o (пишется—morjo), poljo.

13) Мягкій плавный *r* (*r'*) послѣ согласныхъ *k, p, t* замѣняется согласнымъ š (въ нижне-луж.—ś): kšemjeń и kr'emeń).

14) При произношеніи мягкихъ *t* и *d* развивался мягкій согласный длительный *s* при *t', z'* при *d'*, т. е. *t'*→*t͡s'* (передается посредствомъ ć), *d'*→*d͡z'* (передается dź): верхне-л.: swjećene budź twoje mjeno (имя).

My črjódka smy, zbytk z bojow drobny.—W boju
jow stać a trać za krew' a brózdu swoju,
to, Serbja, česć, kiž za hwězdami přima [pšima].

(Jakub Ćišinski).

15) Сочетанія — согласный мягкій губной + гласный,—а также мягкій *n*+гласный—замѣнились сочетаніями—губ. согл. или *n*+*j*+гласный—: mjera, na dubje, Serbja, wjesele.

16) Распространено произношеніе плавнаго *l*, какъ неслогового *u* (ц): daц, poцpy.

17) Если *v* слѣдуетъ за гласнымъ, то оно звучитъ, какъ ц, и вмѣстѣ съ послѣднимъ представляетъ дифтонгическое сочетаніе: daцno, kiцnuć (н.—л. kiцnuś), сецka.

18) Въ лужицкомъ языкѣ сохранены формы двойственнаго числа. Въ склоненіи наиболѣе полно представлены формы им.-зв.-винит. пад.: *a* или *aj, ej* (муж. р. основъ на—*o*), *je, ı* (ср. р. основъ на—*o* и жен. р. основъ на—*a*); формы дат.-тв. (и для мѣст)—*oma* или *omaj* (муж. и ср. р. основъ на—*o* и жен. р. основъ на—*a*). Верхне-л.: z nohomaj khodzimy; za dwaj měsacaj přindu zaso.

Формы двойственнаго числа наст. времени: 1 л.—*moj* въ в.-л., *mej* въ н.-л.; 2 и 3 л.л. *taj* (муж. р.), *tej* (жен. и ср. р.) въ в.-л., *tej* въ н.-л.. Верхне-л.: Muž a žona njestaj doma.

Нѣкоторыя изъ указанныхъ общеслужицкихъ языковыхъ явленій находятся и въ чешско-словацкой группѣ: 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, ǫ→u. Одни изъ этихъ явленій восходятъ къ весьма отдаленному времени,—къ эпохѣ праславянской или ко времени, ближайшему къ этой эпохѣ, когда всѣ западные славяне составляли одну языковую группу, переживая одинаковыя языковыя измѣненія; это—1, 2, 3, 5: тѣ же явленія извѣстны и польско-кашубской группѣ.

Но явленія 7, 9, ǫ→u сближаютъ лужицкій языкъ съ чешскимъ. Эти общія черты языка чеховъ и лужичанъ будутъ понятны, если принять во вниманіе, что поселенія лужичанъ въ прежнее время находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ чешскими; нѣкоторыя изъ возникавшихъ языковыхъ измѣненій распространялись по всей языковой территоріи чеховъ и лужичанъ. При этомъ, общихъ языковыхъ явленій съ чехами было больше у тѣхъ лужичанъ, которые сидѣли ближе къ области чеховъ: именно, у предковъ нынѣшнихъ верхнихъ лужичанъ. Въ говорѣ послѣднихъ находятся и другія особенности, общія съ чешскимъ языкомъ.

Кромѣ общихъ чертъ лужицкіе говоры представляютъ и рядъ діалектическихъ явленій, свойственныхъ той или иной группѣ. Всѣ лужицкіе говоры объединяются въ 2 нарѣчія: *верхне-лужицкое* и *нижне-лужицкое.*

Верхне-лужицкое нарѣчіе характеризуется слѣдующими чертами:

1) Взрывной задне-небный *g* замѣненъ длительнымъ *h*: *hród, hora* (ср. то же явленіе въ чешскомъ языкѣ).

2) Вмѣсто сильнаго праславянскаго *ъ* слышится *o* передъ твердыми согласными и *e* передъ мягкими: son, moch, krew-krej (ср. замѣну *ъ* въ словацкихъ говорахъ).

3) ˙ę у верхнихъ лужичанъ замѣненъ гласнымъ *a* передъ твердымъ согласнымъ и гласнымъ *e* передъ мягкимъ: jazyk, swjaty, hŗjada, pjata, kózlatko, dźewjeć. (Ср. аналогичную замѣну ˙ę въ чешскомъ яз.).

4) Праславянскія сочетанія глухихъ *ъ*, *ь* съ плавными между согласными имѣли слѣдующую судьбу въ лужицкихъ говорахъ: ˙*trъt*, ˙*trьt*, ˙*tlъt*, ˙*tlьt* удержали гласный элементъ за плавными *r* или *l* въ тѣхъ случаяхъ, когда далѣе слѣдовалъ слогъ съ *ъ* и *ь*; этотъ гласный элементъ представляетъ собою обычную замѣну сильныхъ *ъ* и *ь*: вм. ˙krъtъ у верхнихъ луж. knot (вм. krot), у нижнихъ kšet (kšet); вм. ˙plъtь у верх. луж. pleć, у нижнихъ—pleś. Когда же за *ъ*, *ь* слѣдовалъ слогъ съ гласнымъ полнаго образованія, то они утрачивались, какъ всякіе слабые *ъ*, *ь*: ниж.-луж. pcha (в.-л. tkha) вм. bl̥ъcha.

Измѣненія же праславянскихъ *tъrt*, *tьrt*, *tъlt*, *tьlt* были не одинаковы въ верхне-лужицкомъ нарѣчіи по сравненію съ нижне-лужицкимъ. Въ верхне-лужицкомъ *tъrt* замѣнено посредствомъ *tort:* horstka; ˙*tьrt* → *ter't*, откуда и *tert* (съ отвердѣніемъ *r*): wjer'ba, wjer'ch; но послѣ č, ž, s (и m) *or*. čorny, sorna (sьrna), morwy (мертвый).

Вм. *tъlt* у верхнихъ лужичанъ *tołt*: połk; вм. *tьlt*- *tełt*: wjelk, mjelčeć. Но послѣ зубныхъ согласныхъ и č, ž—с (то, что и вм. *ъl*): tołsty, dołhi, čołm (˙čьlnъ, у луж. ˙čъłn → čołn), žołt.

5) *o* подъ удареніемъ въ закрытомъ слогѣ передъ *j* и передъ твердыми зубными и плавными переходило въ *o*, т. е. въ гласный, близкій къ *u*, но со переходнымъ элементомъ къ *o*: *uº*: hród, hłós; Bóh je z nami, wjedźe nas.

6) Начальный согласный *ch* замѣненъ *kh* (*k* съ нѣкоторымъ придыхательнымъ элементомъ): wšědny khlěb daj nam dźens. Serb w kamjenjach mohł stać a khodźić w rudźe. (Jakub Čišinski).

Нижне-лужицкое нарѣчіе пережило слѣдующія измѣненія.

1) Вмѣсто сильнаго праславянскаго *ъ* у нижнихъ лужичанъ *e* (безъ мягкости согласнаго): *sen*.

2) ˙ę замѣнилось посредствомъ *ieˇ*—ię (ě) подъ удареніемъ, и гласнымъ *e* внѣ ударенія: jězyk, swěty. kózletko.

3) ˙*tъrt* замѣнено сочетаніемъ *tart*; при этомъ, предшествовавшіе задненебные согласные развили мягкость: g'arb (˙gъrbъ), g'arść (gъrstь).

tъrt → *tert, tjert* (*tërt, tjërt*): serp, wjerch, zerno; послѣ согласныхъ губныхъ и č, ž, а также передъ твердыми зубными вм. *tъrt* у нижнихъ луж. *ar*: twardy, carny, sarna.

tъlt → *tołt:* połk, gołk.

tьlt → *telt*: wjelk, pjelniś. Послѣ же зубныхъ согласныхъ не *el*, а *łu*: tłusty, dług; послѣ č (c), ž находится *oł*: cołn, žołty.

Измѣненіями въ области праславянскихъ *tъrt, tьrt, tъlt, tьlt* нижне-лужицкое нарѣчіе сближается съ польскимъ (см. ниже о польскомъ языкѣ).

4) Вмѣсто č у нижнихъ лужичанъ *c*: cołn, wjacor.

5) *e* передъ *отвердѣвшими* согласными *s, z, c*, š, ž замѣнено гласнымъ *a*: mjaza, wjacor.

6) Процессъ измѣненія мягкихъ *t* (*t'*) и *d* (*d'*) въ нижнелужицкихъ говорахъ пошелъ дальше, чѣмъ у верхнихъ лужичанъ: вм. *t'* въ ниж.-л. ś (изъ t' → t͡s' → t͡š (ć) → t'š → ś), вм. *d'*—ź: sichy, zıki, źins (dьnьsь): naš wšedny klěb daj nam źins.

7) *r* послѣ *k, p, t* замѣнено согласнымъ š: kšaj (kraj), hutšoba (утроба).

8) *o* подъ удареніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (послѣ губныхъ и задненебныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ передъ *j*, зубными и плавными) измѣняется въ *ó*, т. е. *uo*: góra, kóza.

Wěš, źo)mój kraj *)mam wóścojski?
Źož Sprewja z towzynt *) rukami
se źiwno z razom zbłuźijo
a pón zas swój puś póznajo.
(Mato Kósyk).

Литературный языкъ. Графика.

Печально было прошлое лужицкихъ сербовъ; тяжело ихъ и современное положеніе, въ особенности лужичанъ, живущихъ въ предѣлахъ Пруссіи (всѣхъ нижнихъ лужичанъ и части верхнихъ). Здѣсь за лужицкимъ языкомъ не признается никакихъ правъ ни въ церкви, ни въ школѣ, ни въ общественной жизни. Литературная дѣятельность у нижнихъ

) I дѣ.

*) Чит. kšaj

**) Отъ нѣм. tausend.

лужичанъ сводится преимущественно къ изданію небольшого количества книжекъ для народа. Лишь изрѣдка появляются на нижне-лужицкомъ нарѣчіи произведенія поэтическія и научныя. Въ основу языка письменности нижнихъ лужичанъ кладется говоръ Хотѣбуза.

Нѣсколько благопріятнѣе условія культурно-національной жизни у верхнихъ лужичанъ Саксоніи. Здѣсь верхне-лужицкій языкъ (нарѣчіе) находитъ иногда доступъ въ церковь и въ школу; здѣсь издаются не только календари и книжки для простого народа, но и сочиненія поэтическія и научныя; существуетъ и нѣсколько періодическихъ изданій. Въ основѣ литературнаго языка верхнихъ лужичанъ лежитъ говоръ будышинскій.

Графика у лужичанъ двоякая: латинка и швабахъ. Болѣе распространена латинка. Въ ней сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и дополненія для передачи сербо-лужицкихъ звуковъ. Въ латинской графикѣ верхнихъ лужичанъ отмѣтимъ слѣдующіе знаки: č — *ч*, š—*ш*, ž—*ж*, ě (для передачи замѣны *ě—*ѣ*), ó (*и*°), w (а не v), ł (*л* твердое, часто произносится, какъ ц), ć (t͡ś), dź (d͡ź), ř (—послѣ k, p, t—произносится, какъ š); мягкость согласныхъ передается посредствомъ надписного знака ' надъ буквами согласныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія находятся въ закрытомъ слогѣ: dłoń, hońtwa; мягкость согласныхъ передъ гласными обозначается посредствомъ j послѣ согласнаго—ſararja; длительный согласный, замѣнившій взрывной g, передается, какъ и у чеховъ, буквой h. У нижнихъ лужичанъ употребляются еще знаки ś (часто вмѣсто верхне-лужицкаго ć), ź (вм. верх.-луж. dź); употребляются и h въ начальномъ слогѣ передъ гласными задняго ряда (hoko). Мягкость согласныхъ передается, какъ и у верхнихъ лужичанъ; лишь знакъ ' употребляется и въ такихъ случаяхъ: надъ знаками мягкихъ согласныхъ передъ e (ńebjo) и надъ r и n передъ a, o, u (ńok, ŕac); ř отсутствуетъ: послѣ k, p, t вм. верхне-лужицкаго ř (š) у нижнихъ лужичанъ ś (śijaśel); знакомъ для звонкаго взрывного задне-небнаго служитъ g.

Правописаніе, какъ отчасти и графика, еще не установлено. По характеру оно этимологическо-фонетическое.

Пособія. K. Ernst Mucke. Historische und vergleichende Laut-und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache Leipzig. 1891 —Трудъ д-ра Муки содержитъ богатыя данныя для характеристики нижне-лужицкихъ говоровъ Эти данныя поставлены въ связь съ явленіями верхне-лужицкаго нарѣчія и старо-славянскаго (древне-церк.-славянскаго) языка

G. Schwela. Lehrbuch der Niederwendischen Sprache I. Grammatik. Heidelberg 1906.—Практическая грамматика, занятая, главнымъ образомъ, изложеніемъ формъ нижне-лужицкаго нарѣчія —II Übungsbuch Cottbus. 1911. (Selbstverlag). Къ „упражненіямъ" приложенъ словарь.

Его-же Kurzes Lehrbuch der Oberwendischen Sprache. Bautzen 1913 (Selbstverlag) —Коротенькая практическая грамматика верхне-лужицкаго нарѣчія.

C. T. Pfuhl Laut-und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache. Bautzen. 1867.

G. Kral. Grammatik der wendischen Sprache in der Oberlausitz Bautzen. 1895.

Ad Černý. Lužice a lužičtí Srbové. Praha (s. a)—Въ главѣ IV этой книги о лужичанахъ сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія о языкѣ лужицкаго народа и о лужицкомъ правописаніи (стр. 104—120). Тотъ же ученый обѣщаетъ издать (pro Čechy) грамматику и словарь верхне-лужицкаго нарѣчія.

Т Флоринскій. op. cit. II.

W. Vondrák. op. cit. I. II.

Fr. Miklosich. Op. cit.

Словари. Pfuhl Lužiski serbski słownik Budissin 1866

Для верхне-лужицкаго нарѣчія приготовляетъ обширный словарь Э. Мука. Старый словарь J G Zwahr'a—Niederlausitz-wendisch-deutsches Handwörterbuch — (Spremberg 1847) мало удовлетворителенъ.

3. Польскій и кашубскій языки.

Славяне *польскіе*, извѣстные издавна у нѣкоторыхъ славянъ и подъ названіемъ *ляховъ* (или *леховъ*), въ настоящее время занимаютъ области въ бассейнѣ Вислы и отчасти Одры (Одера), главнымъ образомъ, ея притока Варты съ Нотецей. Трудно отмѣтить точныя границы польскихъ поселеній въ указанныхъ областяхъ, въ особенности на востокѣ и югѣ. На юго-западѣ и югѣ поляки сосѣдятъ съ чехами и

словаками, на юго-востокѣ и на востокѣ—съ славянами русскими (малоруссами и бѣлоруссами). Въ этихъ пограничныхъ мѣстностяхъ нерѣдки смѣшанныя поселенія, а затѣмъ здѣсь, въ особенности на югѣ и юго-западѣ находятся говоры переходные отъ одного языка къ другому, представляющіе особенности того и другого языка (говоры польско-словацкіе, польско-чешскіе).—Начинаясь на югѣ у Яблункова (у горы Сулова), пограничная линія тянется въ сѣверо-западномъ направленіи къ Нотецѣ, къ Уйсцу. По Нотецѣ она идетъ къ низовьямъ Вислы и далѣе на сѣверо-востокъ къ Сувалкамъ Отъ Сувалокъ она спускается къ югу, къ Сану, доходя до Санока.

Въ политическомъ отношеніи поляки входятъ въ составъ 3 государствъ: Россіи, Пруссіи и Австріи. Въ Россіи поляки занимаютъ губерніи Царства Польскаго и часть Гродненской губерніи; въ Пруссіи—Познанское герцогство, часть Восточной Пруссіи (съ городами Грудцомъ и Недборгомъ), южную часть Западной Пруссіи (Вармію) и восточную часть Силезіи до р. Ниссы; въ Австріи—восточную часть Силезіи (такъ наз. Тѣшинское княжество) и западную часть Галиціи.

По отношенію къ внутренней дифференціаціи польскаго народа выдѣляютъ обычно слѣдующія 3 главныя этнографическія разновидности: *великопольскую*, *малопольскую* и *мазовецкую*. Великополяне, входившіе въ составъ прежняго Великопольскаго княжества, занимаютъ области нынѣшней Познани, Пруссіи и сѣверо-западной части Царства Польскаго,—въ Калишской и Плоцкой губерніяхъ,—и часть Силезіи. Малополяне, жители прежней Малой Польши, занимаютъ южную половину Царства Польскаго и западную часть Галиціи. Поляки мазовецкіе — мазуры — живутъ въ сѣверо-восточныхъ областяхъ польской территоріи, въ южной части восточной Пруссіи, въ Мозовшьѣ (въ Сувалкской, Ломжинской, Плоцкой, Варшавской и Сѣдлецкой губерніяхъ) и въ Подлясьѣ (въ восточной части губерній Сѣдлецкой и Ломжинской).—Что касается языка этихъ этнографическихъ группъ польскаго народа, то въ каждой изъ нихъ можно отмѣтить рядъ особенностей, развившихся въ различныя эпохи жизни этихъ группъ. Но на-ряду съ діалектическими явленіями всѣ польскіе говоры представляютъ и общія черты, объединяющія ихъ въ одну языковую группу—*польскую*, пережившую въ теченіе своей жизни рядъ общихъ явленій.

Всѣмъ польскимъ говорамъ извѣстны слѣдующія явленія:

1) Праславянскія сочетанія *tl, dl* сохранены неизмѣнно: wiódł, płótł, gardło (ˈgъrdło), modlitwa, modlić.

2) Раннія праславянскія сочетанія—губной согласный +*j* (изъ i̯)+гласный—въ начальныхъ слогахъ развили *l'* вм. *j*: pluć, plunǫć, bluda (блюдо; ср. готское biuds). То же *l'* извѣстно и всѣмъ другимъ славянскимъ языкамъ. Но не въ начальныхъ слогахъ въ указанномъ сочетаніи *l'* не возникало: z'em'a, l'ub'ę (люблю).

Отсутствуетъ l epentheticum не въ начальныхъ слогахъ и въ языкахъ чешско-словацкомъ и лужицкомъ и вообще во всей западно-славянской группѣ.

3) Раннія праславянскія группы ku̯, gu̯ замѣнились сочетаніями *kv, gv* и передъ ě (*ѣ*—изъ oi̯) задненебные согласные не испытывали того измѣненія, какое знаютъ языки восточно-славянской и южно-славянской группы: gwězda) (рус *звѣзда*), kwět (рус. *цвѣтъ*).

4) Раннія праславянскія *dj* (изъ di̯), *tj* (изъ ti̯) измѣнялись по тому же направленію, какъ и въ чешско-словацкомъ и лужицкомъ языкахъ: вм. *ˈdj—dz*, вм. *ˈtj* и *ˈkt'—c*: nędza (рус. *нужа—нужда*), pr'ędza (*пряжа*)), s'wěca, wracać (*ворочать*), пос.

5) Вмѣсто праславянскаго палатальнаго ś изъ *ch* передъ e (изъ oi̯), а также послѣ *i, e*, ę у поляковъ слышится š: miše (дат. и мѣст. пад.), we Włošech (им. ед. włoch), šady (*a*—польская замѣна *ѣ* передъ твердыми зубными), wšak, wšeliki, wšędy.

6) Польскимъ языкомъ удержаны носовые гласные. Въ литературномъ языкѣ и нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ извѣстны носовые *o* и *e* (ǫ и ę). Но соотвѣтствіе польскихъ носовыхъ гласныхъ праславянскимъ не полное: въ польскомъ языкѣ ę является не только на мѣстѣ праславянскаго ę, но и ǫ; польское ǫ слышится не только вм. ˈǫ, но и ę: ˈę: m'ęso, p'ęć, w'ǫzać; ˈǫ: trǫba, zǫb, pęto (*путо*), nędza (*нужа, нужда*). Употребленіе ǫ и ę въ польскомъ языкѣ находилось въ связи съ количествомъ слога. Старо-польскому языку были извѣстны гласные краткіе и долгіе. Такъ, долгими гласные

*) О звуковомъ характерѣ *ѣ* въ польскомъ языкѣ см. ниже

**) Włoch—итальянецъ, Włochy—Италія, we Włošech—въ Италіи.

были передъ прежнимъ удареннымъ слогомъ (какъ и въ чешскомъ и въ сербо-хорватскомъ языкахъ): trāva,—а также въ закрытомъ слогѣ передъ звонкимъ согласнымъ: wōz→wuz (но wozu). Подъ удареніемъ прежніе долгіе гласные въ польскомъ языкѣ сокращались; но они могли затѣмъ опять стать долгими въ закрытыхъ слогахъ передъ звонкими согласными.

Въ долгихъ слогахъ у поляковъ развилось o̧ вм. праславянскихъ o̧ и ȩ. Въ краткихъ слогахъ въ польскомъ языкѣ возникало ȩ (или соотвѣтствующіе ему гласные) вм. праславянскихъ ȩ и o̧. Передъ ȩ и o̧ вм. *ę согласный былъ мягкимъ.—tro̧ba (рус. (*труба*), jo̧dro (рус. *ядро*), w'o̧zać (рус. *вязать*), pęto (рус. *нутро*), m'ęso (рус. *мясо*), do̧b — dębu, zo̧b—zębu, но kęs, gęś (гдѣ ę передъ глухимъ согласнымъ).

7) Редуцированные, глухіе *ъ, *ь въ польскомъ языкѣ или утрачены (*слабые*), или замѣнены гласными полнаго образованія (*сильные*); *e*—гласный, замѣнившій сильные ъ, ь; sen (*sъnъ), mech (*mъchъ), p'es (*pьsъ), d'en' (dьnь).

8) Раннія праславянскія сочетанія гласныхъ *o, e* съ плавными (*r, l*) между согласными, т. е. **tort*, **tolt*, **tert*, **telt* замѣнены сочетаніями *trot*, *tłot*, *tret*, *tlet*; того измѣненія *o* въ ō→*a* и *e*→ē→ě (*ѣ*), которое испытали языки южно-славянскіе и чешско-словацкій, польскій языкъ, какъ и лужицкій, не знаетъ: krowa, wrona, wrota, głowa, kłoda, br'em'ę *), br'eg, mleć (рус. *молоть*), mléko (*молоко*), br'oza (изъ br'eza; *береза*).

Когда же *or* или *ol* находилось въ начальномъ слогѣ передъ согласнымъ, то измѣненіе было неодинаково: происходила перестановка, но гласный *o* въ одной категоріи словъ замѣнялся гласнымъ *a* (черезъ стадію ō), въ другой онъ сохранялся, какъ *o*; rataj, radło, łakomy; rob, robota, rowny (równy), łok'eć, łod' (łódź).

9) Двухъ видовъ праславянскія сочетанія глухихъ съ плавными между согласными имѣли не одинаковую судьбу въ польскомъ языкѣ. Въ группахъ **trъt*, **trьt*, **tlъt*, **tlьt* гласный ъ или ь не утрачивался и съ теченіемъ времени замѣнялся гласнымъ полнаго образованія—*e*; но такая судьба **trъt*, **trьt* была въ тѣхъ случаяхъ, когда за ними слѣдовалъ слогъ съ ъ или ь. Если же за ними шелъ слогъ съ гласнымъ полнаго образованія, то ъ и ь въ группахъ **trъt*, **trьt* утра-

*) О звуковомъ качествѣ *r'* въ польскомъ языкѣ см. ниже.

чивались; плавные же *r* и *l* оставались, какъ и въ первомъ случаѣ, простыми согласными, звуками неслоговыми (ср. то же явленіе въ лужицкомъ языкѣ): krew', kreć, płeć; krwi (род. ед.), krwawy, trwoga, łza (изъ *slьza), płci (род. ед.), pchła (съ перестановкой согласныхъ, изъ błcha).

Группы же **tъrt*, **tьrt*, **tъlt*, **tьlt* въ польскомъ языкѣ отразились слѣдующимъ образомъ: **tъrt→tart*: garb (*gъrbъ), targ, garść (*gъrsti); то же *tart* находится и вм. праславянскаго *tьrt* въ тѣхъ случаяхъ, когда за *r* слѣдовалъ твердый зубной согласный; въ этомъ положеніи **tьrt→tъrt*, откуда съ теченіемъ времени *tart*: martwy вм. mъrtwy изъ *mьrtwy, čarny; **tьrt* въ другихъ случаяхъ замѣнялось въ старо-польскомъ языкѣ посредствомъ *tir't*, откуда затѣмъ *t'er't* или *t'ert*: w'er'ch, s'erp, śm'erć, čerw'.

* *tъlt→tъlt*; то же *tъlt* въ польскомъ языкѣ развивалось и въ тѣхъ случаяхъ, когда **ьl* находилось передъ твердымъ зубнымъ согласнымъ или послѣ согласныхъ č, ž, š; t, d; вм. *tlt* въ польскомъ языкѣ съ теченіемъ времени развились слѣдующія замѣны въ зависимости отъ предшествовавшихъ или слѣдовавшихъ согласныхъ: *tlut* послѣ твердыхъ зубныхъ согласныхъ: dług, tłusty; послѣ č, ž, š, а также послѣ губныхъ, задне-небныхъ (*k*, *g*, *ch*) вм. *tъlt—tołt* и *telt:* čoło (čółno), żołty (żółty), wełna (*vьlna, ср. литов. vìlna), pełny (*pьlnъ; ср. литов. pìlnas), połk (półk), zg'ełk (*g* и *k* передъ *e* изъ *ъ* въ польскомъ языкѣ перешли въ *k'* и *g'*. Вм. **tъlt*, не перешедшаго въ *tъlt*, находится *il*: wilk (*vьlkъ ср. литов. vilkas съ ˜ на l), milčeć (*mьlčeti, рус. *молчать*).

10) Праславянское ě (*ѣ*) измѣнялось не одинаково во всѣхъ положеніяхъ: передъ твердыми зубными и плавными вм. *ě въ польскомъ языкѣ находится *'a* (' мягкость предшествующаго согласнаго); въ другихъ случаяхъ *ě→*'e*. lato, s'ano, kw'at, gw'azda, w'ara, b'ały; w'ek, chleb, św'eca, b'elić, leniwy.

11) Гласный *e* (изъ праславянскаго *e*, но не изъ *ъ* или *ь*), находясь передъ твердыми зубными и плавными, черезъ стадію *ö* замѣнялся гласнымъ *o*: → żona, s'oło, b'orę (*беру*). Переходитъ *e* въ *o* и въ сочетаніи *tret* (изъ праслав. *tert*): br'eza → br'oza (чит. bžoza).

12) Выше было отмѣчено, что польскій языкъ, какъ и другіе славянскіе языки, унаслѣдовалъ отъ эпохи праславянской гласные долгими и краткими. Въ нѣкоторыхъ поло-

женіяхъ исконно долгіе гласные сокращались въ польскомъ языкѣ; съ другой стороны исконно краткіе гласные (*o*, *e*) становились при извѣстныхъ условіяхъ долгими. Съ долготой гласныхъ въ польскомъ языкѣ было соединено и измѣненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ съ качественной стороны,—со стороны звуковой окраски: ā измѣнялось по направленію къ *o* или даже совпадало съ послѣднимъ; ō → къ *u* или совпадало съ *u*; ē → къ *i* или совпадало съ *i*. Къ концу XIV-го, къ XV-му в. долгота гласныхъ была утрачена въ польскомъ языкѣ. Но то звуковое качество, которое отличало долгіе гласные отъ краткихъ, было удержано въ немъ. Эти нѣкогда бывшіе долгіе гласные передаются въ польской графикѣ посредствомъ á, ó, é: tráwa, zámek, bóg, bób, mój, król, głód, dobréj, kléj.

13) Мѣсто ударенія въ польскомъ языкѣ постоянное и закрѣплено за предпослѣднимъ слогомъ слова; при соединеніи односложныхъ словъ съ предлогами удареніе обыкновенно переносится на предлогъ, когда слово тѣсно сливается съ нимъ: padam do-nóg (удареніе на—do).

14) Въ польскомъ языкѣ согласные *t* и *d*, становясь мягкими (передъ гласными передняго ряда—*i*, *e*, замѣнами ě, ь, ę и мягкими согласными), развивали при себѣ мягкій длительный согласный *s* (при *t*) и *z* (при *d*) и переходили въ слитные согласные - $\widehat{t's'}$ (передается посредствомъ ć или ci передъ гласными) и $\widehat{d'z'}$ (передается—dź или dzi передъ гласными): nić, (ˇnitь), cihy (ci—ći), m'edź (ˇměďь), dziki (dzi—dźi, дикій), dziewięć (wi=w'). Аналогичное явленіе происходило и въ лужицкомъ языкѣ.

15) Мягкій плавный *r* произносился такимъ образомъ: отверстіе между поверхностью языка и неба становилось очень узкимъ (у́же, чѣмъ въ русскомъ яз. при произношеніи мягкаго *p*); къ деснамъ и боковымъ зубамъ плотно примыкали бока средней и передней части языка; для вибраціи оставалась только узенькая полоска въ самой передней части языка; колебаніе этой полоски вызывало шумъ, подобный шуму при шипящихъ ž или š. Таково было измѣненіе мягкаго *r* и въ чешскомъ языкѣ. Въ польскомъ языкѣ измѣненіе въ образованіи *r'* пошло далѣе: вибрація передней каемки языка была утрачена; остался одинъ фрикативный элементъ ž или š (послѣ глухихъ согласныхъ). Это ž или š изъ *r'* передается

въ польской графикѣ посредствомъ *rz*: morze, w'erzyć (*вѣрить*), burza (*буря*), przy (*при*), brzoza изъ br'eza).

Нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ явленій происхожденія весьма давняго, идутъ еще отъ эпохи праславянской: tł, dł, носовое произношеніе гласныхъ, *kv, gv*,—губной согл.+*j* (i̯)+ гласный—; къ той же эпохѣ надо отнести и начало измѣненія сочетаній *tj* и *dj*. Если не въ праславянскую эпоху, то вскорѣ послѣ нея развился у поляковъ и другихъ западныхъ славянъ мягкій š вм. ś изъ ch передъ ě (*ѣ*—изъ o̯) или *i* (изъ o̯) и послѣ *i*, *e*, ę, *ь*.

Другія языковыя явленія возникли позднѣе, послѣ выдѣленія изъ общеславянскаго языка. Но и въ этомъ рядѣ явленій одни изъ нихъ относятся къ болѣе раннему времени, другія къ болѣе позднему. Напр., *tr'et, tlet, trot, tłot* изъ *ˈtert, ˈtelt, tort, ˈtolt* представляютъ явленіе времени болѣе ранняго, чѣмъ измѣненіе *e* въ *o* (при извѣстныхъ условіяхъ): когда въ языкѣ дѣйствовалъ законъ *e* → *o*, то въ это время уже имѣлись *r'e, le* изъ *er, ˈel* между согласными, и при извѣстныхъ условіяхъ эти *r'e, le* переходили въ *ro, lo*: br'oza (изъ br'eza, прасл. berza, рус. *береза*), wr'ód (изъ wr'ed, праслав. ˈverdъ, рус. *вередъ*).

Съ своей стороны, законъ *e* → *o* дѣйствовалъ раньше, чемъ *ь* → *'e*: когда въ польскомъ языкѣ развилось *'e* вм. сильнаго *ь*, то въ это время законъ *e* → *o* (*e* → *ó* → *o*) уже не дѣйствовалъ; потому—p'es (а не p'os), len (а не l'on). Но *ь* → *'e* и *ъ* → *e* не позднѣе времени измѣненія ā → á, ō → ó, ē → é, такъ какъ гласные *'e* и *e*, замѣнившіе *ь* и *ъ*, удлинялись при извѣстныхъ условіяхъ и переходили въ 'é и é: d'eń (dziéń), déšč (рус. *дождь*, ст.-сл. дъждь; въ польскомъ šč вм. конечнаго—ždž; ср. форму род. пад.: dždžu).

Сравнительно поздняго времени и ž изъ *r'*: и до сихъ поръ нѣкоторымъ говорамъ еще не извѣстно это ž; въ зебржидовскомъ, въ Вышнихъ Сромовцахъ (въ ю.-зап. ч. Малопольши), въ силезскихъ говорахъ еще слышится особый звукъ r͡ž съ присутствіемъ раскатовъ (слабыхъ),—вибрацій передней части языка.

Среди языковыхъ измѣненій, развивавшихся у польскихъ славянъ въ теченіе ихъ отдѣльной жизни, были не только

---

*) Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ для болѣе ясной передачи мягкаго r употребленъ знакъ r', чит. rz (ž или š).

такія, которыя распространялись на всѣхъ поляковъ,—явленія *общепольскія*,—но и такія, которыя имѣли распространеніе областное, — явленія *діалектическія*. Къ такимъ діалектическимъ явленіямъ относится замѣна согласныхъ—š посредствомъ s, č—c, ž—z: zyto вм. žyto, carny вм. čarny, syja вм. šyja (шея). Это явленіе, извѣстное подъ названіемъ *„мазуренья“* (mazurzenie)—названіемъ, мало удовлетворительнымъ, такъ какъ s вм. š, c вм. č, z вм. ž распространено не только среди мазуръ, но и среди малополянъ. По этой чертѣ можно всѣ польскіе говоры объединить въ двѣ группы—1) въ группу *мазурующую* и 2) *не мазурующую*.

Къ первой относятся говоры мазовецкіе, малопольскіе и силезскіе—говоры, занимающіе бо̀льшую часть польской языковой территоріи. Къ группѣ не мазурующей принадлежатъ говоры Великопольши въ широкомъ смыслѣ этого названія,—съ областями Куявской и Хелминско-добжинской,— и говоры областей къ сѣверу отъ Великопольши: Мальборгской, Любавской и Вармійской. Отсутствіе мазуренья наблюдается и въ южной части Силезіи—на границѣ съ чехами, на юго-востокѣ—на границѣ съ малоруссами и въ немногихъ мѣстностяхъ на сѣверо-востокѣ (около Сейнъ) на границѣ съ бѣлоруссами. Отсутствіе мазурованья въ этихъ пограничныхъ областяхъ обязано сосѣдству съ языками чешскимъ и русскимъ, незнающимъ этого явленія. (О смѣшеніи č и c въ сѣверно-великор. нарѣчіи см. выше).

Каждая изъ этихъ группъ—мазурующая и не мазурующая—заключаетъ въ себѣ рядъ говоровъ съ различными языковыми особенностями. Такъ, напр., *собственно великопольскіе* говоры имѣютъ длинный рядъ чертъ, отличающихъ ихъ отъ *куявскихъ* говоровъ (отъ Кола до верхняго теченія Нотецы):

великоп. á → oą: doḃroą troąwa; куяв. á → o: doḃro trowa;

великоп. ó → o, склонное къ u: król (kro^{u}l), góra (go^{u}ra); куяв. ó → u: krul, gura;

великоп. *eł* (изъ *ъł* между согласными) → a^{o}ą (*a*, склонное къ *o*, ą—неслоговое u вм. ł): pa^{o}ąno ,wa^{o}ąna; куяв. *eł* (того же происхожденія) → eą: peąno, weąna;

великоп. начальное *w* замѣнено неслоговымъ *u*: ųoda, ųojsko; куяв. зубно-губное *w*: woda, wojsko и нѣк. др.

Изъ другихъ великопольскихъ діалектическихъ группъ отмѣтить *хелминско-добжинскую*, въ которой съ чертами

куявскими и собственно великопольскими наблюдаются и особенности дальнѣйшихъ, сѣверо - восточныхъ говоровъ (напр. *любавскихъ*): вм. *s'w'* слышится *s'w·* s'wat вм. s'w'at; *m'* → *mn'*: mn'asto, mnila вм. m'asto, m'ila; утрата формы dw'e и замѣна ея посредствомъ dwa: dwa kozy вм. dw'e kozy.

Въ группѣ мазурующей польскіе *говоры Силезіи* характеризуются тѣмъ, что здѣсь на-ряду съ чертами польскаго языка наблюдаются такія явленія, возникновеніе которыхъ обязано сосѣдству съ языкомъ чешскимъ; на одну изъ такихъ особенностей уже было указано выше: отсутствіе мазурованья въ южной части силезскихъ говоровъ; такого же рода и слѣдующія черты:

i вм. ˇ—ьје; у чеховъ эта группа послѣ стяженія дала ie, откуда í (*i* долгое), а у поляковъ обычно *e* (или é); силез. ka°zani, w'es'eli, žycí (житье);

широкое употребленіе окончанія *m* въ глагольной формѣ 1 л. наст. вр. ед. ч: mogem, pišem, nosim.

Изъ польскихъ явленій здѣсь находятся такія, которыя выдѣляются своимъ архаизмомъ, напр. *i* вм. *y* послѣ *ž* изъ r'; въ другихъ польскихъ говорахъ это *ž* отвердѣло, и *i* замѣнился гласнымъ *y*; въ говорахъ же Силезіи полнаго отвердѣнія этого ž не произошло, и послѣ него слышится *i:* grziby, p'elgrzimka do Rzimu (rz передаетъ ž изъ r').

Въ Малопольшѣ выдѣляется ея восточная область, находящаяся, главнымъ образомъ, по лѣвую сторону верхняго теченія Вислы, къ востоку отъ Кракова къ Сандомиру и нѣсколько далѣе, къ сѣверу къ Кельцамъ. Въ говорахъ этой области *носовые гласные* замѣнены *неносовыми*, чистыми; другой особенностью этой группы является окончаніе—*wa* въ формѣ 1 л. множ. ч.: robiwa, n'es'ewa, —окончаніе распространенное въ говорахъ, идущихъ и дальше къ сѣверу, къ Плоцку.

Западные говоры Малой Польши лежатъ въ основѣ современнаго литературнаго языка; ихъ главныя явленія тѣ же, что̀ и въ говорѣ образованныхъ классовъ польскаго общества (ę; ǫ; въ концѣ словъ ę—*e*; *ъ* → *e*, *a*; отсутствіе тѣхъ особенностей, которыя были отмѣчены въ другихъ говорахъ).

Говоры *мазовецкіе* (Мазовшья) имѣютъ рядъ своеобразныхъ особенностей, выдѣляющихся среди явленій другихъ говоровъ. Одной изъ такихъ особенностей является судьба мягкихъ губныхъ передъ гласными: за губными раз-

вивался согласный элементъ — *j*, *z*̓ (*s*̓) или *n*̓ (послѣ *m*); губной согласный съ теченіемъ времени многими мазовецкими говорами совсѣмъ былъ утраченъ: m'asto → mn̓asto → n'asto; m'ód → mn'ód—n'ód; w'ara → wz'ara → z̓ara; p̓iwo → ps'iwo → siwo; но слышится и mjasto, mjód, wjara; сочетанія—губ.+*j*—вм. мягкаго губного согласнаго слышатся и по лѣвую сторону Вислы.

Къ сѣверу отъ области поляковъ, по лѣвую сторону нижняго теченія Вислы живетъ небольшой славянскій народъ—*кашубы* (по подсчету Рамулта, въ 1893 г. ихъ было 174.831). Кашубы—незначительный остатокъ прежнихъ *поморскихъ* славянъ, которые нѣкогда занимали всю область нынѣшней Помераніи и значительную часть нынѣшней Западной Пруссіи. Но вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, поморскіе славяне (*поморяне*) не устояли противъ натиска инородцевъ—нѣмецкаго племени; послѣднее не только подчинило себѣ въ политическомъ отношеніи поморскихъ славянъ, но и уничтожило значительную часть ихъ, какъ народность; лишь очень небольшое количество этихъ славянъ сохранило среди бушевавшей и бушующей германизаціи свою народность, свой языкъ. Современную кашубскую область можно въ общемъ очертить слѣдующими пограничными линіями: отъ окрестностей Гданска (Данцига), именно отъ деревни Колебки,—сѣверо-восточнаго пункта кашубской территоріи,—пограничная линія идетъ въ юго-западномъ направленіи къ Хойницу и Камню; оттуда она повертываетъ къ сѣверо-западу, къ Мястку, Бытову, къ Гарденскому и Лэбскому озерамъ; южное побережье Балтійскаго моря (до Гданска) составляетъ сѣверную и сѣверо-восточную границу кашубской области.

Кромѣ общаго названія „*кашубы*“, здѣсь существуютъ и другія названія отдѣльныхъ группъ этого народа (*быляки, кабатки* и др.); въ особенности же интересна группа „*словѣнцевъ*“ (*словинцевъ*), около 200 человѣкъ, живущихъ въ Столпскомъ округѣ (Столпъ, Słupsk) въ приходѣ Гарнѣ (Garnau—Garde) и Смодзинѣ (Smodziń—Schmolsin). По мнѣнію изслѣдователя языка этихъ „словѣнцевъ“ д-ра Фр. Лорентца, они представляютъ такую же самостоятельную западно-славянскую группу, какъ кашубы, а ихъ предки находились въ ближайшемъ языко-

вомъ отношеніи къ вымершимъ славянамъ полабскимъ *). Таковъ же взглядъ на языкъ словѣнцевъ и проф. Микколы **). Но говоры кашубовъ и словинцевъ имѣютъ и рядъ общихъ чертъ, объединяющихъ ихъ въ одну языковую группу. Въ какомъ отношеніи находится кашубско-словинская группа къ польской? По этому вопросу общепринятаго рѣшенія его указать нельзя. Въ данномъ случаѣ можно отмѣтить въ общемъ 3 различные взгляда.

1. По мнѣнію Ст. Рамулта, рѣчь кашубовъ (кабатковъ и словинцевъ) представляетъ особый, западно-славянскій языкъ, на-ряду съ чешско-словацкимъ, сербо-лужицкимъ и польскимъ. И по взгляду Ф. Лорентца, польскіе и кашубско-словинскіе говоры—это двѣ отдѣльныя западно-славянскія группы.

2. Говоры кашубовъ, кабатковъ и словинцевъ—нарѣчіе языка польскаго. Таковъ взглядъ на взаимоотношеніе кашубской и польской языковыхъ группъ Ан. Калины, Я. Карловича, А. Брюкнера и нѣк. другихъ польскихъ ученыхъ.

3. Говоры кашубовъ, кабатковъ и словинцевъ—самостоятельный языкъ по отношенію къ польскимъ говорамъ; но все же, съ послѣдними онъ находится въ ближайшей родственной связи, подобной той, которая существуетъ между говорами малорусскими и великорусскими или нижне-лужицкими и верхне-лужицкими.—Такой взглядъ на рѣчь кашубовъ и поляковъ былъ ясно выраженъ А. Ѳ. Гильфердингомъ, исходившимъ пѣшкомъ почти всю кашубскую землю лѣтомъ 1856 г. „Свидѣтельство признаковъ лингвистическихъ,—говоритъ онъ,—подкрѣпляемое разными историческими фактами, наводитъ на мысль, что Польскій языкъ и языкъ Прибалтійскихъ Славянъ составляли одну общую вѣтвь Славянской рѣчи, вѣтвь, которую можно назвать Ляшскою, и что вѣтвь эта раздѣлилась на два нарѣчія, Польское и Прибалтійское, точно также какъ, напримѣръ, Русская вѣтвь раздѣлилась на нарѣчія Великорусское и Малорусское.

*) „Das Slovinzische ist vielmehr der letzte Rest einer neben dem Kaschubischen stehenden, in mancher Beziehung sich näher an das Polabische anschliessenden Sprache". (Archiv fur slav. Phil. XXIV, стр. 52).

**) Das Slovinzische im Stolper Kreis in Hinterpommern ist als der letzte Überrest des Ostseewendischen zu betrachten" (—Das Ostseewendische, oft auch Polabisch genannt...)—J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik. I. Heidelberg. 1913, стр. 2—3.

Языкъ Кашубовъ и Померанскихъ Словинцевъ есть послѣдній живой остатокъ Прибалтійскаго нарѣчія, объемъ котораго въ средніе вѣка былъ, по крайней мѣрѣ, равенъ объему нарѣчія Польскаго, но которое несчастныя обстоятельства мало-по-малу стерли и стираютъ съ лица земли" [*]).

Подъ сужденіемъ Гильфердинга объ отношеніи кашубскихъ говоровъ къ польскимъ „подписывается" „почти безъ оговорокъ" и проф. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ въ своихъ двухъ статьяхъ по „кашубскому вопросу", подтверждая это сужденіе разборомъ ряда относящихся сюда фонетическихъ и морфологическихъ фактовъ.—Къ точкѣ зрѣнія Гильфердинга и Бодуэна-де-Куртенэ близко стоятъ акад. Ягичъ и проф. Каз. Нитшъ. По Ягичу, кашубскіе говоры занимали срединное положеніе между полабской и польской языковыми областями; при этомъ, во многихъ случаяхъ кашубскіе говоры стояли ближе къ полабскимъ, чѣмъ къ польскимъ говорамъ. По взгляду Нитша, кашубскій языкъ со всѣми своими говорами представляетъ одно цѣлое. „Оно является постепеннымъ переходомъ между языками полабскимъ и польскимъ; однако трудно опредѣлить, къ какому оно болѣе близко". (Stosunki pokrewieństwa języków lechickich. Стр. 48).

Болѣе обоснованнымъ является 3-е положеніе о взаимоотношеніяхъ польскихъ и кашубскихъ говоровъ. Дѣйствительно, въ тѣхъ и другихъ говорахъ наблюдается рядъ общихъ чертъ, объединяющихъ эти говоры въ одну языковую группу, переживавшую нѣкогда одинаковыя языковыя измѣненія. Такими общими чертами являются слѣдующія:

1) Одинаковая судьба праславянскаго *ѣ* (*ѣ*): передъ твердыми зубными и плавными *a*, въ другихъ случаяхъ *e*: кашуб.: m'asto, sǫsád (á→o), scana, lese, slep—.

2) Вм. *ь*, *ъ* (сильныхъ)—*e*: каш. sen, dzeń.

3) Праславянское сочетаніе *ъr* между согласными, т. е. *tъrt*, а также *tьrt* передъ твердыми зубными согласными замѣнились сочетаніями *ar*: targ, garb; польск. martwy; кáш. m'artwy (но у кашубовъ находится мягкость согласнаго предшествовавшаго праславянскому сочетанію *ьr*); польск. twardy, кашуб. cw'ardy.

---

[*]) Этнографическій Сборникъ Имп. Географ. Общ., т. V, 1862 года стр. 81 и еще раньше въ Извѣстіяхъ II Отд. Ак. Н. 1859 г., VIII т. I в. стр. 47.

4) Раннія праславянскія сочетанія *tołt, tert* замѣнены *tłot, tr'et*: głowa, br'eg, br'oza (изъ br'eza).

5) **e*→*o* передъ твердыми зубными и плавными: кашуб. w'ozą, (*везу*) w'oz, n'osą, sostra, br'oza.

6) Одинаковое направленіе въ измѣненіи долгихъ гласныхъ: ā→ō (закрытое—ô или ö): trôwa, lôwka, rôd, stôry; ē→e^{ı} (é): dobré, zrob'oné, w'ém; ō→ō^{u} (ó): dóm, lód, róg, sódmy. При этомъ, въ кашубскихъ говорахъ сохранена и долгота этихъ гласныхъ.

7) Одинаковое направленіе въ измѣненіи мягкихъ *d* и *t*: *d͡ź*→dź; *t͡ś*→ć; у кашубовъ процессъ въ этомъ измѣненіи пошелъ еще далѣе: эти слитные согласные отвердѣли: dź→dz, ć→c: dzen, dostac, dac (дать).

8) Тожественное произношеніе *r'*: r'ž→r͡ž; у поляковъ затѣмъ ž; у кашубовъ еще удержались и слабые раскаты, вибраціи передней каймы языка (какъ и въ нѣкоторыхъ польскихъ говорахъ).

9) До нѣкоторой степени о польско-кашубской близости можетъ свидѣтельствовать и удержаніе носового произношенія гласныхъ и сходныя измѣненія ихъ.

Но въ кашубскихъ говорахъ, кромѣ явленій, общихъ съ польскими, наблюдаются и такія особенности, которыя свойственны только кошубской языковой области:

1) Праславянскія *el* и *ol* между согласными у кашубовъ совпали въ oł: młoc, польск. mleć (рус. *молоть*, melti), и głowa (*голова*).

2) Подобнымъ образомъ праславянское сочетаніе *ьl* между согласными замѣнились сочетаніемъ *ъl*, откуда съ теченіемъ времени у кашубовъ развилось oł: wołk (польск. wilk), połny.

3) Въ праславянской группѣ *or* между согласными кашубскіе говоры перестановки не испытали; удлиненъ былъ только гласный *o*, т-е. *o*→ō, откуда *a*: warta изъ *worta, польск. wrota (рус. *ворота*), gard (Starogard), warna. Встрѣчающіяся въ кашубскихъ говорахъ сочетанія *ro* вм. *ar* представляютъ собой результатъ вліянія польскаго языка,—вліянія, замѣтнаго и въ другихъ явленіяхъ кашубскаго языка.

4) Праславянское *dj* (изъ dı̯) у кашубовъ замѣнилось *z* (черезъ стадію *d͡z*): m'eza, nąza (рус. *нужа нужда*). Если же въ указанныхъ случаяхъ вм. *z* слышится *dz*, то появленіе послѣдняго также обязано вліянію польскаго языка. У ка-

шубовъ вообще всякое старое *d͡z* замѣнилось согласнымъ *z*; такъ, вм. *dz* изъ *g* передъ ě (*ѣ*) и *i* (изъ oi̯) у кашубовъ *z* (изъ болѣе ранняго *dz*): noze, droze (дорогѣ) drezi (вм. drazı).

5) Гласные *i*, *u*, *y*, ą (ę) въ извѣстныхъ положеніяхъ замѣнены гласнымъ *ë*,—гласнымъ закрытымъ, близкимъ къ *y*.

6) ć, dź, s', z' отвердѣли: dac (дать), sedzec, sostra, zelony.

7) Праславянскій носовой гласный *e* (ę) у кашубовъ замѣнился передъ мягкими согласными посредствомъ узкаго *e* (*e*ⁱ) въ краткихъ слогахъ и *i* въ долгихъ: zec (ʼzętь), jīc (ʼjęti—ять, брать).

8) Суффиксъ—ıšče (у поляковъ—ıšče и isko): ognišče, łbišče, pastwišče.

9) Удареніе у кашубовъ отличается отъ польскаго: оно подвижное, не прикрѣпленное къ опредѣленному слогу въ словѣ; только на югѣ оно является постояннымъ и падаетъ на *первый* слогъ слова.

Къ западу отъ поморянъ, предковъ кашубовъ и словинцевъ, къ сѣверу отъ предковъ лужицкихъ сербовъ простирались нѣкогда обширныя поселенія славянъ *полабскихъ*,—*ободритовъ* и *лютичей* или *велетовъ*. Въ IX—X вѣкахъ они занимали области между среднимъ и нижнимъ теченіемъ Лабы и нижней Одрой, Балтійскимъ поморьемъ и на нѣкоторыхъ островахъ Балтійскаго моря. Печально-роковой была участь полабскихъ славянъ:

Гдѣ же теперь вы, славяне, когда то здѣсь жившіе? Гдѣ же
Жившій по Салѣ народъ, жившій въ Поморьѣ? Куда
Скрылись вы, сербы смиренные, вы, ободритовъ потомки,
Лютичи, гдѣ вы теперь? Укрянъ потомки, гдѣ вы?!—

— Они всѣ погибли подъ натискомъ нѣмецкаго міра, возставшаго на нихъ съ мечомъ и крестомъ,—растворились въ морѣ нѣмецкой народности. Уже въ XV—XVI в.в. славянскія поселенія въ Полабьѣ были представлены незначительными островками, которые въ XVI—XVII в.в. также онѣмечиваются. Долѣе держались славянскія поселенія въ Лю-

ховскомъ округѣ (на р. Ецѣ, лѣвомъ притокѣ нижней Лабы); но въ 1751 г. здѣсь служили послѣднюю славянскую обѣдню.

О языкѣ полабскихъ славянъ сохранились весьма скудныя свѣдѣнія, относящіяся при томъ къ позднему времени, къ XVII—XVIII в.в.,—ко времени, когда держались лишь незначительные остатки славянъ въ области Люнебурга (въ Люховѣ). Отъ XVII—XVIII в.в. дошло нѣсколько письменныхъ памятниковъ на языкѣ этихъ славянъ. О языкѣ другихъ группъ полабскихъ славянъ свѣдѣній почти никакихъ нѣтъ (кромѣ мало надежныхъ данныхъ, заключающихся въ латино-нѣмецкихъ документахъ и географическихъ названіяхъ). Данныя славяно-полабскихъ говоровъ свидѣтельствуютъ о томъ, что послѣдніе относились къ группѣ *западно-славянской* и находились въ болѣе близкомъ отношеніи къ вѣтви *польско-кашубской*. Говорами славянъ полабскихъ, словинцевъ, кашубовъ и поляковъ были пережиты нѣкоторыя общія языковыя явленія, объединяющія эти говоры въ одну группу, *лехитскую* (по терминологіи нѣкоторыхъ изслѣдователей):

1) Судьба праславянскаго ě (*ѣ*): *'a* передъ твердыми зубными и *'e* въ другихъ положеніихъ: полаб. m'ara (m'oro), kjot (kjat,—польск. kw'at), sl'ad (sl'od), belit, chlev.

2) Вмѣсто праславянскихъ *tъrt*, *tьrt* передъ твердыми зубными *ar*: полаб.: tja°rdy^{e} (польск. twardy).

3) До нѣкоторой степени можетъ свидѣтельствовать о близкихъ взаимоотношеніяхъ говоровъ славяно-полабскихъ, словинскихъ, кашубскихъ, польскихъ и сохраненіе ими носовыхъ гласныхъ и нѣкоторыя сходныя измѣненія въ области этихъ гласныхъ.

Въ болѣе же близкихъ отношеніяхъ находились говоры полабскіе къ кашубскимъ и въ особенности къ словинскимъ:

1) Праславянскія сочетанія *el* и *ol* между согласными замѣнились группой oł (откуда ło, ła°).

2) Мягкость согласнаго передъ *ar* изъ *ьr* (передъ твердымъ зубнымъ согласнымъ): кашуб. cw'ardy, полаб. tja°rdy^{e} (ср. польск. twardy).

3) Праславянское *tъlt* → *talt* или *tołt*. То же ał или oł и вм. *ьl*.

4) Исключительное употребленіе суффикса—išče.

Особенности, развитыя полабскими говорами, заключались въ слѣдующемъ: 1) *o* измѣнилось въ *ü*: smüla (вм. smola), büg (вм. bog), slüvü (slovo).

2) Ударенные гласные *i* и *y* замѣнились дифтонгическими сочетаніями: *eı*, *ai*, *a°i*: beit, da°im, ra°iba.

3) Согласные č, ž, š замѣнились согласными c, z, s: crevu, zena, dusa.

4) Измѣненіе сильныхъ *ъ*, *ь* опредѣлить трудно, вслѣдствіе спутанной графической передачи отраженій праславянскихъ *ъ*, *ь*. Наиболѣе часто *ь* и *ъ* замѣнялись гласнымъ *a°*: da°zd (дождь), da°n (день), l'a°n (ленъ).

5) Измѣненія въ области *tort, *tert, tolt, *telt не совсѣмъ ясны. Вм. *tort—tort: vorta, gorch; вм. *tert—trët (и trit): brig, brèza; вм. *tolt, *telt—tolt→tla°t: gla°va.

Литературный языкъ. Графика.

Политическая организація польскаго народа впервые была создана въ Великой Польшѣ, при князьяхъ Мѣшкѣ I (960—992) и Болеславѣ Храбромъ (992—1025). Вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ великополянъ получилъ преобладающее значеніе среди другихъ нарѣчій польскаго языка. Но съ начала XIV в. политическая и культурная жизнь польскаго народа сосредоточивается въ Малой Польшѣ. Центромъ этой жизни становится Краковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ малополянъ занимаетъ теперь преимущественное положеніе среди другихъ польскихъ нарѣчій. Онъ становится языкомъ оффиціальнымъ и языкомъ возникающей польской письменности. Выдающіеся писатели XVI-го и нач. XVII вѣка,—„золотого вѣка“ польской литературы—Николай Рей, Янъ Кохановскій, Шимоновичъ и др. были малополяне и въ своихъ произведеніяхъ утверждали свое родное нарѣчіе въ качествѣ общепольскаго литературнаго языка. Но въ этомъ оффиціальномъ и литературномъ по́льскомъ языкѣ сохранялись нѣкоторые основные элементы и великопольскаго нарѣчія: отсутствіе мазурованья въ польскомъ литературномъ языкѣ ясно свидѣтельствуетъ о великопольской первоосновѣ этого языка.

Положеніе *кашубовъ*, какъ славянской народности, весьма безотрадно. За кашубскимъ языкомъ не признается никакихъ правъ ни въ общественной жизни, ни въ школѣ, ни въ церкви. Во многихъ кашубскихъ мѣстностяхъ родная славянская рѣчь употребляется только въ интимномъ семейномъ кругу и нерѣдко лишь старѣйшими членами семьи. Герма-

низація, не сдерживаемая сознательнымъ стремленіемъ кашубовъ къ сохраненію своей народности, все сильнѣе и шире распространяется среди этого народа. Только на югѣ кашубы входятъ въ сферу вліянія близко родственнаго народа—поляковъ. Письменность на кашубскомъ языкѣ ограничивается небольшимъ количествомъ религіозныхъ и поучительныхъ книжекъ для народа, записями народной рѣчи и весьма скромными образцами поэтическихъ произведеній очень немногихъ писателей-народниковъ. Въ языкѣ скудной кашубской письменности нѣтъ единообразія: въ основѣ однихъ произведеній лежатъ сѣверно-кашубскіе говоры (въ произведеніяхъ Цейновы, Черницкаго), въ основѣ другихъ — южно-кашубскіе, близкіе къ польскому языку (въ произведеніяхъ Дердовскаго, Майковскаго, Будзыша и другихъ).

Графика у *поляковъ*—издавна латинская абецеда, съ нѣкоторыми измѣненіями и нововведеніями. Приспособленіе латинки для передачи польскихъ звуковъ очень неудовлетворительно: сложность, непослѣдовательность въ передачѣ звуковъ характеризуютъ польскую графику. Изъ особенностей ея отмѣтимъ слѣдующіе знаки: cz—*ч*, sz—*ш*; но для *ж* —не двойной знакъ, а только ż или ż; *ж* (или *ш* послѣ глухихъ согласныхъ) изъ мягкаго *r'* передается двухзначнымъ начертаніемъ rz (morze, чит. może), хотя rz иногда читается и какъ *рз*: marznąć (мерзнуть), mierzić (мерзить, омерзить); szcz соотвѣтствуетъ *щ*; ł—l твердое, велярное или неслоговое u—ų. Мягкость согласныхъ передается двоякимъ образомъ 1) надстрочнымъ знакомъ ' надъ буквой согласнаго; это въ тѣхъ случаяхъ, когда мягкій согласный находится въ концѣ слова или передъ согласнымъ (leń, dać, gość, ślub); 2) буквой *i*, когда за мягкимъ согласнымъ слѣдуетъ гласный звукъ (biały, sierp, dzień); передъ гласнымъ і особаго знака для передачи мягкости согласнаго не употребляется (cicho, vino, bić).

Носовой гласный *о* передается посредствомъ ą, носовое *е*—ę: trąba (т. е. trǫba), mięso.

ó—гласный *и* изъ прежняго ō: Bóg; é—гласный *е* закрытое, близкое къ *і*,—изъ прежняго ē: téj, dobrćj.

У кашубовъ опредѣленной графики до послѣдняго времени не было установлено. На младокашубскомъ съѣздѣ въ Косьцержинѣ (въ сентябрѣ 1910 г.) была, наконецъ, выработана и принята общая для всѣхъ пишущихъ по-кашубски графика. Это постановленіе съѣзда было опубликовано въ

младокашубскомъ журналѣ „Gryf“ 1911 г., № 3). Но Ф. Лорентцъ, указавъ на недостатки этой графики (въ Gryf'ѣ, 1911 г., № 4--6), предложилъ въ замѣнъ ея болѣе точную и полную, приспособленную къ передачѣ звуковъ сѣверно-кашубскихъ и южно-кашубскихъ говоровъ. Имъ же предложены и главныя орѳографическія правила. Какъ сообщаетъ главный представитель младокашубовъ д-ръ Ал. Майковскій, графика, предложенная Лорентцомъ, была принята въ августѣ 1911 г. въ Картузахъ „послѣ нѣсколька конференцій съ кашубскими писателями“. Въ № 7—9 Gryf'a за 1911 г. помѣщена эта графика и правила правописанія. Въ основѣ она—польская; введены лишь нѣкоторые знаки для передачи чисто кашубскихъ звуковъ. Изъ дополнительныхъ знаковъ укажемъ слѣдующіе:

ë для передачи краткато закрытаго гласнаго *e*, приближающагося къ *y*; развился этотъ гласный при извѣстныхъ условіяхъ вм. i, y, u, ą, : bèdło (bydło), reba (ryba), cecho (cicho), desza (dusza), krowė (krową);

ô для передачи ō (нѣм. Moor)· bôbka, trôva (часто вм. прежняго ā);

ę передаетъ носовое *a*: ręka (чит. rąka), mięso (чит. m'ąso),

ą выражаетъ носовое *o*· ząb (чит. zǫb), piąty (чит. p'ǫty)

ą пишется и вм. o (изъ ā) въ слогѣ передъ носовымъ согласнымъ: nąm, vąm, krowąm, pąn (но pana).

Долгіе гласные передаются надписнымъ знакомъ ' надъ ними: í (ī), ú (ū).

ŭ—билабіальное w, преимущественно въ начальномъ слогѣ передъ o, ó, u, ú: ŭoko (oko), ŭucho; также когда этимъ слогамъ предшествуютъ предлоги: zŭostac, przeŭorac.

Gnieżdżewscím gbúrąm bełło w storèch czasach wiele sztrajków przëgodąné. Ŭoní sę gorzëlë, a to nie je tak zle, ŭoní wiedzą, co ŭoní są. Jô czúł ale to mie bëło w tajemnoscy powiôdąné—, że ŭoní ŭod jednéwo tëch trzechmądrców pochodzą— (изъ кашубской сказки; Gryf, 1912 г. № 7).

Пособія. Jan Rozwadowski. Szkic wymowy (fonetyki) polskiej (Materyały i prace komisyi językowej Akademii Umiejętności w Krakowie. T. I, 1904 r, стр 95—114).

О. Брокъ Op. cit.

*) Журналъ на польскомъ языкѣ, издается съ 1909 года.

Ant. Małecki. Gramatyka języka polskiego większa. Lwów. 1863.
Ad. Ant Kryński Gramatyka języka polskiego. Wyd 5, Warszawa 1910
Rom. Pilat Gramatyka języka polskiego Wykłady uniwersyteckie Opracował Fr Krček. I, II Lwów. 1909
Al. Bruckner. Dzieje języka polskiego Kraków III т. изъ серіи „Nauka i sztuka".—Изданіе прекрасное съ внѣшней стороны. Но по содержанію работа весьма неудачная спутанность въ изложеніи, противорѣчія, длинный рядъ ошибокъ—отличительныя особенности Dziejów Брюкнера Указанная книга оцѣнена по достоинству H. Ułaszyn'омъ (Archiv fur slav Philologie, b. XXIX, Rocznik slawist, t I) и Бодуэномъ-де-Куртенэ (Rocznik slaw., t. I). Въ 1913 г. вышло 2-е изд. книжки Брюкнера.
Fr. Miklosich Op cit. I—IV
Т Флоринскій. Op. cit. II
W. Vondrák. Op. cit I, II. (Для польскаго отдѣла см. замѣчанія Нитша въ Roczniku slawist I).
Р. Брандтъ Краткая фонетика и морфологія польскаго языка М. 1894.
Бодуэн-де-Куртенэ. Польскій язык сравнительно с русским и древне-церковно-славянским. СПб 1912.—Данныя говоровъ совершенно отсутствуютъ. Изложеніе эпизодическое, внѣ исторической перспективы Много вниманія удѣлено графикѣ.
С. М. Кульбакинъ. Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка. I. Фонетика сважендзскаго говора. II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ (Сбор. Отд. р. яз. и слов Имп Ак. Н., т. 73 СПб. 1903). Въ I ч. не только сообщены данныя сважендзскаго говора, но пересмотрѣнъ и рядъ основныхъ вопросовъ изъ области вокализма и консонантизма польскаго языка. О нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ см. въ рецензіи Г Улашина въ Изв. Отд. р. языка и слов. И. А. Н., т. XII (1907 г), кн. 1.
St. Kulbakin. O pracach Szachmatowa, dotyczących języka polskiego. (Rocznik slaw. I).
Kaz. Nitsch. Mowa ludu polskiego. Kraków. 1911.
Его-же. Próba ugrupowania gwar polskich. (Rozprawy Akad. Umiejęt. Wydział fil., ser III, t. I Kraków).—Тѣмъ же ученымъ обслѣдованы польскіе говоры Пруссіи въ слѣдующихъ двухъ обширныхъ работахъ: 1. Dyalekty polskie Prus zachodnich (Materyały i prace, t III, №№ 1—2 и 3), 2) Dyalekty polskie Prus wschodnich (тамъ же, т. III, № 3)
St. Ramułt. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego Kraków. 1893.
Fr. Lorentz. Das gegenseitige Verhaltniss der sogenannten lechischen Sprachen. (Archiv f sl. Phil. Bd XXIV, 1—73).
Его-же Slovinzische Grammatik. СПб. 1903.

An Kalina Mowa kaszubska jako narzecze języka polskiego (Prace filologiczne. T. IV (1893), стр 905—936).

Jan. Karłowicz Gwara kaszubska. (Wisła, T. XII, стр. 74—99)

А. Ѳ. Гильфердингъ. Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. (Этнографическій Сборникъ, изд. Имп Географ. Общ., в. V. 1—191) X-я гл посвящена кашубскимъ говорамъ Та же глава напечатана была еще раньше въ Изв. II Отд. И. Ак. Н., т. VIII, стр 41—56).

Бодуэнъ-де-Куртенэ Кашубскій „языкъ", кашубскій народъ и „кашубскій вопросъ" СПб 1897 (оттискъ изъ Ж М. Н Пр. за 1897 г япрѣль—май).

Его-же. Kurzes Resumé der „kašubischen Frage". (Archiv fur sl. Phil Bd. XXVI, 336—406)

V Jagić. Verwandtschaftsverhaltnisse innerhalb der slavischen Sprachen (Archiv fur sl Phil B XX).

Kaz. Nitsch. Stosunki pokrewieństwa języków lechickich. (Mat. i prace, t. III, № 1—2, стр. 1—57).

A. Schleicher. Laut-und Formenlere der polabischen Sprache. СПб. 1871.

В. К. Поржезинскій. Нѣсколько словъ о дошедшихъ до насъ памятникахъ языка полабскихъ славянъ (Извѣстія Отд. рус. яз и слов И. Ак. Н, т V (1900 г), кн. 3).

Его-же. Замѣтки по языку полабскихъ славянъ. (Тамъ же, т. VII (1902 г.), кн 2).

Словари. S. B. Linde Słownik języka polskiego 6 томовъ. Варшава 1807—1814. 2-oe изд. Lwów. 1854—1860.

Słownik języka polskiego ułożony pod redakcją J Karłowicza, Ad Kryńskiego i Wł. Niedźwiedzkiego. T. I (A-G) Warszawa. 1900. T. II (H-M). W. 1902 T. III (N-O). W. 1904 T. IV (P—Prożyszcze). W. 1908 (подъ ред. Крынскаго и Недзьвѣдзкаго). T. V (Próba—R). W. 1912 (ułozony przez Wł. Niedźwiedzkiego z udziałem Kaz. Króla)

Фр. А. Потоцкій Словарь польскаго и русскаго языка I ч. польско-русская, II ч русско-польская. Лейпцигъ. 1873. 3-е изд. 1909 (2-е изд II-ой ч 1900 г.).

П Дубровскій. Полный русско-польскій словарь. I (п.-рус), II (р.-польская). 1-е изд. 1878 Варшава

Fr. Lorentz. Slovinzisches Worterbuch. I, II. СПб. 1908, 1912.

Какъ для польскаго языка, такъ и для другихъ славянскихъ языковъ см. статью И. Бодуэна-де-Куртенэ „Славянскіе языки"—(въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона, 59-й полутомъ).

Двѣ небольшія книжки В. Грубаго (V. Hrubý): „Praktická rukojeť srovnavací jazykův slovanských" (Praha, 1904) и „Vergleichende Grammátik der slavischen Sprachen" (Wien und Leipzig, s. a) въ качествѣ пособій служить не могутъ, вслѣдствіе излишне „практическаго" характера ихъ, неудовлетворительнаго изложенія и многихъ ошибокъ.

Праславянскій языкъ. Его возстановленіе.

Обозрѣвая современные славянскіе языки, мы замѣчаемъ въ нихъ рядъ общихъ чертъ. Это общее *можетъ* свидѣтельствовать о родствѣ этихъ языковъ, о томъ, что эти языки когда-то переживали одни и тѣ же явленія; какъ воспоминаніе объ этихъ общихъ переживаніяхъ, служатъ тѣ общіе факты, которые представляютъ славянскіе языки въ настоящее время. Но необходимо замѣтить, что то общее, которое наблюдается въ современныхъ славянскихъ языкахъ (какъ это надо имѣть въ виду при обозрѣніи и другихъ языковъ), не всегда свидѣтельствуетъ о ближайшемъ родствѣ этихъ языковъ, объ общей жизни въ прошломъ. Общіе факты могутъ представлять собою факты, заимствованные одной языковой группой отъ другой. Напр., въ русскомъ языкѣ мы слышимъ *глава*, *сладкій*, *вражда*, *страна*, *время*, *бремя*, *чрево*, *млечный* (путь) и т. под Тѣ же сочетанія *ра*, *ла*, *ре*(*ѣ*), *ле*(*ѣ*) въ указанныхъ положеніяхъ (между согласными) встрѣчаемъ и въ болгарскомъ, и сербо-хорватскомъ, и словинскомъ, и чешско-словацкомъ языкахъ. Однако эти черты сходства—*ра*, *ре*(*ѣ*), *ле*(*ѣ*), *ла*—не могутъ свидѣтельствовать о болѣе близкомъ родствѣ русскаго языка съ болгарскимъ, сербо-хорватскимъ словинскимъ, чешско-словацкимъ, чѣмъ съ польскимъ или лужицкимъ,—не могутъ вслѣдствіе того, что эти общія черты являются въ русскомъ языкѣ не исконными, а *заимствованными* изъ языка болгарскаго посредствомъ церковно-славянской письменности. Этимъ *ра*, *ла*, *ре*(*ѣ*), *ле*(*ѣ*) въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ *оро*, *оло*, *ере*, *ело*: *голова*, *головной*, *беремя*, *черева*, *солодъ*... Для опредѣленія фактовъ исконнаго родства данныхъ языковъ или вообще діалектическихъ группъ необходимо тщательное изслѣдованіе послѣднихъ не только въ ихъ современномъ состояніи, но и въ прошломъ,—необходимо прослѣдить *исторію* каждаго изъ данныхъ діалектовъ. Такое изслѣдованіе позволитъ намъ выдѣлить факты заимствованные и опредѣлить направленія, какими шли заимствованія; попутно оно освѣтитъ намъ ту или иную культурно-историческую сторону данной общественной группы.

Источниками нашихъ свѣдѣній о каждомъ славянскомъ языкѣ являются живые говоры и памятники славянской пись-

менности; о нѣкоторыхъ же славянскихъ діалектахъ, напр., о вымершихъ говорахъ славянъ полабскихъ, мы знаемъ только изъ памятниковъ письменности (и то чрезвычайно скудныхъ и позднихъ). Прежде чѣмъ приступить къ возсозданію исторіи славянскихъ языковъ, необходимо вѣрное, полное описаніе живыхъ славянскихъ говоровъ, — необходимъ тщательный, строгій анализъ памятниковъ славянской письменности. Изученіе современныхъ говоровъ каждаго славянскаго языка,— изученіе *сравнительное*—, откроетъ передъ нами отдаленныя эпохи прошлаго этихъ говоровъ,—эпохи, когда не было еще рѣзкаго обособленія между ними. Данныя, добытыя изъ сравнительнаго изученія современныхъ говоровъ, мы сопоставляемъ съ указаніями памятниковъ письменности; въ результатѣ— опредѣлимъ процессы, послѣдовательно пережитые даннымъ языкомъ въ историческое время его существованія. Но живые говоры при сравнительно-историческомъ изученіи ихъ вскроютъ передъ изслѣдователемъ и эпохи до-историческія въ жизни этого языка. Изучая, напр., малорусское нарѣчіе, мы наблюдаемъ на-ряду съ діалектическимъ разнообразіемъ и черты, общія всѣмъ малорусскимъ говорамъ. По всей малорусской языковой области слышатся—зе*мля*, ве*ла*, пле*ла* ра*ло*, *цв*іт, *зв*ізда, ру*ка*, вер*чу*, пря*жа*, ри*жий*, бе*реза*, ко*рова*, ко*лос*; г*ли*(*ы*)тати, чорнобр*и*(*ы*)вий, ў (ц) вм. ł и v въ извѣстномъ положеніи (воўк, праўда); ō→uo→і, ē→іе→і, ĕ→іе→і. Изслѣдуя малорусское нарѣчіе сравнительно съ великорусскимъ, мы наблюдаемъ въ той и другой діалектической группѣ рядъ общихъ явленій: *л'* послѣ губныхъ передъ гласнымъ (зе*мля*), *л* (ве*ла*), *цв*, *зв* (передъ *і*—*ѣ*), *у* (рука. .), *ч*, *ж* (вер*чу*, пря*жа*, ры*жій*), *полногласіе*. Другія же черты составляютъ особенность малорусскаго нарѣчія, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ повторяются въ ближайшей къ нему бѣлорусской группѣ. Анализъ памятниковъ письменности, относящихся къ малорусской области, поможетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣлить и время возникновенія или, по крайней мѣрѣ, время проникновенія въ письменность той или иной языковой особенности. Это время обособленной жизни малорусскаго нарѣчія. Явленія же, общія съ великорусскимъ, относятся къ тому времени, когда всѣ русскія нарѣчія жили одною языковою жизнью, переживали одинаковыя языковыя измѣненія. Именно, къ этой эпохѣ,— эпохѣ общерусскаго языковаго единства,—относятся такія

явленія, какъ *ч* въ *верчу* и др., *ж—межа*; тогда же произошла замѣна носовыхъ гласныхъ неносовыми:—*у* въ такихъ словахъ, какъ *рука, буду, 'а—м'ата, п'ат'..*; развилось *полногласіе* и др. Что же касается *l* epentheticum, *cv, zv, l* (въ словахъ vela, plela), то эти явленія и многія другія въ области фонетики и морфологіи были извѣстны языку русскихъ славянъ съ глубокой древности, въ теченіе всей эпохи ихъ языковаго единства; возникли же они *раньше* этой эпохи. Примѣняя тотъ же методъ изученія къ другимъ славянскимъ языкамъ, южнымъ и западнымъ, мы возсоздадимъ эпохи языковыхъ единствъ общеболгарскаго, общесербо-хорватскаго, общесловинскаго, общечешско-словацкаго, общелужицкаго, общепольско-кашубскаго, съ которымъ въ ближайшемъ родствѣ находилась группа вымершихъ говоровъ славянъ полабскихъ. Сравнивая звуковой и морфологическій составъ славянскихъ группъ въ эти доисторическія эпохи, мы замѣтимъ длинный рядъ общихъ чертъ. Какъ объяснить эти общіе факты? Что обусловило ихъ появленіе? Отвѣтить теперь не трудно: эти общіе факты относятся къ эпохѣ еще болѣе отдаленной, когда предки отдѣльныхъ славянскихъ народовъ—праславяне—составляли одну группу, переживали одни тѣ же языковыя измѣненія; это эпоха существованія *языка праславянскаго* *). Для болѣе вѣрнаго представленія о праславянскомъ языкѣ необходимо обратить вниманіе и на то, что, кромѣ общихъ чертъ, отдѣльныя славянскія группы уже въ доисторическія эпохи представляютъ и черты различія. Одни изъ этихъ различій были развиты отдѣльными славянскими діалектами послѣ праславянской эпохи. Но нѣкоторыя изъ раннихъ различій возникли еще въ эпоху праславянскую и представляли тогда діалектическую особенность той или иной праславянской группы. Нельзя же видѣть въ праславянскомъ языкѣ языкъ совершенно единообразный у всѣхъ говорившихъ; на-ряду съ языковыми новшествами, распространявшимися на *всѣхъ* праславянъ, были и такія языковыя измѣненія, которыя отличали, хотя и не рѣзко,

*) Что касается названія—*общеславянскій языкъ*,—то оно неудобно по слѣдующимъ соображеніямъ. 1) не всѣ праславянскія языковыя явленія были общими, общеславянскими, были и тогда явленія діалектическія; 2) языковыя явленія общеславянскія могутъ и не быть праславянскими, а могутъ развиться и позднѣе, по распаденіи праславянскаго языка на отдѣльныя группы.

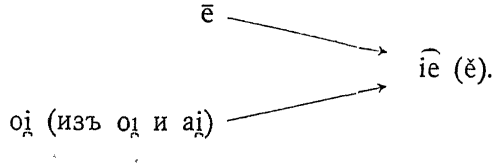
одну группу отъ другой. Такова, напр., судьба сочетаній *tj* (изъ tį) и *dj* (изъ dį). Праславянскій языкъ пережилъ измѣненіе въ этихъ сочетаніяхъ,—но измѣненіе, не одинаковое по всей праславянской языковой области. Общій характеръ измѣненія состоялъ въ томъ, что вм. *tj* развивался мягкій *t* (*t'*) съ *длительнымъ* затворомъ; вм. *dj*—соотвѣтствующій звонкій *d'*; при произношеніи такихъ *t'* и *d'* струя воздуха, проходя черезъ узкое отверстіе между передней частью спинки языка и небомъ, вызывала легкій мягкій длительный согласный звукъ небно-зубного ряда. Но не у всѣхъ праславянъ былъ одинаковъ укладъ языка при образованіи этихъ *t'* и *d'*,—не одинаковъ былъ вслѣдствіе этого и мягкій длительный согласный элементъ при *t'* и *d'*. Именно, въ одной части—на западѣ—послѣ *t'* развивался легкій согласный мягкій *ʂ*—t'͡ʂ', вм. *d'*—d'͡ʐ'. У остальныхъ же праславянъ—на югѣ и востокѣ—послѣ *t'* развивался легкій согласный *š*—t'͡š', вм. *d'*—d'͡ž'. Когда же эпоха языка праславянскаго рушилась, т. е. когда одинаковыя языковыя измѣненія перестали охватывать всѣхъ славянъ, то у тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ при *t'* слышался *s'*, развилось ć—c, а вм. *d'ʐ'*—dź—ź—z. Это—предки нынѣшнихъ западныхъ славянъ. Славяне, произносившіе t'͡ʂ', d'͡ʐ', пережили въ этихъ сочетаніяхъ дальнѣйшія измѣненія; это были предки нынѣшнихъ славянъ восточныхъ (русскихъ) и южныхъ. Въ качествѣ другого примѣра діалектическихъ явленій праславянской эпохи можно указать на судьбу ранняго праславянскаго сочетанія *tl, dl*. Праславяне, предки нынѣшнихъ западныхъ славянъ, сохраняли неизмѣнно эти звуковыя группы. Тѣ же праславяне, которыя были предками славянъ восточныхъ и южныхъ, одинаково измѣнили эти звуковыя сочетанія: *tl*→*l*, *dl*→*l*. И вообще, нѣкоторыя изъ возникавшихъ языковыхъ явленій дѣлили праславянъ на двѣ діалектическія группы: на группу, занимавшую въ послѣдній періодъ праславянскаго языка западную часть территоріи прародины, и группу, жившую на югѣ и востокѣ ея. Но въ юго-восточной группѣ не всѣ языковыя измѣненія распространялись на всѣхъ ея представителей. Были и такія явленія, которыя намѣчали говоръ славянъ восточныхъ съ одной стороны и славянъ южныхъ—съ другой. При этомъ, говоръ праславянъ-предковъ южныхъ славянъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые занимали болѣе западныя области территоріи и сосѣдили съ западной группой, переживалъ нѣкоторыя

явленія, общія съ западно-праславянскимъ діалектомъ. (Ср. напр., судьбу *tort, *tert, tolt, *telt въ чешско-словацкомъ и южно-славянскихъ языкахъ, сохраненіе *tl, dl* въ нѣкоторыхъ словинскихъ говорахъ и нѣк. др.).

Итакъ, эпоха праславянскаго языка характеризуется тѣмъ, что языковыя измѣненія, возникавшія тогда, захватывали всѣхъ говорившихъ, предковъ позднѣйшихъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. Но, кромѣ явленій общихъ, нѣкоторыя группы развивали и такія языковыя новшества, которыя имѣли значеніе областное, діалектическое.

Изученіе отдѣльныхъ славянскихъ языковъ въ ихъ исторической перспективѣ приведетъ насъ необходимо къ эпохѣ праславянской. Оно дастъ возможность возстановить звуковой и морфологическій составъ праславянскаго языка. Но многія изъ явленій этого языка, возстановляемыхъ нами на основаніи изученія славянскихъ языковъ, останутся невыясненными, необоснованными, и возстановленіе это будетъ не полно, если мы ограничимъ сферу нашихъ изученій только одними славянскими языками. Напр., для праславянскаго языка надо полагать, что согласный задненебный *к* въ нѣкоторыхъ случаяхъ чередовался съ аффрикатой (слитнымъ согласнымъ) č: pokoj ‖ počiti; въ данномъ случаѣ č вм. *k* передъ *i*. Иногда же *k* замѣнялся аффрикатой c: rokъ ‖ rosi; здѣсь передъ *i* вм. *k—c*. Какъ объяснить эту двойственность измѣненія согласнаго *k* передъ *i*? Отвѣтъ на этотъ, какъ и на многіе другіе вопросы, будетъ ясенъ, если мы сдѣлаемъ шире рамки нашихъ изученій, если составъ праславянскаго языка, полученный на основаніи изученія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, будемъ изучать сравнительно съ другими родственными языками—языками индоевропейской или аріоевропейской семьи. Необходимость привлеченія данныхъ другихъ индоевропейскихъ языковъ слѣдуетъ и изъ слѣдующаго обстоятельства. На основаніи сравнительно-историческаго изученія славянскихъ языковъ мы возстановляемъ составъ праславянскаго языка *послѣдняго* періода его существованія, — періода, непосредственно предшествовавшаго обособленію отдѣльныхъ діалектическихъ группъ (къ I—III в.в. по Р. Хр.). Между тѣмъ, эпоха праславянскаго языка была весьма продолжительна. Въ теченіе ея произошелъ рядъ послѣдовательныхъ крупныхъ измѣненій въ праславянскомъ языкѣ. Эти измѣненія, эти процессы, происходившіе въ пра-

славянскую эпоху, вскроются передъ нами, если мы составъ праславянскаго языка послѣдняго періода его жизни поставимъ въ сравнительно-историческую связь съ другими индоевропейскими языками, т. е. со слѣдующими группами: индійской, иранской, армянской, албанской, греческой, кельтской, италійской, германской и балтійской. Всѣ эти языки вмѣстѣ съ праславянскимъ входили нѣкогда въ составъ одного общаго индоевропейскаго языка. Когда выдѣлился праславянскій языкъ изъ состава индоевропейскаго праязыка, т. е. когда онъ пересталъ переживать общія явленія съ другими группами индоевропейскаго праязыка, трудно опредѣлить. Во всякомъ случаѣ рядъ столѣтій отдѣляетъ начальную эпоху отдѣльной жизни праславянскаго языка отъ послѣдняго періода его жизни,—періода, за которымъ непосредственно слѣдовало выдѣленіе славянскихъ языковыхъ группъ,—періода, возстановляемаго нами на основаніи указаній отдѣльныхъ славянскихъ языковъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій своей жизни праславянскій языкъ пережилъ послѣдовательно рядъ измѣненій, уяснить которыя можно изъ сравнительнаго изученія праславянскаго языка съ другими индоевропейскими языками. Напр., на основаніи свидѣтельствъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ надо полагать, что праславянскій языкъ въ послѣдній періодъ своего существованія зналъ звуковое сочетаніе i͡e (ě—ѣ): *sěmę, *věd—, *sněgъ, *lěvъ и т. д. Во всѣхъ указанныхъ словахъ *ě (ѣ) звучало одинаково i͡e. Но такъ ли было въ теченіе *всей* эпохи праславянскаго языка? Нѣтъ. Сравненіе формъ съ ě съ соотвѣтствующими образованіями въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ обнаруживаетъ, что ě различно по своему происхожденію изъ индоевропейскаго праязыка, и гласные элементы, звучавшіе наканунѣ распаденія праславянскаго языка, какъ i͡e (ě), въ болѣе раннее время имѣли не одинаковое звуковое значеніе. Дѣйствительно, ě въ словѣ sěmę восходитъ къ общему индоевропейскому ē: ср. латин. sēmen; ě же въ словахъ věd—, lěv—, sněg— восходитъ къ общимъ индоевропейскимъ дифтонгамъ oi̯ и ai̯: ср. праслав. věd—, греч. (*F*)οἶδα; прасл. lěv—, греч. λαι(*F*)ός, прасл. sněg—, литов. snaigýti.—Итакъ,



Ясно, что такое совпаденіе не могло произойти въ короткій промежутокъ времени. О продолжительности этого процесса могутъ свидѣтельствовать и слѣдующія явленія. Согласные *k, g, ch,* находясь передъ гласными передняго ряда—ī, ē, e, ę, ĭ—и согласнымъ *j* измѣнялись по направленію къ согласнымъ передненебнымъ: k → č, g → dž→ž, ch → š; pokoj—počiti, bogъ—bože, duchъ—dūše; гласный ē становился послѣ č, dž→ž, š болѣе открытымъ и совпадалъ съ гласнымъ *a*: *krьčatı* вм. krikēti: ср. viděti, gorěti и т. п. Когда же *k, g, ch* находились передъ oi̯ (изъ oi̯ и ai̯), они, естественно, не испытывали указаннаго измѣненія, заключавшагося въ передвижкѣ мѣста образованія звуковъ въ передній рядъ. Лишь въ болѣе поздній праславянскій періодъ произошла замѣна согласныхъ *k, g, ch,* находившихся передъ гласнымъ звукомъ вм. прежняго oi̯, согласными *c, d͡z,* ś. Очевидно, что указанная замѣна была вызвана качествомъ того гласнаго, передъ которымъ находились *k, g, ch.* Ясно, этотъ гласный былъ уже не *o* (oi̯), а гласный передняго ряда, вѣроятно, долгое *ŏ*, замѣнившее съ теченіемъ времени болѣе раннее праславянское oi̯ (изъ oi̯ и ai̯) и перешедшее къ концу праславянской эпохи въ i͡e (ě). Ср., напр., *cěpa и литов. kainà. Но почему же *k, g, ch* въ этомъ случаѣ замѣнились не согласными č, dž→ž, š, а согласными *c, dz,* ś? Да потому, что время было другое: Andere Zeiten—andere Lautgesetze [1]). Когда сочетаніе oi̯ → ō и вызвало измѣненіе *k, g, ch,* то эпоха замѣны этихъ согласныхъ передъ гласными передняго ряда звуками č, ž, š уже миновала. Этотъ законъ въ указанное время не дѣйствовалъ, и *k, g, ch,* находясь передъ ō (→ie), замѣнялись согласными *c, dz,* ś.

На продолжительность праславянской эпохи, на различные языковые процессы ея укажетъ и изученіе заимствованныхъ словъ въ праславянскомъ языкѣ. Славяне въ своей прародинѣ сталкивались съ разными народностями. Что касается прародины славянъ, то на основаніи данныхъ лингвистическихъ, географическихъ, историческихъ и археологическихъ надо полагать, что въ послѣдній періодъ праславянскаго языка славяне жили между Припятью, среднимъ Днѣпромъ, Бугомъ, Днѣстромъ, Карпатами, Вислой; заходили они, вѣроятно, и за Вислу, къ Одрѣ. (См. трудъ Lubor

[1]) K Brugmann. Griechische Grammatik, 3 Aufl., 6.

Niederle: „Slovanské starožitnosti". D. I. Praha. 1902). А. А. Шахматовъ въ двухъ своихъ работахъ, появившихся въ 1911 г.: 1) „Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen" [*]) и 2) „Къ вопросу о финско-кельтскихъ и финско-славянскихъ отношеніяхъ" [**])—опредѣляетъ прародину славянъ областью въ бассейнахъ западной Двины и нижняго теченія Нѣмана. Но, указывая на эту область, какъ на прародину славянъ, онъ имѣетъ въ виду ранній періодъ жизни праславянъ. Позднѣе славяне передвинулись, и по взгляду Шахматова, къ югу, въ бассейнъ Вислы.—Въ своей прародинѣ славяне сталкивались въ разное время съ разными народами: иранскими, литовскими (балтійскими), германскими, съ ѳракійцами, кельтами и др. Отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ народовъ праславяне переняли рядъ словъ для передачи нѣкоторыхъ культурныхъ понятій. Изученіе *послѣдовательности* словарныхъ заимствованій опредѣлитъ до нѣкоторой степени и длительность праславянской эпохи. При этомъ изученіи необходимо имѣть въ виду не только народъ или его группу, откуда шло заимствованное слово, но и тѣ звуковыя измѣненія, которыя происходили въ языкѣ этого народа: эти звуковыя особенности отражались и на словахъ, которыя заимствовались праславянами.

Итакъ, на основаніи сравнительнаго изученія славянскихъ языковъ въ ихъ исторической перспективѣ мы знакомимся съ составомъ праславянскаго языка послѣдняго періода его жизни. Изучая составъ праславянскаго языка этого періода сравнительно съ другими индоевропейскими языками, мы восходимъ къ болѣе раннимъ періодамъ праславянскаго языка. При помощи того же метода мы можемъ заглянуть и еще въ болѣе отдаленную глубь вѣковъ: можемъ опредѣлить, къ какимъ индоевропейскимъ языкамъ праславянскій языкъ находился въ ближайшемъ отношеніи. Нѣкоторыя данныя укажутъ его ближайшее отношеніе къ вѣтвямъ литовской (балтійской) и индо-иранской.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ схема возстановленія праславянскаго языка. При сравненіи состава языка праславянскаго съ современнымъ состояніемъ славянскихъ языковъ

---

[*]) Archiv für slav. Philologie Bd. XXXIII.—Русскій переводъ въ Ученыхъ Запискахъ Имп. Казан. Университета, 1911 г., іюнь-іюль: „Къ вопросу о древнѣйшихъ славяно-кельтскихъ отношеніяхъ".

[**]) Извѣстія Императ. Акад. Наукъ, 1911 г., №№ 9 и 10.

передъ взоромъ изслѣдователя раскроется тотъ многовѣковой процессъ эволюціи, который былъ пережитъ славянами въ ихъ языкѣ. Но для того, чтобы представить цѣлостную картину судебъ славянскихъ языковъ, нужно еще много труда положить на глубокое всестороннее изученіе ихъ въ прошломъ и настоящемъ. Поле велико, и жатва обильна...

Звуковой составъ праславянскаго языка. Праславянскія звуковыя явленія.

Праславянскому языку были извѣстны гласные *краткіе* и *долгіе*. Къ краткимъ гласнымъ относились гласные *о*, *е*, *ъ*, *ь*. Два послѣднихъ гласныхъ были въ особенности кратки; для произношенія ихъ требовалось меньшее количество времени, чѣмъ для произношенія обыкновенныхъ краткихъ гласныхъ *о* и *е*; *ъ* и *ь* были гласными редуцированными въ количественномъ отношеніи, гласными неполнаго образованія. Съ этой ихъ особенностью соединялась, вѣроятно, и меньшая опредѣленность въ акустическомъ отношеніи,—отсутствіе ясности въ звуковой окраскѣ.—Долгими гласными были ā, ū, y, ī, ę, ǫ, ě.

Каждый слогъ слова былъ также долгимъ или краткимъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда слоговой звукъ (гласный или сонорный согласный *r*, *l*, *m*, *n*) былъ долгимъ, то и слогъ являлся долгимъ: для его произношенія требовалось времени больше, чѣмъ для произношенія слога краткаго, т. е. такого, который заключалъ въ себѣ слоговой звукъ краткій: dǫ̆bъ, sě̆lŏ. Слогъ былъ долгимъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заключалъ въ себѣ дифтонгъ или дифтонгическое сочетаніе; къ послѣднимъ относились и сочетанія *о*, *е* и *ъ*, *ь* съ плавными передъ согласными: korva, berza, vilkъ. Подъ удареніемъ слоги праславянскаго языка различались не только со стороны количества, но и со стороны интонаціи. Именно, движеніе тона въ слогѣ было или *восходящимъ* (вѣрнѣе *восходяще-нисходящимъ*) или *нисходящимъ* (вѣрнѣе *нисходяще-восходящимъ*). При восходящей интонаціи тонъ энергично повышался и, дойдя до высшей ступени, рѣзко понижался: ↗↘ (знакъ при передачѣ этого качества ударенія ˊ). При нисходящей интонаціи тонъ тихо нисходилъ, понижался и къ концу слога нѣсколько повышался: ↘↗ (⌢).

Прим. 1) ˙vōr̄na (ср. русское *ворóна*, съ удареніемъ на второмъ гласномъ полногласнаго сочетанія, чеш. vrána), ˙bēr̄za (ср. рус. *берéза*, чеш. bříza), *pь́r̄si, líра (ср. чеш. líра).

2) *vo͡rtъ (ср. рус. *вóротъ*, съ удареніемъ на первомъ гласномъ полногласнаго сочетанія; сербское — vrât); ˙cь͡rnъ (ср. серб. cr̂n), *dru͡gъ (ср. серб. dr̂ug).

Краткіе слоги были преимущественно съ нисходящей интонаціей: *selò (\ знакъ для нисходяшаго ударенія на краткомъ слогѣ), pòlje (ср. серб. pȍlje). Но въ нѣкоторыхъ словахъ и краткіе слоги подъ удареніемъ имѣли интонацію восходящую: kòža (ср. чеш. kůže), ˙vòlja (ср. чеш. vůle); \ знакъ для восходящаго ударенія на краткомъ слогѣ).

Въ теченіе жизни праславянскаго языка произошли измѣненія въ области количества гласныхъ: долгіе гласные при опредѣленныхъ условіяхъ сокращались. Такъ, напр., въ послѣдній періодъ существованія праславянскаго языка гласные въ конечномъ слогѣ были только кратки; такими они были унаслѣдованы и отдѣльными славянскими языками. Сокращались также гласные передъ двухслоговымъ суффиксомъ или окончаніемъ: ˙sȳnove→*sy̆nove (ср. чеш. synové, серб. sȋnovi)—и въ нѣкоторыхъ другихъ положеніяхъ.

По мѣсту образованія гласные праславянскаго языка были въ общемъ трехъ рядовъ: задняго, средняго и переднаго.

При производствѣ гласныхъ *задняго* ряда задняя часть спинки языка приподнимается къ мягкому небу. Такого ряда гласные *a*, *o*, *u*, ǫ.

Гласный *a* у праславянъ развился вм. общихъ индоевропейскихъ ā и ō: ˙mati, ср. латин. māter, греч. дорическое μάτηρ; *darъ, ср. греч. δῶρον, латин. dōnum.

Гласный *o* также замѣнилъ два праязыковыхъ индоевропейскихъ гласныхъ: ă и ŏ: ˙osь, ср. греч. ἄξων, латин. axis; *oko, ср. латин. oculus.

Что касается праславянскаго *u*, то онъ восходитъ къ общимъ индоевропейскимъ дифтонгамъ ou̯, au̯ и eu̯. При этомъ, вм. eu̯ у праславянъ развивался передъ *u* i̯, а затѣмъ j, смягчавшій предшествовавшій согласный; если передъ i̯u → ju находился губной согласный въ начальномъ слогѣ, то при этомъ губномъ возникалъ мягкій плавный *l*. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ праславянскихъ языковыхъ группахъ *u* послѣ мягкихъ согласныхъ не оставался неизмѣннымъ, а прибли-

жался къ гласному u̯, близкому къ ü (къ высокому лабіализованному гласному передняго ряда).—*suchъ, ср. греч. αὖος (изъ σαυσος), лит. saũsas; *synu (род. ед.), ср. лит. sūnaũs; *bludǫ, ср. греч. πεύθομαι.—Какъ видно, праславянское *u* изъ дифтонговъ oų̯ (изъ oų̯ и aų̯) и eę̯ развивались только передъ согласными и въ концѣ слова. Если же за oų̯, eę̯ слѣдовалъ гласный звукъ, то эти сочетанія въ индоевропейскомъ праязыкѣ распадались на два слога, при чемъ ų̯ примыкалъ къ слѣдующему гласному. Въ праславянскомъ языкѣ въ послѣднихъ случаяхъ вм. oų̯—ov, вм. eę̯ также ov, если далѣе шелъ слогъ съ гласнымъ не передняго ряда; передъ гласными передняго ряда eę̯ → ev.—*novъ, ср. греч. νέ(F)ος; *lovъ, ср. греч. ἀπολαύω; *devętь.

Въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ гласные *a*, *o*, *e* въ дифтонгахъ были и краткими и долгими. У праславянъ āų̯, ōų̯, ēę̯ сократили долготу слоговыхъ гласныхъ и совпали съ oų̯, eę̯. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда āų̯, ōų̯, ēę̯ находились передъ гласными, ā, ō, ē не сокращались, и вм. āų̯, ōų̯ въ праславянскомъ языкѣ—āv, вм. ēę̯—ěv (ѣv): мѣст. пад. отъ основъ на—й: *synu, гдѣ—*u* восходитъ къ болѣе раннему—*ōų̯; *davě—*davьno; ср. *sluti—slovǫ—slava; sěverъ.

О носовомъ гласномъ ǫ̇ см. ниже.

Къ гласнымъ задняго ряда принадлежалъ и редуцированный или глухой гласный ъ. Можетъ быть, по діалектамъ ъ былъ ближе къ гласнымъ средняго ряда. ъ развивался вм. общаго индоевропейскаго ŭ: *mъchъ, ср. латин. mūscus; *sypъ, ср. литов. sūnùs. ъ развился не только вм. праязыковаго индоевроп. ŭ, но и вм. ŏ передъ конечнымъ *n* (изъ *n* и *m*); ŏ въ такомъ положеніи измѣнялось у праславянъ по направленію къ ŭ, совпадало затѣмъ съ ŭ, откуда ъ: ср. форму вин. п. основъ на—*o* муж. р. *vozъ, гдѣ—ъ вм.—ŏn.

Главныя измѣненія, пережитыя гласнымъ ŭ у праславянъ, заключались въ томъ, что онъ сталъ съ теченіемъ времени произноситься болѣе кратко и съ ослабленной артикуляціей; не было той работы губъ, какъ при *u*, того напряженія голоса, какъ при образованіи прочихъ гласныхъ (кромѣ ь); иначе укладывался и языкъ при производствѣ гласнаго, замѣнившаго ŭ,—гласнаго ъ: языкъ опускался нѣсколько ниже; артикулировала задняя часть языка, приподнимаясь (не такъ высоко, какъ при *o* или *u*) по направленію къ мягкому небу. Но именно, въ артикуляціи спинки языка въ праславянскихъ

говорахъ, въ особенности наканунѣ распаденія праславянскаго языка, не было единообразія: эта артикуляція была или болѣе задней или болѣе передней, или даже совпадала съ гласными средняго ряда.

Гласные *средняго* ряда—тѣ, которые образуются при подъемѣ средней части верхней спинки языка къ части неба, находящейся на границѣ между мягкимъ и твердымъ небомъ. Въ праславянскомъ языкѣ къ такому ряду относился гласный *у (ы)*. У праславянъ этотъ гласный возникъ вм. общаго индоевропейскаго ū, по утратѣ лабіализаціи и замѣнѣ задней артикуляціи языка средней, хотя и близкой къ заднему ряду: вм. праяз. индоевроп. sūnŭs праслав. synъ (ср. литов. sūnŭs), ·ty, ср. лат. tū.

Гласный ·*y* развивался и вм. праязыковаго индоевроп. *o*, находившагося передъ согласными *ns* въ конечномъ слогѣ. Въ такомъ положеніи *o* становилось долгимъ, а затѣмъ измѣнялось и съ качественной стороны:—ons→ōns→ūns...→y: вин. п. мн. ч. основъ на—*o* муж. р. vozons→vozōns→vozūns...→vozy.

Конечное ōn также измѣнялось въ *y*: ·kamy—ср. греч. ἄχμων.

y представляетъ и удлиненіе гласнаго *ъ*: ср. ·sъlati и ·po-sylati.

При произношеніи гласныхъ *передняго* ряда средняя часть спинки языка поднимается къ *твердому* небу (palatum). Къ этому ряду принадлежали праславянскіе e, ę, ь, i и ě (*ѣ*).

Праслав. *e* соотвѣтствовало общему индоевропейскому такого же ряда гласному *e*: *berǫ—ср. литов. beriù, греч. φέρω, латин. fero. Кромѣ того, *e* замѣнило праязыковые индоевроп. ŏ и ă послѣ j и мягкихъ согласныхъ: ·pol'e ·polje изъ *poljo, ср. selo, město; зват. пад. duše, ср. ženo.

Носовой гласный ę произносился при открытомъ входѣ въ носовую полость. О его происхожденіи см. ниже.

Праславянскій *ь* былъ гласнымъ передняго ряда редуцированнымъ въ количественномъ отношеніи и ослабленнымъ со стороны артикуляціи. Онъ развился у праславянъ вм. общаго индоевроп. ĭ: *dьnь, ср. др.-инд. dínam, латин. nundinae. Положеніе языка при образованіи *ь* было нѣсколько ниже, чѣмъ при *i*, артикулировавшая часть спинки языка приподнималась ближе къ болѣе задней части твердаго неба, къ переходной части отъ твердаго къ мягкому небу. Необходимо замѣтить, что при образованіи и этого редуцирован-

наго гласнаго укладъ языка былъ не одинаковъ у представителей всѣхъ праславянскихъ группъ, въ особенности въ послѣдній періодъ праславянскаго языка.

ь возникалъ не только вм. ĭ, но и вм. ĕ передъ j и вм. *ъ* послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ: *trьje вм. *trejes; род. п. множ. ч. dušь, ср. ženъ.

Что касается происхожденія **i*, то онъ соотвѣтствуетъ праязыковому индоевроп. ī или же дифтонгу eį, который на праславянской почвѣ замѣнился съ теченіемъ времени монофтонгомъ ī: *viti, ср. литов. vīti; *vidъ, ср. литов. véidas. Иногда праслав. ī замѣнялъ другой дифтонгъ—oį (изъ oį и aį). Это, во-первыхъ, тогда, когда oį находилось послѣ j или мягкаго согласнаго; въ такомъ положеніи oį→eį, откуда затѣмъ ī; во-вторыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда oį имѣло особый видъ интонаціи (объ этомъ см. ниже).

Къ гласнымъ передняго ряда относился и праслав. ě (*ѣ*). На основаніи указаній отдѣльныхъ славянскихъ языковъ надо полагать, что въ послѣдній періодъ жизни праславянскаго языка ě звучало, какъ дифтонгическое сочетаніе i͡e. При этомъ, звуковое качество гласнаго ě могло зависѣть отъ качества слѣдующаго слога: передъ твердымъ согласнымъ i͡e звучало съ болѣе открытымъ гласнымъ *e*, чѣмъ передъ согласнымъ мягкимъ. По говорамъ ě передъ твердыми согласными имѣло звуковое значеніе i͡ă. Праслав. ě восходитъ или къ монофтонгу ē или къ дифтонгамъ oį, aį, ōį, āį. Вм. общаго индоевропейскаго ē въ праславянскомъ языкѣ въ ранній періодъ его жизни произносился гласный открытый, близкій къ *a*. Послѣ j, č, ž, š этотъ открытый гласный вполнѣ совпалъ съ гласнымъ ā *): *kričati,—ср. viděti. Въ другихъ положеніяхъ праславянскій гласный, замѣнившій праязыковое индоевроп. ē, не переходилъ въ гласный *a* и въ дальнѣйшей жизни праславянскаго языка испытывалъ измѣненія въ другомъ направленіи, приведшія его къ дифтонгическому сочетанію i͡e: *sěmę,—ср. латин. sēmen.

Что касается праязыковыхъ индоевропейскихъ дифтонговъ aį и oį, то въ праславянскомъ они совпали въ одномъ

*) Иначе проф. Mikkola: праязыковое индоевроп. ē замѣнилось у праславянъ вообще eă и передъ мягкими согласными ie; тѣ же замѣны имѣлись и послѣ j, č, ž, š (Urslav. Gram. 47). Но достаточныхъ данныхъ для такого положенія имъ не приведено: ссылки на старо-польскій и чешскій языки не доказательны.

o̯. Въ дифтонгахъ же ā̯ и ō̯ долгота слоговыхъ гласныхъ сократилась, и они совпали также въ одномъ дифтонгѣ o̯. Дифтонгъ o̯ испыталъ затѣмъ рядъ измѣненій по направленію къ гласнымъ передняго ряда, и вм. o̯ развился одинъ гласный передняго ряда долгое ó. Въ результатѣ дальнѣйшихъ измѣненій образовалось дифтонгическое сочетаніе ie, то же, что и изъ ē [*]): ˙vědě, ср. греч. (*F*)οἶδα, ˊlěvъ, ср. греч. λαι(*F*)ός; дат. пад. ženě, ср. греч. θεᾷ.

Въ праславянскомъ языкѣ вм. ě иногда слышался *i*. Появленіе этого *i* зависѣло въ рядѣ случаевъ отъ качества долготы гласнаго слога: именно, *i* возникло въ конечномъ слогѣ, какъ полагаютъ нѣкоторые изъ изслѣдователей, при долготѣ прерывистой, перешедшей въ праславянскомъ языкѣ въ нисходящій тонъ ударенія (geschleifte Intonation): ˙mati: ср. литов. mótė (ė—закрытое ē); 2 л. мн. ч. славянскаго повелит. наклоненія: berěte; форма же славянскаго повелит. н. это собственно прежняя, индоевропейская форма желательнаго наклоненія. Въ этомъ наклоненіи славянскому ě соотвѣтствуетъ индоевропейское o̯: ср. греч. φέροιτε. Но въ формѣ 2 л. ед. ч. повелит. (желат.) наклоненія—*i*: beri(s), гдѣ основа имѣла также окончаніе o̯: ср. греч. φέροις. Такого же происхожденія *i* въ формѣ имен. пад. мн. ч. основъ на—*o* муж. р. vozi, bodzi:—ср. греч. λύκοι **).

Если же дифтонгъ o̯ находился послѣ j или мягкихъ согласныхъ, то *o* измѣнялось въ *e*, а вм. e̯ затѣмъ гласный ī: напр., дат. и мѣстный пад. основ. на—*a*: ˙duši, но *ryby.

Праславянскому языку были извѣстны носовые гласные: ǫ—носовое *o*, и ę—носовое *e*. Они возникали въ праславянскую эпоху вм. прежнихъ сочетаній—гласный+носовой согласный—при положеніи этихъ сочетаній не передъ гласнымъ, а передъ согласнымъ или въ концѣ слова. Въ *началѣ* и *срединѣ* слова ǫ развивался вм. общихъ индоевропейскихъ сочетаній *on, om, an, am*: ˊrǫka, ср. литов. rankà, ˊǫglь, ср. литов. anglis, zǫbъ, ср. греч. γόμφος, pǫtь, ср. латин. pons—pontis.

---

*) По мнѣнію Шахматова, ō → ûo → îe: см. „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“. Изв Отд. рус. яз. и слов Имп. Ак Наукъ, т. VI, (1901 г.), кн. 4, 270—271.

**) См. Б. М. Ляпуновъ. Формы склоненія въ старословянскомъ языкѣ. Одесса. 1905. Стр 18—20. О литературѣ вопроса см. С. М. Кульбакинъ. Древне-церк.-слов. языкъ. II. Харьковъ. Стр. 157.

Въ болѣе позднюю эпоху жизни праславянскаго языка посредствомъ ǫ у праславянъ передавались сочетанія *un*, *an* въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ: ˙ǫgrinъ—˙ųǫgrinъ (ungarus), др.—церк.-слав. ѫгринъ, рус. *угринъ* (современ. *венгерецъ* заимствовано изъ польскаго węgier);др. -церк.-слав. хѫдогъ,—ср. готское handungs (мудрый).

Въ *концѣ* слова гласный ǫ замѣнилъ праязыковое индоевроп.—ām: ср. форму винит. пад. ед. ч. основъ на—ā: ˙rybǫ, ср. греч. χώρον, латин. terram,—оконч. ą въ литов. яз.

ę въ *срединѣ* слова образовалось вмѣсто прежнихъ *en*, *em*: ˙pętь: ср. греч. πέντε, литов. penkì.

Въ срединѣ слова ę развилось и въ соотвѣтствіи литовскимъ сочетаніямъ *in*, *im*: ˙pamętь—литов. atmintìs. Въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ въ этихъ случаяхъ, надо полагать, звучалъ слоговой носовой *m* или *n*. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (Ф. Ѳ. Фортунатова, А. А. Шахматова, В. К. Поржезинскаго, отчасти І. Микколы), передъ слоговымъ *m* или *n* находился очень краткій слабый неслоговой звукъ, условно обозначаемый ими греческой буквой *ǒ* (здѣсь *ǒ* на качество этого редуцированнаго гласнаго *не указываетъ*). Этотъ редуцированный (или ирраціональный, по терминологіи Фортунатова) гласный получился въ результатѣ редукціи гласныхъ *o* и *e*. Въ литовскомъ языкѣ вм. праязыковаго индоевроп. *ǒ*m или *ă*n (съ слоговыми m и n) развились звуковыя группы *im*, *in*, *um*, *un*, а въ праславянскомъ—*ъ* или *ь*+носовой согласный—; изъ *ьn*(*ьm*) передъ согласнымъ развился затѣмъ ę.

Что касается ожидаемаго ǫ изъ ъn (ъm), то достовѣрныхъ примѣровъ указать нельзя.

Въ *концѣ* слова *ę развилось вм. ēn (ēm): *mę (мѣстоименіе 1 л. вин. п.) изъ *mēm, ср. др.-инд. mām (изъ mēm).

Можно предполагать, что праславянскому языку были извѣстны и другіе носовые гласные, кромѣ ǫ и ę: носовые ъ, ь, ū, ŭ, ī. Но носовое произношеніе ихъ (если таковое было) утратилось въ праславянскую же эпоху. Вм. конечнаго—*un* (изъ—*un* и—*on*)—*ъ*: форма вин. пад. основъ на—*ŭ*—*sūnun(m), форма того же падежа основъ на—*o* муж. р.—*vozъ изъ vozŭn←vozon(m). Вм. конечнаго—*ĭn*—*ь*: форма вин. пад. основъ на ī: *gostь изъ *gostĭn(m). Но по мнѣнію К. Бругманна, въ концѣ слова послѣ краткаго гласнаго *n* (изъ *n* и *m*) было утрачено (es ist ganz geschwunden);

оставались вслѣдствіе этого только ъ (изъ ŭ) и ь (изъ ĭ) (Kurze vergl. Gram. I, 279—280). Послѣ долгаго гласнаго въ концѣ слова согласный *n* не утрачивался, и ān→ǫ, а ēn→ę. Долгими *u* и *i* были передъ конечными *ns*: напр., форма вин. пад. мн. ч. основъ на ŭ: sūnŭns→sūnūns. Возможно полагать, что здѣсь вм. ūn образовался носовой гласный ū; затѣмъ по утратѣ носового произношенія его и измѣненіи въ артикуляціи развился гласный *y* (*s* въ концѣ слова утрачивалось): *syny. Такія же измѣненія происходили и въ формѣ вин. п. мн. ч. основъ на—*o* муж. р.: vozons→vozōns→vozūns...→vozy. Ср. также форму прич. наст. вр. муж. р. въ ед. ч. имен. пад. nesy изъ neson(t)s. Форма вин. пад. мн. ч. основъ на ĭ: gostĭns; ĭ передъ конечными *ns* удлинялось: gostĭns→gostīns, откуда gostī, черезъ стадію, можетъ быть, носового ī.

Таковы въ общемъ условія образованія носовыхъ гласныхъ въ праславянскомъ языкѣ. Но въ частностяхъ вопросъ о праславянскихъ носовыхъ гласныхъ является однимъ изъ наиболѣе трудныхъ въ области праславянской фонетики; многія явленія, связанныя съ праславянскими носовыми, остаются до сихъ поръ не выясненными. Напримѣръ, выше было отмѣчено, что въ окончаніяхъ—ons→ōns→ūns...→y: *vozy, vedy; но какъ объяснить ę въ формахъ вин. пад. мн. ч. муж. р. основъ на—*jo* или имен. п. прич. глаголовъ съ основой въ наст. времени на—*je*: *konję→*kon'ę, *znajęˀ Почему въ этихъ формахъ не ji (изъ jū), а jęˀ Многіе изъ ученыхъ объясняютъ это ję такъ, что переходъ o въ ö—e послѣ j *предшествовалъ* измѣненію *o* въ *u* передъ *n*, *ns*:—jons→jens→jēns—ję. Но такому повидимому простому объясненію противорѣчитъ рядъ фактовъ праславянской фонетики: этого *e* изъ *o*, ję изъ—jon+согл.—не развилось въ другихъ случаяхъ: znajǫtь, а не znajętь, *pišǫtь, а не pišętь и т. под. Форма винит. пад. муж. р. основъ на—*jo* при предположеніи, что *jo* измѣнилось въ *je* раньше, чѣмъ *o*→*u*, оканчивалась бы на—*je*: konjen, по утратѣ *n*—konje—kon'e; но праславянскій языкъ зналъ форму *konjь—*kon'ь изъ konjun←konjon. Для избѣжанія этого затрудненія предполагаютъ, что въ формѣ вин. пад. основъ на—*jo* муж. р.—*konjь—*kon'ь и т. под.—jь (изъ—jun) появилось не фонетически, а подъ вліяніемъ формъ вин. пад. основъ ва—*o* муж. р., гдѣ ъ изъ—un←on: *vozъ. ję въ формѣ прич. наст. вр. муж. р. им. п. и винит. пад. мн. ч. именъ съ основой на—*jo* муж. р. А. Лескинъ объясняетъ такимъ обра-

зомъ, что передъ *s* согласный *n* въ сочетаніи jons держался долѣе, чѣмъ передъ другими согласными, въ то время, какъ въ формѣ 3 л. мн. ч. наст. вр. ˙berǫtь изъ beronti, ˙˙znajǫtь изъ znajonti, *n* въ сочетаніи—jons сохранялся и держался онъ до времени измѣненія *o* въ *e* послѣ *j* и другихъ мягкихъ согласныхъ; — jons→jens→jēns. Возникновеніе носовыхъ гласныхъ, по мнѣнію Лескина и нѣкоторыхъ другихъ, относится ко времени болѣе раннему, чѣмъ jo→je. Лишь послѣ въ этой группѣ образовался ę (Grammatik der altbulgar. Sprache, 51).

По взгляду же Ф. Ѳ. Фортунатова и І. Микколы,—jons→jōns перешло въ jūns. ję они объясняютъ различно: изъ—jūns→jūns (Фортунатовъ); изъ jī, съ носовымъ ī (Миккола)

Слоговыми звуками въ праславянскомъ языкѣ были не только гласные, но и сонорные согласные *r*, *l* (принято передавать слоговое плавные посредствомъ знаковъ r̥, l̥). Слоговыми плавные были въ сочетаніи съ предшествовавшими ъ и ь между согласными, т. е. tъr̥t, tьr̥t, tъl̥t, tьl̥t, гдѣ глухіе *ъ*, *ь* были неслоговыми, а плавные *r*, *l* слоговыми. Въ литовскомъ языкѣ указаннымъ праславянскимъ сочетаніямъ глухихъ съ плавными соотвѣтствуютъ ur, ir, ul, il. Въ общемъ же индоевропейскомъ праязыкѣ предполагаются въ данныхъ случаяхъ r̥, l̥ или r̥, l̥ съ редуцированнымъ неслоговымъ звукомъ передъ ними: ₒr̥, ₒl̥ (о знакѣ *ₒ* см. выше).— ˙gъr̥dlo (ср. литов. gurklỹs), ˙˙vьr̥ba (ср. литов. vìrbas), ˙˙vьl̥na(ср. литов. vilnìs), ˙gъl̥kъ (ср. литов. gùlkščoja, - - ходитъ слухъ).

Въ праславянскомъ языкѣ были и такія сочетанія плавныхъ съ глухими, когда послѣдніе находились *за* плавными. Въ этихъ случаяхъ носителемъ слогового качества былъ гласный *ъ* или *ь*, а предшествовавшій ему плавный *r* или *l* имѣлъ значеніе консонантическое, былъ звукомъ неслоговымъ: вин. пад. ˙˙krъvь (ср. литов. krùvinas—кровавый), ˙˙plъtь (ср. латыш. plutā), ˙˙blъcha (ср. литов. blusà).

Но, исходя изъ показаній отдѣльныхъ славянскихъ языковъ въ ихъ прошломъ и современномъ состояніяхъ, можно полагать, что въ нѣкоторыхъ праславянскихъ діалектахъ *r* и *l* были слоговыми и передъ *ъ*, *ь* въ тѣхъ положеніяхъ, когда *ъ*, *ь* были слабыми, т. е. когда за *rъ*, *rь* слѣдовалъ слогъ съ гласнымъ полнаго образованія: ˙˙slьza—˙˙sl̥ьza, род. пад. ˙krъve—˙kr̥ъve, ˙˙plъti—˙p̄l̥ъti. (См. изслѣдованіе А. А. Шахматова: „Къ исторіи звуковъ русскаго языка. О полногласіи и нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ. СПб. 1903. Гл. VI).

При образованіи согласныхъ *сонорныхъ* преобладающее значеніе принадлежитъ *голосу*: онъ преобладаетъ надъ *шумомъ*, который присутствуетъ при произношеніи вообще всѣхъ звуковъ, называемыхъ *согласными*, и вызывается тѣмъ, что выдыхаемая струя воздуха на своемъ пути встрѣчаетъ преграду или въ видѣ полнаго затвора, смыканія органовъ рѣчи, или въ видѣ только тѣснины, сближенія ихъ. Взрываетъ ли выдыхаемая струя воздуха сомкнутыя органы рѣчи или она проходитъ черезъ узкое отверстіе, тѣснину отъ сближенія ихъ,—въ томъ и другомъ случаѣ присутствуетъ шумъ отъ *взрыва* или *тренія*. При сонорныхъ согласныхъ шумъ заглушается голосомъ. При образованіи другихъ согласныхъ основное качество звука опредѣляетъ шумъ; преобладающее значеніе принадлежитъ ему, а не голосу; послѣдній при нѣкоторыхъ согласныхъ вовсе отсутствуетъ (при *глухихъ* согласныхъ—k, p, t, s...).

Къ *сонорнымъ* согласнымъ въ языкѣ праславянскомъ принадлежали плавные *r*, *l* и носовые *m*, *n*. Плавные могли быть и неслоговыми, какъ вообще согласные звуки (ˈryba, ˈkolo), и слоговыми (tъr̥t, tb̥l̥t...). Праславянскому языку были извѣстны три вида *l*: твердое, велярное—ł, (dałъ, seło, vołu), среднее *l* передъ *e*, *ę*, *ь*, *i*, *ě* (lira, lěsъ) и мягкое—*l'* изъ lj (ˈpol'e изъ ˈpolje, vel'a ← volja).

Въ области *шумныхъ* согласныхъ различаются по мѣсту образованія слѣдующія категоріи: 1) *задненебные* или *заднеязычные* согласные, когда задняя часть языка приходитъ въ соприкосновеніе съ мягкимъ, заднимъ небомъ (velum); 2) *среднененебные* или *среднеязычные*, когда средняя часть языка соприкасается съ задней частью твердаго неба; 3) *переднененебные* или *переднеязычные*, когда кончикъ или передняя часть языка соприкасается съ переднимъ, твердымъ небомъ и зубами; 4) *губные*, когда они образуются при участіи губъ или нижней губы и верхнихъ зубовъ [1]).

---

[1]) Согласные славянскихъ языковъ образуются въ полости рта Но возможно, что преграда, встрѣчаемая выдыхаемымъ воздухомъ, будетъ находиться въ гортани. Въ такомъ случаѣ возникаютъ согласные гортанные. Въ малорусскихъ, бѣлорусскихъ, польскихъ, лужицкихъ и нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ говорахъ къ такимъ согласнымъ относятся придыхательные согласные *h* передъ начальными гласными задняго ряда, какъ результатъ произношенія ихъ съ придыхательнымъ приступомъ.

Въ праславянскомъ языкѣ къ задненебнымъ согласнымъ относились *k*, *g*, *ch*. Праслав. *k* и *g* соотвѣтствуютъ общимъ индоевропейскимъ *k* и *g*: krъvь, ср. литов. krūvinas; igo, ср. латин. jugum. Кромѣ того, праслав. *g* (*k*) развились вм. праязыковыхъ индоевроп. *gh* (и *kh*), слитныхъ согласныхъ (аспиратъ), состоящихъ изъ взрывного *g* (или *k*) и гортаннаго длительнаго согласнаго: ˙mьgla, ср. др.-инд. meghas.—*к* и *g* замѣняли въ праславянскомъ языкѣ и праязыковые индоевроп. лабіализованные задненебные, простые и аспираты: k^{u}, g^{u}, $g^{u}h$, ($k^{u}h$);—лабіализованные, т. е. такіе, при образованіи которыхъ присутствуетъ работа губъ: онѣ вытягиваются, какъ бы для произношенія *u* (*y*): *govędo, ср. греч. βοῦς, гдѣ β замѣняетъ праязыковое индоевроп. g^{u}.

Индоевропейскому праязыку были извѣстны еще *k* и *g* средненебные: $\widehat{k}$, $\widehat{g}$, $\widehat{ch}$. Въ вѣтвяхъ балтійской и славянской вмѣсто $\widehat{k}$, $\widehat{g}$ развились согласные передняго ряда длительные, извѣстнаго вида š и ž, которые съ теченіемъ времени въ языкѣ праславянскомъ замѣнились согласными *s* и *z*: ˙sъto, ср. лит. šimtas; ˙desętь, ˙desętъ, ср. литов. dešimtas; ˙zьrno, ср. литов. žirnis.

Согласный длительный *ch* возникъ въ праславянскомъ языкѣ вм. общаго индоевроп. *s* послѣ *i* и *u*, какъ самихъ по себѣ, такъ и въ окончаніи дифтонговъ, а также послѣ *r* и *k*: мѣст. пад. trьchъ, ср. литов. trisù; ˙blъcha, ср. литов. blusà; suchъ, ср. литов. saũsas; ˙vьrchъ, ср. литов. virszùs; 1 л. аориста ˙rĕchъ изъ ˙rēksom.

Къ разряду *средненебныхъ* согласныхъ принадлежалъ праславянскій *j*, по мѣсту образованія близкій къ *i*, въ особенности къ i̯. Онъ замѣнилъ праязыковые индоевроп. i̯ и j (впрочемъ, нѣкоторые ученые отрицаютъ существованіе j въ индоевропейскомъ праязыкѣ): *ja (*ja-že), *je (je-že), *jego... (j ← i̯), ср. греч. ὅς, др.-инд. yas; ˙igo изъ ˙jьgo, гдѣ j изъ j, ср. латин. jugum, греч. ζυγόν.

На праславянской почвѣ i̯, откуда затѣмъ j, развился въ началѣ слова передъ гласными—*е*, *ь*, ē, діалектически передъ *a*: *jestь, ср. латин. est, греч. ἐστί; ˙imǫ изъ *jьmǫ, ср. vъz-ьmǫ; *jęti (вм. *ęti); *jagnę (и agnę), ср. латин. agnus.

Къ категоріи *передненебныхъ* или *небно-зубныхъ* согласныхъ относились согласные t, d; s, z; ś, š, ž. Праслав. *t*, *d* замѣнили праязыковые индоевроп. 1) *t*, *d* и 2) *th*, *dh*: 1) *pamętь, ср. литов. atmintìs; *darъ, ср. греч. δῶρον;

2) męto, ср. др.-инд. mántha-ti (трогаетъ); *dymъ, ср. др.-инд. dhūmas.

Праслав. *s*, *z* восходятъ въ однихъ случаяхъ къ праязыковымъ индоевроп. *s*, *z*, въ другихъ къ k͡, g͡, gh͡ (см. выше): *sedmь, ср. латин. septem; *mьzda, ср. готское mizdō. *Палатальное* ś явилось въ результатѣ измѣненія *ch* передъ ě и *i* (изъ oi̯) и въ нѣкоторыхъ категоріяхъ послѣ *ь*, *e*, ę, *i*: *duchъ—мѣстн. пад. *dusěchъ, гдѣ ě изъ oi̯: ср. греч. оконч. —οισι (λύκοισι); им. мн. dusi, гдѣ *i* также изъ oi̯: ср. греч. ок. οι (λύκοι); мѣстоим. *vьsь.

Согласные š и ž были въ праславянскомъ языкѣ согласными *палатальными*, т. е. такими, при образованіи которыхъ принимаетъ участіе, кромѣ передней части языка, и средняя, приподнимаясь къ твердому небу (palatum). š развилось на мѣстѣ болѣе раннихъ группъ sj и ch передъ j и гласными передняго ряда, а ž вм. zj и g передъ j и гласными передняго ряда *pišetь, *sušiti, *duša, *vęžetь, *ležati.

Къ *губнымъ* согласнымъ въ праславянскомъ языкѣ принадлежали согласные *p*, *b* и *v*. Праслав. *p* замѣнилъ праязыковое индоевроп. *p* (и, можетъ быть, *ph*), а *b*—вм. *b* и чаще *bh*: *pętь, ср. литов. penki, греч. πέντε; *berǫ, ср. др.-инд. bhárāmi, лат. fero; **b* изъ *b*: древ.-церк.-слав. форма сравн. степ. болии, ср. др.-инд. bálam (сила).

Праслав. *v* изъ болѣе ранняго u̯, которое восходитъ къ такому же общему индоевропейскому звуку: *novъ ср. греч. νέ(*F*)ος. Въ праславянскомъ языкѣ u̯, откуда *v*, развилось передъ начальными ŭ (ъ), ū (у) и діалектически передъ *o* и ǫ: ср. др.-церк.-слав. въпити, но въз-ъпити; въıкнѫти, но оѹчити (—корень тотъ же, но съ индоевроп. дифтонгомъ ou̯; въ первомъ словѣ въ корнѣ индоевроп. ū); польск. wǫchać, др.-церк.-слав. ѫхати (безъ *v* ← u̯ передъ ǫ).

Кромѣ простыхъ согласныхъ, праславянскому языку были извѣстны согласные слитые—*аффрикаты*. Аффриката—звукъ, образовавшійся изъ сліянія двухъ согласныхъ, одинаковыхъ по мѣсту образованія и однородныхъ по участію голоса (двухъ глухихъ или двухъ звонкихъ); но изъ нихъ первый—взрывной, а второй — длительный (фрикативный). Праславянскіе аффрикаты—č, d͡ž (откуда затѣмъ ž) и c; d͡z; всѣ эти аффрикаты были съ палатальной артикуляціей.

č развилось на мѣстѣ *к* передъ *j* и гласными передняго ряда; d͡ž изъ *g* передъ *j* и гласными передняго ряда; вм. d͡ž затѣмъ, но еще въ праславянскую эпоху, развилось ž:*plačь,

pečeši, ·lъdžь → ·lъžь, ·želězo, гдѣ ž изъ dž←ge ..: ср. литов. geležis. *c* явилось, какъ результатъ измѣненія *к* передъ ě и *i* (изъ oi), а также въ нѣкоторыхъ категоріяхъ послѣ *i*, *e*, *ь*, ę, напр., въ суффиксахъ —*ьсь*, —*ice*, —*ica*, въ заимствованныхъ словахъ на—ędzь: vьlci, ср. греч. λύκοι; vьlcěchъ, ср. греч. λύκοισι; bodzi—bodzěchъ, *ovьca, *děvica, *kъnędzь (др.-верхненѣм. kuning).

Нѣкоторые изъ праславянскихъ согласныхъ при извѣстныхъ условіяхъ становились согласными мягкими, смягченными или палатализованными. Явленіе *палатализаціи* согласныхъ заключается въ томъ, что къ артикуляціи соотвѣтствующихъ твердыхъ согласныхъ присоединяется работа передней спинки языка, приподнимающейся къ твердому небу, приблизительно въ положеніе образованія *i*: ср. *p* и *p'* *b* и *b'* и др. Иногда прежняя артикуляція нѣсколько измѣняется: ср. напр., *s* и *s'*, *z* и *z'*. Не во всѣхъ положеніяхъ согласные, способные становиться смягченными, пріобрѣтали въ праславянскую эпоху одинаковой степени мягкость. Наибольшая мягкость согласнаго развивалась при его положеніи передъ *j*. При этомъ, *j*, смягчивъ согласный, какъ бы растворялся въ немъ, ассимилировался ему. Слабѣе смягчались согласные передъ гласными (передняго ряда); въ этомъ положеніи согласные были, такъ сказать, полумягки. Но и полумягкость была различна и находилась въ зависимости отъ слѣдовавшаго гласнаго: чѣмъ выше былъ гласный, тѣмъ сильнѣе было смягченіе.

Въ ранній періодъ жизни праславянскаго языка послѣднему были извѣстны сочетанія *o* и *e* съ плавными *r* и *l*: *or*, *ol*, *er*, *el*. Когда *r* и *l* указанныхъ сочетаній находились передъ согласными, то эти плавные сонанты были звуками долгими. Такими же они были и въ литовской (балтійской) языковой вѣтви. Между тѣмъ, въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ *r* и *l* были въ однихъ случаяхъ долгими, вь другихъ краткими. Праязыковые краткіе *r* и *l*, находясь передъ согласными, въ литовской и праславянской группахъ удлинялись, становились долгими. При этомъ, *or*, *er*, *ol*, *el* могли быть или 1) въ началѣ слова (напр., лит. alkúnė, рус. *локоть* праслав. olkъtь), или 2) между согласными (напр., лит. galvà, рус. *голова*, праслав. *golva). Сочетанія перваго случая принято передавать формулами *ort*, *olt*, а второго—*tort*, *tert*, *tolt*, *telt* (гдѣ *t* представаяетъ какой-нибудь согласный). Въ раннихъ

праславянскихъ *ort*, *olt* (для *ert*, *elt* достовѣрныхъ примѣровъ указать нельзя) съ теченіемъ времени гласный *o* удлинился: ō, откуда a (ā), какъ вообще вм. ō. Такое измѣненіе гласнаго *o* было пережито *всѣми* праславянскими группами въ тѣхъ *ort*, *olt*, въ которыхъ *r*, *l* сохраняли долготу отъ эпохи общей индоевропейской. Въ этомъ случаѣ въ праславянскомъ языкѣ развилась *восходящая интонація* слога подъ удареніемъ вм. прежней *длительной долготы*. Когда же *r* и *l* въ индоевропейскомъ праязыкѣ были краткими, то, удлиняясь въ языкѣ праславянскомъ, они развивали долготу *прерывистую*, перешедшую затѣмъ въ *нисходящую интонацію* ударенного слога. Въ этомъ случаѣ, а также *въ неударенныхъ* слогахъ гласный *o* въ сочетаніяхъ *ort*, *olt* удлинялся только въ нѣкоторыхъ праславянскихъ діалектахъ,—именно, въ тѣхъ, которые дали начало южно-славянскимъ языкамъ. Въ прочихъ праславянскихъ языковыхъ группахъ удлиненія *o* не происходило. Другое явленіе въ сочетаніяхъ *ort*, *olt* состояло въ томъ, что всѣми діалектами была пережита перестановка гласнаго, удлинявшагося и не удлинявшагося.

I. **ort→rāt*, *olt→lāt*: съ *восходящимъ удареніемъ*.

Во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ этомъ случаѣ *rat*, *lat* radlo—ralo изъ ранняго праславянскаго ordlo, гдѣ or- имѣло восходящее качество ударенія. Что дѣйствительно здѣсь находилась восходящая интонація, то ср. литовское árklas (плугъ), гдѣ / (gestossene Intonation) указываетъ на прежнюю долготу плавнаго(r); этого же вида долгота слога въ литовскомъ языкѣ развилась въ соотвѣтствіи праславянскому восходящему тону ударенного слога: ср., наприм., праслав. vōrna (рус. *ворóна*) и литов. várna; праслав. kolīti (рус. *колóть*) и литов. kálti (латыш. kalt). О восходящемъ качествѣ ударенія на *or-* въ словѣ ordlo свидѣтельствуетъ и чешскій языкъ, гдѣ праславянскому ordlo соотвѣтствуетъ rádlo, съ долгимъ *a*; а надо замѣтить, что въ чешскомъ языкѣ прежняя праславянская долгота ударенного слога сохранялась тогда, когда онъ имѣлъ *восходящій* тонъ: ср. vrána, kláti, bříza и т. д. При нисходящемъ же качествѣ ударенія долгота въ чешскомъ языкѣ сокращалась: ср. vran (рус. *вóронъ*, изъ праслав. vorn̂ъ), zlato (рус. *зóлото*, изъ праслав. zol̂to). О восходящемъ тонѣ въ or—(ordlo) можетъ свидѣтельствовать и словинскій языкъ: rálo. Въ сербо-хорватскомъ языкѣ—rȁlo, т. е. съ нисходящимъ, рѣзкимъ

удареніемъ на краткомъ *a*. Въ данномъ случаѣ необходимо имѣть въ виду слѣдующее явленіе Въ сербо-хорв. языкѣ долгіе гласные при прежнемъ *восходящемъ* качествѣ ударенія сокращались; при этомъ, тонъ вторичнаго краткаго удареннаго гласнаго былъ уже не восходящимъ, а нисходящимъ. Это измѣненіе въ интонаціи находилось въ связи съ характеромъ восходящей интонаціи въ праславянскомъ языкѣ. Именно, какъ указано было выше (стр. 101), въ праславянскомъ языкѣ восходящая интонація была собственно восходяще-нисходящей: тонъ въ ударенномъ слогѣ, дойдя до высшей ступени, рѣзко понижался, падалъ. Въ сербо-хорватскомъ языкѣ первая часть удареннаго слога сократилась, и вмѣстѣ съ тѣмъ утрачена была и первая (восходящая) часть интонаціи; осталась рѣзкая, нисходящая часть ея (\): вм. ˀvõrna—vrȁna, вм. ˀkõrva—krȁva и др. Когда же въ праславянскомъ языкѣ интонація была *нисходящая*, то въ сербо-хорватскомъ языкѣ подъ удареніемъ въ начальномъ слогѣ она сохранялась неизмѣнно: vo͡rnъ, сербо-хорв. vr͡an, zo͡lto, сербо-хорв. zl͡ato.

II*a*. ·*o͡rt* → *rat*, ˈ*o͡lt* → *lat*: съ нисходящимъ качествомъ ударенія.

··*o.rt* → *rat*, ˈ*olt* → *lat*: въ неударенномъ положеніи.

У южныхъ славянъ: lakъtь, rasti.

II*b*. ·*o͡rt* → *rot*, *o͡lt* → *lot*; *ort* → *rot*, **olt* → *lot* при тѣхъ же условіяхъ.

У восточныхъ и западныхъ славянъ: lokъtь, rosti.

Что въ словѣ ·olkъtь *ol* — имѣло въ праславянскую эпоху нисходящую интонацію, то объ этомъ свидѣтельствуютъ сербо-хорватскій и словинскій языки. Въ сербо-хорв. lā̏kat, т. е. lā—съ нисходящимъ тономъ при удареніи, а послѣднее качество ударенія на начальномъ слогѣ сербо-хорватскимъ языкомъ было унаслѣдовано отъ языка праславянскаго (ср. только что сказанное о происхожденіи нисходящаго вида ударенія въ сербо-хорв. языкѣ). Въ словинскомъ языкѣ — lakā̏t, род. laktà; особенностью же словинскаго языка въ области ударенія является переносъ нисходящаго качества ударенія на слѣдующій слогъ: вм. *zo͡lto (рус. *зóлото*, серб.-хорв. zl͡ato) у словинцевъ zlato͡. Въ литовскомъ языкѣ праславянскому ˈolkъtь соотвѣтствуетъ alkúnė; долготы, подобной долготѣ на ar (ár) въ словѣ árklas, въ этомъ случаѣ (alkúnė) al—не имѣетъ.

Что касается orsti, то языки русскій и сербо-хорватскій указываютъ на то, что удареніе въ праславянскомъ orsti было на ti, а не на or—: старо-рус. *ростѝ, ростȕ*; въ штокавщинѣ rásti, гдѣ ra имѣетъ долготу гласнаго, сохранившуюся *передъ* прежнимъ удареніемъ; къ тому же, восходящее удареніе на ra—свидѣтельствуетъ о *вторичномъ* характерѣ его (см. выше сказанное о сербо-хорватскомъ удареніи).

Въ *словацкомъ* языкѣ въ нѣкоторыхъ словахъ находятся также *rat, lat* вмѣсто и на-ряду съ *rot, lot*, что̀ представляетъ черту, переходную къ южно-славянской языковой группѣ.—raven (чеш. roven), rásť, rastiem (чеш. růsti, rostu), raz—рядомъ съ roz—(чеш. roz—), ladik (чеш. lod'), lakeť и loket' (чеш. loket).

Нѣкоторые *старо-славянскіе (старо-болгарскіе)* памятники представляютъ примѣры удлиненія *o* въ сочетаніи *olt* (*olt*→*ōlt*→*ālt*), но *безъ перестановки*: ѫзалкати, ѫзалкаχъ, алъкати (съ ъ между плавнымъ и согласнымъ) и другія формы того же корня; кромѣ обычнаго ладии, встрѣчаются и алдии, ал'дии.

Что касается сочетаній *˟tort, ˈtert, ˟tolt, ˈtelt*, то они также подвергались измѣненіямъ въ эпоху праславянскую и затѣмъ въ отдѣльной жизни славянскихъ языковъ. Измѣненія, происходившія въ этихъ звуковыхъ группахъ, были не одинаковы уже въ эпоху праславянскую. Въ тѣхъ праславянскихъ діалектахъ, изъ которыхъ съ теченіемъ времени развились языки южно-славянскіе и чешско-словацкій, въ сочетаніяхъ *˟tort, ˟tert, ˟tolt, ˟telt* гласные *o* и *e* удлинялись, а изъ ō—a (ā), изъ ē → ě (ѣ). Удлиненіе же происходило подъ вліяніемъ долготы плавнаго *r* или *l* (они находились передъ согласными;—ср. замѣчанія о *tъrt*....). Кромѣ удлиненія гласнаго, была пережита и перестановка: *ˈtort* → *˟tart* → *trat*, *˟tert* → *tĕrt* → *trět*.....

Но къ какому времени относится явленіе перестановки гласнаго, къ эпохѣ ли праславянской или болѣе поздней,—ко времени отдѣльной жизни чешско-словацкаго и южно-славянскихъ языковъ? На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ возможно полагать, что этотъ процессъ, начавшись въ указанныхъ языковыхъ группахъ въ послѣдній періодъ праславянскаго языка, продолжался и въ отдѣльной ихъ жизни.

Въ другихъ праславянскихъ діалектахъ долгота плавнаго сократилась рано, и удлиненія гласныхъ *o* и *e* не было пережито; но перестановка *o* и *e* произошла съ теченіемъ

времени и въ этихъ языковыхъ группахъ. Послѣднія лежатъ въ основѣ языковъ польскаго и лужицкаго. Близки къ этимъ діалектамъ были и тѣ праславянскіе говоры, которые дали начало языкамъ славянъ поморскихъ и полабскихъ. Въ кашубскомъ языкѣ вм. **tert—tŕet*, вм. *tolt—tłot*. Перестановка гласнаго была пережита и въ звуковой группѣ *telt*; но въ говорѣ поморскихъ славянъ это *telt* рано совпало съ *tolt*, откуда кашуб. *tłot·* młoc вм. · melti (польск.—mleć). То же явленіе характеризуетъ и языкъ славянъ полабскихъ. Кромѣ того, въ кашубскихъ говорахъ вм. **tort* находится *tart*, т. е. въ языкѣ отдаленныхъ предковъ кашубовъ гласный *o* передъ *r* удлинился: *o* → ō → *a* (ā); но перестановки не произошло: gard, warna (см. выше). Это *a* при сохраненіи старой долготы или вторичномъ ея появленіи измѣнялось въ кашубскихъ говорахъ такъ же, какъ и всякое ā: ā → ô.

Что касается языка полабскихъ славянъ, то ему было извѣстно *tort* (вѣроятно изъ *tārt*) и весьма рѣдко *trot* (broda—brûda). Въ префиксѣ pēr—(въ южно-сл. prě—, рус. *пере*—) также не было перестановки.

Въ русскомъ языкѣ вм. **tort, *tert, *tolt, *telt* развилось такъ назыв. полногласіе: *оро, ере, оло, ело, (еле)*. Возникновеніе полногласія относится ко времени отдѣльной жизни русскаго языка, хотя къ раннему періоду ея,—къ періоду общерусскаго языковаго единства. Если бы полногласіе развилось (діалектически) въ праславянскую эпоху, то въ такихъ словахъ, какъ gorodъ въ малорус. нарѣчіи получилось бы вм.—rodъ—r͡uod → rid, какъ вм. всякаго праславянскаго *o* передъ слогомъ со слабымъ *ъ* или *ь*. (См. А. А. Шахматова: „Къ исторіи звуковъ рус. языка. О полногласіи и нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ“). Русскимъ языкомъ унаслѣдованы были изъ праславянскаго сочетанія *tort, tert...* съ инымъ звуковымъ характеромъ сравнительно съ другими славянскимъ вѣтвями; вѣроятно, въ томъ праславянскомъ діалектѣ, который далъ начало русскому языку, сочетанія *tort, tert...* имѣли плавный *r* или *l* не только долгимъ, но и слоговымъ; при такомъ предположеніи легко можно объяснить измѣненіе o͡r̥ въ ого

) Бодуэнъ-де-Куртенэ, Ягичъ и нѣк др. полагаютъ, что *a* въ кашубкихъ говорахъ въ *tart вторичное*, вм. *o*, и развилось это *a* не фонетически.

и т. д.: r̥ → r+гласный, подобный находившемуся передъ плавнымъ *).

Таковы главныя явленія, пережитыя праславянскимъ языкомъ. Но не всѣ эти явленія были пережиты имъ сразу въ одинъ и тотъ же періодъ времени: нѣкоторыя изъ нихъ развились раньше, другія позднѣе. Такъ, *ch* изъ *s* образовалось раньше, чѣмъ стали развиваться č, ž: когда изъ *k* передъ *j* и гласными передняго ряда возникало č, изъ *g*—d͡ž → ž, то въ это время *ch* уже было извѣстно праславянскому языку. š изъ *ch* передъ *j* и гласными передняго ряда—явленіе того же характера, той же эпохи, какъ и č и d͡ž—ž. По взгляду нѣкоторыхъ изслѣдователей, начало измѣненія s въ *ch* (черезъ стадію š) относится къ эпохѣ общей индоевропейской [1]).

Гласные o, ŭ, ū, находясь за j, č, ž, š, испытывали измѣненіе по направленію къ гласнымъ передняго ряда, сначала не утрачивая лабіализаціи: o → ȯ → ȯ, ŭ → u̇ → ü, ū → ū̇ → ū̇. Затѣмъ гласные ȯ, u̇, ū̇ утратили лабіализацію: ö → e, ü → ĭ, ū → ī; въ то же время и ū → y. Тогда же, можетъ быть, произошла утрата лабіализаціи и краткимъ ŭ и его ослабленіе, редукція, т. е. ŭ → ъ; вмѣстѣ съ этимъ ослаблялся, редуцировался и ĭ· ĭ → ь.

Ко времени утраты лабіализаціи гласнымъ ū и возникновенія ъ, ь закончился уже процессъ измѣненія *o* по направленію къ *u* въ конечномъ слогѣ передъ *n*: *on* → *o*ᵘ*n* → *un*... → ъ; *ons* → *ōns* → *ūns*... → *y*.

Когда ū утрачивало лабіализацію и передвигалось нѣсколько впередъ, тогда дифтонги ou̯, eu̯ еще не звучали, какъ монофтонги ū, 'ū. Лишь послѣ этого процесса ou̯, eu̯ → ū, 'ū (иначе бы и u изъ ou̯ перешло бы въ *y*). Когда ou̯, eu̯ замѣнялись монофтонгами, тогда же подобнымъ образомъ измѣнялся и дифтонгъ ei̯, переходившій въ монофтонгъ ī. Пе-

---

*) Литературу вопроса о праславянскихъ сочетаніяхъ *e*, *o* съ плавными *l*, *r* см въ работѣ Tore Torbiornsson'a: Die gemeinslavische Liquidametathese I, II. Upsala. 1901, 1903 Въ его же статьѣ: Antikritische bemerkungen zur slavischen metathesenfrage. (Beiträge zur kunde der indogerm. sprachen. B. 30 (1906)

[1]) См. H Pedersen. Das indogermanische *s* im Slavischen. (Indogermanische Forschungen. V, 1895 г., стр. 83 слѣд) Ср. также у И. Эндзелина: „Слав.-балт. этюды", стр. 28 слѣд

реходу въ ī подвергалось и то ei, которое получилось изъ oi̯ послѣ j, č, ž, š (ср. форму дат.-мѣст. пад. ед duši).

oi̯, не переходившее въ ei̯, съ теченіемъ времени стало измѣняться по направленію къ гласнымъ передняго ряда: oi̯ → ō, откуда къ концу праславянской эпохи въ ie͡ (ě). Въ связи съ переходомъ дифтонга oi̯ въ разрядъ гласныхъ передняго ряда находилось измѣненіе согласныхъ k, g, ch въ c, dz, ś.

Установить соотносительную хронологію для всѣхъ праславянскихъ измѣненій пока невозможно, вслѣдствіе того, что остается невыясненнымъ рядъ весьма важныхъ явленій праславянскаго языка.

Пособія. J. J. Mikkola Urslavische Grammatik I. Lautlehre, Vokalismus. Betonung —Heidelberg, 1913.

С. М. Кульбакинъ Древне-церковно-словянскій языкъ. I. II, Харьковъ. 1911. 1912 (1-е изд.)

В Поржезинскій. Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ. Вып I Введеніе. Общеславянскій языкъ въ свѣтѣ данныхъ сравнительно-исторпческой грамматики индоевропейскихъ языковъ (Фонетика. Формы склоненія). М.—1914.

W. Vondrák. Op. cit I, II

A. Leskien Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Heidelberg, 1909.

K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. I. Strassburg. 1902

V Jagić. Einige Streitfragen 3. Eine einheitliche slavische Ursprache? (Archiv f slav. Phil Bd XXII).

– Работу Д П Джуровича: „Говоры общеславянскаго языка“ (Варшава, 1913) въ качествѣ пособія указать нельзя, вслѣдствіе многихъ слабыхъ сторонъ ея

Отношеніе славянской языковой группы къ балтійской (литовской).

Языки славянскіе и балтійскіе представляютъ рядъ общихъ явленій.

1) Праязыковые индоевропейскіе r̥ и l̥ (или o r̥ и o l̥) и слоговые m, n измѣнялись одинаково въ языковыхъ вѣтвяхъ славянской и балтійской: въ литов. яз. вм. r̥, l̥ (o r̥, o l̥)—ur, ir, ul, il; вм. слоговыхъ m, n—um(n), im(n); въ праславянскомъ

языкѣ были также ur, ir, ul, il, um(n), im(n), откуда затѣмъ ъr (ъr̥), ьr (ьr̥), ъl (ъl̥), ьl (ьl̥), ъm(n), ьm(n); вм. ьn(m) при извѣстныхъ условіяхъ развивался носовой гласный ę: праслав. gъrdlo, литов. gurklŷs; праслав. gъrstь, латыш. gurste; праслав. zьrno, литов. žìrnis; праслав. pьlnъ (рус. *полный)*, литов. pìlnas; праслав. gъlkъ (рус. *голкъ*, польск. giełk, zgiełk), лит. gùlkščoja („ходитъ слухъ"); праслав. mьnǫ—męti, литов. minùmìnti; прасл. pamętь, лит. atmintis; праслав. desętь, desętъ (десятый), литов. dešim̑tas (десятый), праслав. dъmǫ (неопр. накл. dǫti), литов. dumiù.

2) Общіе индоевропейскіе гласные ŏ и ă совпали и въ балтійской и славянской группахъ въ одномъ гласномъ, изъ котораго въ языкахъ первой группы—*a*, а второй—*o*: прасл. osь, литов. ašìs (ср. греч. ἄξων, латин. axis).

3) eu̯ не передъ гласнымъ въ языкахъ славянскихъ замѣнилось посредствомъ ju, въ балтійскихъ—jau: праслав. ljudъ—ljudьje, латыш. l'audis.

4) Переносъ ударенія въ опредѣленныхъ случаяхъ на послѣдующій слогъ: вин. п. ед. прасл. ·rǫkǫ (съ удареніемъ на rǫ—рус. рỳку, серб. рŷку), но им. п. ед. rǫkà (рус. рукà, чакав. rukȁ); въ лит. вин. п. ед. ran̑ką, но имен. пад. ед. rankà.

6) Вліяніе формъ именного склоненія съ основой на—ĭ на формы съ основой на согласный: напр., твор. пад. ед. отъ основъ на—*n*: kamen-ь-mь, гдѣ *ь* послѣ *n* подъ вліяніемъ такихъ формъ, какъ pǫtь-mь и т. п.; также въ литов.: akmen-i-mi.

7) Общей особенностью для языковъ праславянскаго и прабалтійскаго является окончаніе *a* въ формѣ род. п. ед. ч. основъ на—*o*. Эта форма представляетъ прежнюю индоевропейскую форму аблатива (отложительнаго пад.).

8) Какъ славянскимъ, такъ и балтійскимъ языкамъ извѣстно сложное склоненіе прилагательныхъ опредѣленныхъ. Образованіе этихъ формъ заключалось въ общемъ въ томъ, что къ именной формѣ прилагательнаго прибавлялась соотвѣтствующая форма мѣстоименія *i, *i̯a (ja), *i̯e (je): имен. п. ед. ч. прасл. dobrъ-i̯i, dobra-ja, dobro-je; литов. geràs-is (муж. р.), geró-ji (ж. р.).

9) Рядъ общихъ особенностей въ синтаксисѣ и словарѣ (см. въ книгѣ И. Эндзелина: „Слав.-балт. этюды", стр. 190—200).

Какое же значеніе имѣютъ указанные факты сходныхъ явленій въ балтійскихъ и славянскихъ языковыхъ группахъ?— Уже въ раннихъ работахъ въ области индоевропейскаго языкознанія нѣкоторыя изъ этихъ явленій служили данными для положенія о балтійско-славянскомъ языковомъ единствѣ: балтійскіе и славянскіе языки нѣкогда, послѣ распаденія индоевропейскаго праязыка на отдѣльные языки, составляли одну языковую группу, переживавшую одинаковыя измѣненія. Но съ теченіемъ времени балтійско-славянская группа распалась: выдѣлились языки прабалтійскій (откуда затѣмъ отдѣльные балтійскіе языки: древне-прусскій, латышскій и литовскій) и праславянскій. И до настоящаго времени взглядъ на нѣкогда бывшую балт.-славянскую эпоху имѣетъ много сторонниковъ, въ томъ числѣ К. Бругманна, сгруппировавшаго въ своей сравнительной индоевропейской грамматикѣ нѣкоторыя балтійско-славянскія языковыя особенности (Einige Charakteristika des Baltisch-Slavischen, § 10),—а также Ф. Ѳ. Фортунатова, А. А. Шахматова, В. К. Поржезинскаго, Яна Розвадовскаго и нѣк. др. Но общепринятымъ этотъ взглядъ считать пока не приходится. Имѣютъ основаніе и нѣкоторыя изъ тѣхъ возраженій, которыя сдѣланы скептиками въ вопросѣ о балтійско-славянскомъ языковомъ единствѣ. Такъ, существованіе этого единства отрицаетъ А. Мейе (A. Meillet, prof. au Collège de France): одни изъ сходныхъ явленій балтійскихъ и славянскихъ языковъ восходятъ къ эпохѣ общей индоевропейской: они составляли тогда діалектическія особенности той группы, въ составъ которой входили предки прабалтійцевъ и праславянъ; другія явленія развились позднѣе, въ отдѣльной жизни балтійскихъ языковъ съ одной стороны и славянскихъ съ другой; вслѣдствіе одинаковыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ и условій жизни балтійской и славянской группъ, въ нихъ возникали сходные языковые процессы,—но процессы, проходившіе независимо, „параллельно“ у славянъ и балтійцевъ: „partout on observe des parallélismes frappants, et partout de menues différences de détail qui excluent la communauté“. (Rocznik slawist. V. 156). Если и существовала эпоха балт.-славянскаго единства, то все же она не произвела никакихъ значительныхъ общихъ новообразованій.—По взгляду на балтійско-славянскій „вопросъ“ близко къ Мейе стоитъ И. Эндзелинъ. „Уже въ эпоху общаго индоевропейскаго праязыка „славянскій“ говоръ кое-чѣмъ отличался отъ „балтій-

скаго“ говора, занимая приблизительно срединное положеніе между „арійскимъ“ и „балтійскимъ“ говорами. Когда же при распаденіи общаго праязыка арійцы отдѣлились территоріально отъ славянъ, послѣдніе, оставаясь ближайшими сосѣдями балтійскаго племени, вступили съ нимъ въ эпоху совмѣстной жизни, во время которой ихъ языки были еще настолько близки другъ къ другу, что славяне еще понимали балтійскую рѣчь и наоборотъ. Въ то время ихъ языки обогатились цѣлымъ рядомъ общихъ имъ новыхъ словъ и подверглись нѣкоторымъ (немногимъ!) общимъ измѣненіямъ въ области фонетики, морфологіи и синтаксиса“. (Слав.-балт. этюды, стр. 200—201). Подъ положеніями Эндзелина „очень охотно подписывается“ и Мейе, такъ какъ они лишь немногими „тонкостями“ отличаются отъ положеній послѣдняго (ne diffèrent des miennes que par une nuance subtile, à peine saisissable, et auxquelles je souscris très volontiers.—См. Rocz. slaw. V. 153).

Въ эпоху индоевропейскаго праязыка намѣчавшійся говоръ предковъ праславянъ нѣкоторыми своими явленіями былъ близокъ не только къ намѣчавшемуся говору балтійскому, но и говору индо-иранскому (или арійскому). Такъ, *s* при нѣкоторыхъ условіяхъ въ той и другой группѣ стало измѣняться по направленію къ š—ch: праслав. vьrchъ, др.-инд. váršma (š—церебральное), литов. viršùs; въ др.-инд. мѣст. пад. мн. ч. отъ такихъ основъ, какъ ávi—(овца), sūnú—(сынъ) имѣлъ формы ávíšu, sūnúšu (съ церебральнымъ š); въ праславянскомъ формы этого падежа оканчивались на—chu (—chъ): *sypъchъ и др.; въ индо-европейскомъ же праязыкѣ окончаніемъ мѣст. пад. мн. ч. предполагается—su.

Согласные средненебные k, g ($\widehat{k}$, $\widehat{g}$) уже въ эпоху индоевропейскаго праязыка измѣнялись, но измѣнялись не одинаково во всѣхъ праязыковыхъ группахъ.—Въ тѣхъ изъ нихъ, которыя легли въ основаніе позднѣйшихъ отдѣльныхъ вѣтвей индо-иранской, славянской, балтійской, армянской, албанской, $\widehat{k}$, $\widehat{g}$ переходили въ длительные передненебные спиранты, š—s (изъ $\widehat{k}$) и ž—z (изъ $\widehat{g}$). Въ другихъ праязыковыхъ индоевропейскихъ діалектахъ, изъ которыхъ позднѣе образовались отдѣльныя группы греческая, италійская, кельтская и германская, $\widehat{k}$, $\widehat{g}$ приближались къ согласнымъ задненебнымъ. Подобнымъ же образомъ измѣнялись $\widehat{k}$, $\widehat{g}$ въ языкѣ (теперь

уже не существующемъ) тохарскомъ въ восточномъ Туркестанѣ. Такъ, на основаніи показанія всѣхъ языковъ индоевропейской семьи, полагаютъ для индоевропейскаго праязыка форму *k̂mtóm (съ слоговымъ m послѣ k)—„100“. Вмѣсто такого предполагаемаго общаго праязыковаго сочетанія отдѣльные индоевропейскіе языки представляютъ слѣдующія формы: др.-инд. çatám (ç—š'), въ авестѣ (въ др.-иранскомъ) satəm (ə—глухой, неполнаго образованія гласный—Murmelvokal—, неопредѣленной окраски), старо-слав. сѫто, литов. šim̂tas и др. 2) греч. ἑ-κατόν, латин. centum (kentum, *c* передъ гласными передняго ряда произносилось, какъ *к*), готское hund и др.

Пособія. K Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik. I (1902)
W. Porzeziński. Die baltischslavische Sprachgemeinschaft (Rocznik slawist IV).
Jan Rozwadowski. O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich. (Rocznik. slaw. V).
A. Meillet. Les dialectes indo-européens Paris 1908. (Глава IV. Le balto-slave). См. его же рецензію на изслѣдованіе Эндзелина. „Слав.-балт. этюды“, напечатанную въ Roczniku slaw., V, стр 153—163
И. Эндзелинъ. Славяно-балтійскіе этюды. Харьковъ. 1911.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
7	16 св.	Лукъяненко	Лукьяненко
20	17 сн.	dź'	dź
29	17 св.	касаетса	касается
37	14 сн.	t̂'s'	t̂'š'
38	5 св.	*dỹг*	*dỹг*
40	14 св.	9, 10 и др.	9 и нѣк. др.
45	16 сн	d̂'ž	d̂'ž'
56	15 св.	*modlitva*	*modlitba*
61	4 сн.	klič	klíč
64	7 св.	Гурбона	Гурбана
65	19 св.	Streitfrage	Streitfragen
69	11 св.	общеслужицкихъ	общелужицкихъ
70	14 сн.	со	съ
80	18 сн.	незнающимъ	незнающими
80	1 сн.	отмѣтить	отмѣтимъ

Въ литовскихъ словахъ знакомъ ̂ переданъ знакъ ˜.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР